

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 3 (84) — 2017

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (Ивановский филиал Академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Е. В. Панкратова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Адрес редакции (издательства):

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
Тел./факс в Иваново: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru
Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2017
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2017

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 3 (84) — 2017

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University,
Nizhniy Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **E. V. Pankratova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"
Tel./Fax: (4932) 32-74-52. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

ПОЛИТОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 3—16
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.1

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 3—16
ББК 66.3(2Рос),17
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.1

«ГЕНДЕРНЫЕ» ПРАЗДНИКИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

О. А. Воронина

Институт философии, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
olga-voronina777@yandex.ru

Рассматривается трансформация смысла и символики двух государственных российских праздников, отмечаемых 23 февраля и 8 марта. Помимо гендерной теории, автор опирается на идеи М. Бахтина о празднике как неотъемлемой части культуры, П. Бурдьё о символической политике и Э. Хобсбаума об изобретении новых (и угодных власти) традиций.

Праздник, приуроченный к 23 февраля, был учрежден в советское время как День победы Красной армии над войсками Германии (1918 г.). В его основе лежал политический миф о ее решающей победе над германскими войсками. В 2002 г. Государственная дума РФ переименовала этот праздник в День защитника Отечества, призванный восхвалять «великие победы русского оружия» и роль мужчины — воина-защитника-победителя.

Исторический смысл праздника 8-е Марта — Международный женский день борьбы за права женщин. В таком качестве он отмечался в России недолго. В советское время власти секвестировали идею эмансипации, поместив 8-е Марта в контекст заботы государства о женщинах. В современном российском политическом и общественном дискурсе 8-е Марта обозначается как женский праздник весны и любви.

Очевидно, что оба рассмотренных гендерных праздника оказываются конструктами с изменяемыми смыслами, призванными формировать пригодную власти картину прошлого и настоящего. Сегодня они воспроизводят традиционную гендерную идеологию и работают на укрепление дихотомии гендерных ролей. Это вполне соответствует объявленной властями политике возврата к традиционным ценностям.

Ключевые слова: гендер, праздник, символическая политика, День защитника Отечества, Международный женский день, изобретение традиций, гендерная идеология.

“GENDER” HOLIDAYS: THE TRANSFORMATION OF SYMBOLIC MEANINGS

O. A. Voronina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
olga-voronina777@yandex.ru

The author considers transformation of the meaning and symbolism of the two state Russian holidays celebrated on February 23 and March 8. Besides gender theory, the author draws from the ideas of M. Bakhtin about the feast as an integral part of the culture, P. Bourdieu about symbolic politics and E. Hobsbawm about the invention of a new (and acceptable to the authorities) traditions.

The holiday on February 23 was established in the Soviet era as the Day of Red Army's Victory over the troops of Germany (1918). Interesting in this case is not the holiday itself, but the fact that it is based on the political myth about the victory of the revolutionary army over the external enemy. As recent research has shown, in reality the Red Army had no victories to speak of at the time. The invention of the legend of the Red Army's Victory and the tradition of celebrating this day belongs personally to Stalin. In 2002 in Post-Soviet Russia the State Duma renamed the holiday on February 23 into the Day of the Fatherland's Defender. In the political discourse this holiday is associated with the recognition of the “Great Russian Victories” and the with the men's masculine roles as a warrior-defender-winner.

Historically, March 8 is associated with the famous German communist and feminist Clara Zetkin who proposed to establish the “International women's day for the rights of women” (1910). In pre-revolutionary Russia, the first International Women's Day was celebrated in 1913, the next celebration of International Women's Day was held on March 8, 1921 in memory of the women's strike in Petrograd in 1917. After the 1917 revolution, the idea of an international women's solidarity was eliminated thanks to the symbolic power politics. In modern Russia's political and public discourse March 8 is considered “women's holiday of spring and love”. Thus, this holiday has lost its original meaning of the struggle for gender equality and gained the opposite and very traditional value of a “feminine fest”.

The author comes to the conclusion that these holidays are symbolic constructs with variable meanings. They are formed and supported by state institutions as they serve to provide suitable pictures of the past and present; they also serve to produce and reproduce traditional gender ideology and strengthen the dichotomy of gender roles. This is consistent with the declared policy of the authorities to return to traditional values.

Key words: gender, national holiday, symbolic politics, the Defender of the Fatherland Day, International Women's Day, the invention of tradition, gender ideology.

В поле зрения российских ученых находятся многие аспекты гендерной системы, существующей в нашей стране. Но, как мне представляется, вопрос о гендерной идеологии как совокупности идей, которая либо обосновывает, либо преодолевает гендерное неравенство, изучен слабо. В формировании самой идеологии задействовано много различных факторов, однако я сосредоточу свое внимание только на одном из них — на той роли, которую играют официальные «мужские» и «женские» праздники в формировании гендерной идеологии как на государственном, так и на частном уровне. И хотя о праздниках 23 февраля и 8-е Марта, конечно же, много написано, в литературе не рассматривалась

их роль как механизмов символической политики государства. Эта тема и этот методологический подход становятся особенно актуальными сегодня, когда государством инициирован отказ от поддерживаемого ранее принципа гендерного равенства и поддержка традиционной дихотомии мужских и женских ролей. Гендерные праздники существуют как государственные только в нашей стране, и анализ символического смысла их создания и последующей трансформации поможет многое понять в сознании нашего общества.

Праздники являются неотъемлемой частью культуры любого общества. М. М. Бахтин называл праздник первичной и неуничтожимой категорией человеческой культуры, который «может оскудеть и даже выродиться, но... не может исчезнуть вовсе» [Бахтин, 1990: 6].

Большинство людей воспринимает праздник как радостное событие, вносящее разнообразие в рутину повседневной жизни и дающее возможность отдохнуть и повеселиться. Помимо этого частного смысла, каждый праздник имеет более общее мировоззренческое обоснование (свою «мифологию») и выполняет определенную символическую функцию в культуре. Особенно это относится к общенародным праздникам (государственные, национальные), которые способствуют сохранению культурной памяти и формируют национальную идентичность.

Память о прошлом консервируется в документальных свидетельствах и личных воспоминаниях. Личные воспоминания являются основой коммуникативной памяти как «живой» всего лишь на протяжении жизни одного или нескольких смежных поколений, когда воспоминания передаются непосредственно от очевидцев описываемых или воссоздаваемых событий. Продолжительность коммуникативной памяти — примерно 40 лет, после чего «живые» воспоминания переходят в фиксированную (письменная и пр.) форму. Очевидно, что личные воспоминания о событиях прошлого при передаче их новым поколениям лишаются своих уникальных деталей, что способствует их постепенному забыванию и облегчает манипулирование памятью. В отличие от коммуникативной, основным источником культурной памяти является не очевидец, а зафиксированный текст [Ассман, 2004: 64].

Право на сохранение и интерпретацию этих текстов и, соответственно, на сохранение культурной памяти принадлежит не всему обществу, а отдельным группам или социальным институтам, чаще всего — властным структурам. М. Фуко в своих работах убедительно показывает, что власть постоянно реконструирует прошлое и создает нужные ей представления о нем, формируя в своих целях те или иные культурные (символические) коды. Как отмечал один из его последователей, «прошлое имеет смысл, только исходя из его применения в современных условиях. Оно таит в себе неисчерпаемый источник представлений и аргументов, которые могут быть мобилизованы или, наоборот, вовремя забыты» [Фуше, 1999: 12]. Таким образом, история постоянно оказывается объектом манипуляций, власть реконструирует «непригодное» прошлое в своих интересах.

Очевидно, что государство играет особую роль в производстве политики — и реальной, и символической. Как пишет П. Бурдьё, объективные отношения власти воспроизводятся в символических властных отношениях: «В борьбе

за формирование общественного сознания на символическом уровне или, точнее, в состязании за монопольное право обозначать новые объекты или переименовывать существующие субъекты используют приобретенный в предшествующей борьбе и гарантированный законом символический капитал» [Бурдые, 1993: 146]. «Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов» [там же: 149], т. е. навязывать массе нужные власти смыслы прошлого, настоящего и будущего.

Создание образа прошлого и модели социальной, культурной или коллективной (групповой) памяти сопровождается практиками избирательного забывания, когда сохранение воспоминаний, документальных свидетельств об исторических фактах проходит определенную селекцию, идеализирующую или фальсифицирующую былое. Коллективная память, по мнению многих исследователей, находится под воздействием определенной политической манипуляции и практически никогда не воспроизводит «объективную» картину прошлого [Малинова, 2013]. Рассматриваемые под таким ракурсом «коллективная историческая память» и «коллективное историческое сознание» оказываются всего лишь метафорами.

Представления о прошлом можно изменять, не только «переписывая» тексты учебников, закрывая архивы, замалчивая реальные факты и создавая новые мифы, но и напрямую воздействуя на культурную и социальную память народа [Попова, 2011]. Поскольку одной из форм культурной памяти являются праздники, создающие через участие в ритуалах групповую идентичность, они также оказываются предметом властного влияния. Иногда власть просто отменяет старые государственные праздники и вводит новые. Так, праздник Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября) был замещен Днем народного единства (4 ноября), который утвержден Государственной думой РФ в 2005 г. в честь освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 г. Очевидно, что выбор в качестве основания праздника такого давнего события связан не столько с его историческим значением, сколько с календарной близостью даты к тому событию, которое власти решили изъять из социальной и культурной памяти народа. Одобренные государством праздники становятся элементом символической политики, так как продвижение или даже навязывание праздника с определенным смыслом означает формирование тех ценностей, на основе которых будет жить общество [Малинова, 2012]. Так, собственно говоря, и произошло на наших глазах со всеми старыми советскими государственными праздниками. Разумеется, требовалось время для того, чтобы сложился новый «национальный нарратив». В. Н. Ефремова, специально изучившая этот процесс, выделяет несколько его этапов. Для первого (1990—1994 гг.) характерны отказ от тоталитарного прошлого и попытки приспособить советские праздники к новому мировоззрению. Далее последовала разработка новой национальной идеи и новой государственной идеологии, сопровождавшаяся вытеснением старых смыслов советских праздников (1995—1999 гг.). На третьем этапе (2000—2011 гг.), отмеченном креном в сторону великодержавности, как раз и возникла политика реконструкции неудобного прошлого, сопровождавшаяся реформой праздничного календаря [Ефремова, 2015] и изобретением новых традиций и ритуалов празднования.

Стремление «подправить» национальные праздники исходя из актуальных интересов правящих элит характерно не только для современной России, но и практически для любой страны. Размышления над подобной ситуацией привели Э. Хобсбаума к формулированию концепта «изобретенная традиция», которым он обозначает «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил». При этом целью «изобретателей» «является внедрение определенных (нужных им) ценностей и норм поведения. Особенность “изобретенных” традиций заключается в том, что их связь с историческим прошлым по большей части фиктивная» [The invention... , 1983: 48—49]. Массовое изобретение традиций прослеживается Хобсбаумом с начала XX в. По его мнению, этот процесс стал следствием «кардинальных изменений социальных групп, обстановки и социального контекста, которые потребовали новых механизмов обеспечения и выражения социальной сплоченности и идентичности, а также структурирования социальных отношений» [ibid.: 263]. Изобретение новых традиций государственных праздников было, по его мнению, сознательным и намеренным и предпринималось для легитимации новых политических смыслов. Хобсбаум понимает церемонии и праздники как символические способы поддержания легитимации власти, «структурирующие обыденные интерпретации и поведение в рамках институциональной сферы» [ibid.: 225]. Задача государственного праздника как изобретенной традиции состоит в «политической социализации», т. е. в усвоении систем ценностей и правил поведения. Смыслы, декларируемые государственными праздниками, подразумеваются в качестве единственно возможных и законных. Вследствие этого праздники как символические системы и собственно политическое действие, наделенное идеологическим содержанием, способны производить и навязывать представления о социальном мире. Государственные праздники, таким образом, — это не просто изобретенные традиции, задача которых состоит в напоминании о прошлом, но и *символический конструкт*. Государственные праздники идеологически нагружены, они формируют нужную власти картину мира и легитимируют наличный политический режим.

В современной России утверждены восемь государственных праздников, три из которых имеют гендерный контекст. День защитника Отечества (23 февраля) считается в нашей стране мужским праздником. Женщинам посвящены Международный женский день (8-е Марта) и День матери (последнее воскресенье ноября). День матери был утвержден как государственный Президентом РФ Б. Н. Ельциным (Указ № 120 от 30.01.1998 г.) по примеру многих стран мира, где такой праздник существует, хотя и не имеет статуса государственного. В нашей стране он пока не получил особого признания у населения, хотя власти и СМИ напоминают о нем. В пару к нему и в соответствии с мировыми тенденциями в России пытаются ввести День отца (третье воскресенье июня), который не имеет статуса государственного праздника. Своего рода международным аналогом 8-го Марта можно считать Международный день мужчин (19 ноября), учрежденный ООН 15 лет назад. Однако в России этот день не отмечают.

В полной мере идея государственных праздников как символических конструктов, выполняющих определенную политическую и идеологическую

роль, относится, на мой взгляд, только к двум из описанных выше. Рассмотрим их подробнее.

Как известно, К. Цеткин в 1910 г. выступила с идеей учредить Международный женский день борьбы за права женщин. Она предложила считать его днем солидарности всех женщин, а не только работниц, подчеркнув тем самым, что женщины являются самостоятельной социальной категорией. При этом основной целью праздника должна была стать пропаганда борьбы женщин за право голоса.

В России первый Международный женский день отмечался в 1913 г. в первое воскресенье февраля. В следующий раз его празднование прошло 8 марта 1921 г. в память о женской забастовке в Петрограде в 1917 г. Советские историки часто замалчивали тот факт, что Февральская революция началась в Петрограде в Международный женский день (23 февраля по старому стилю или 8 марта по новому). Если за женщинами и признавалась хоть какая-то роль в Февральской революции, то она обычно представлялась как спонтанные выступления с экономическими требованиями («хлебные» или «кастрюльные» бунты). 19 марта 1917 г. прошла вторая, еще более масштабная женская демонстрация с требованиями предоставления женщинам равных прав с мужчинами, в том числе и в политической сфере. В этой акции приняли участие около 40 тыс. человек и свыше 90 женских организаций столицы [Стайтс, 2004: 333]. Как отмечает Р. Ратчайлд, эта «демонстрация... не упоминается ни в советском, ни в русском историописании. Если же о ней что-то и говорится, то содержание и сущность ее представлены... как мероприятие “буржуазных феминисток”» [Ратчайлд, 2017: 39]. Э. Вуд отмечает, что большевики считали женщин отстающими, импульсивными и ненадежными социальными элементами [Wood, 1997]. Однако в реальности в начале Февральской революции действия женщин прямо противоречили данному стереотипу [Юкина, 2007; Chatterjee, 2002; Voronina, 1999]. Так, результатом демонстраций и политической активности женщин стал закон от 20 июня 1917 г., который ратифицировал право российских женщин голосовать и баллотироваться на предстоящих выборах в Учредительное собрание [The Russian Provisional Government... , 1961: 455]. Этот факт также замалчивался российскими историками, которые часто утверждали, что впервые право голоса женщины получили только в 1918 г.

Вскоре после Октябрьской революции этот праздник утратил смысл выражения женской солидарности, он стал важной вехой партийной работы среди женщин и долгие годы сопровождался специальными политическими кампаниями. В 1918 г. при партийных комитетах и Советах народных депутатов были созданы женотделы, основной задачей которых было распространение партийного влияния на женщин посредством различных форм политико-воспитательной работы, а также более активное вовлечение женщин в строительство социализма на основе так называемой трудовой повинности. Параллельно с созданием женотделов и женсоветов были запрещены все ранее существовавшие независимые женские организации и свободная феминистская пресса. Ежегодно на уровне государства создавались специальные комиссии по празднованию 8-го Марта, активизировалась пропаганда «заботы партии и государства» о женщине и популяризация героических женщин, служащих интересам советского государства.

В качестве образцов для подражания подбирались специальные «героини» того времени — обычно передовики производства, чьи биографии намеренно выстраивались для использования в последующем для нужд идеологической работы [Voronina, 1993].

Г. Карпова, проведшая анализ отражения идеологии празднования 8-го Марта в СМИ за период с 1920 по 2001 г., выделяет следующие его образы [Карпова, 2003]. С 1917 по 1940 г. это был Международный женский день работниц, борьбы за коммунизм, праздник освобождения от гнета капитала, «смотр трудящихся женских масс, объединившихся против буржуазного строя». В 1941—1945 гг. это был день помощи женщин Красной армии для укрепления военной и экономической мощи советского государства. В 1945—1953 гг. Международный женский день опять стали ассоциировать с работницами, знатными стахановками, героинями труда.

Во второй половине 1950-х гг., наряду с сохранением официального статуса этого праздника как «смотра достижений советских женщин», начинается другой процесс. Международный женский день трудящихся женщин трансформируется в Женский день — праздник всех женщин, невзирая на возраст и статус занятости. И хотя официальная церемония праздника все еще сохраняет бюрократический сценарий, включая поздравления от имени партии и правительства, награждение женщин за их производственные достижения, тем не менее в официальных обращениях все чаще появляются теплые, носящие более личный характер слова, в репертуаре официальных концертов по случаю праздника место патриотического репертуара начинают занимать лирические песни [там же: 9].

В 1965 г. впервые в России 8-е Марта было объявлено нерабочим днем — в ознаменование выдающихся заслуг советских женщин в коммунистическом строительстве, в защите Родины в годы Великой Отечественной войны, их героизма и самоотверженности на фронте и в тылу, а также отмечая большой вклад женщин в укрепление дружбы между народами и борьбу за мир [Ведомости... , 1965]. Иными словами, власти решили снова реконструировать символический смысл этого дня, объявив его боевым праздником солидарности женщин всего мира в борьбе за демократию и социализм, свободу и равноправие, национальную независимость, за мир во всем мире.

Однако вскоре появились новые социальные проблемы (в частности, значительный спад рождаемости), и потому политический и героический смысл праздника стал постепенно замещаться акцентом на традиционных женских ролях. Так, в газете «Известия» (отражающей официальный политический курс власти), вышедшей накануне 8-го Марта, официальное поздравление содержит такие слова: «С чувством глубокой признательности мы обращаемся к женщине-матери. Она дарит ребенку жизнь, стоит у его колыбели, отдает тепло и нежность своей души, стремится вырастить достойного гражданина нашей Родины» (цит. по: [Карпова, 2003: 10]). Публикации в СМИ, официальные обращения, почтовые открытки стали украшать изображениями цветов с пожеланиями «женщинам-мамам-бабушкам» здоровья и семейного счастья. Эта новая идеология в отношении женщин была усилена заявлением М. Горбачёва, который предложил «вернуть женщине ее истинное призвание» [Горбачёв, 1988: 27],

имея в виду материнство и семейное предназначение женщин. Этот вектор отношения к женщинам со стороны властей с тех пор практически не менялся. Например, поздравляя женщин 8 марта 2017 г., Президент РФ В. В. Путин сказал: «Дорогие женщины России: мамы, бабушки, дочери, жены, подруги, наши близкие и самые любимые — примите мои сердечные поздравления с Международным женским днем. Вы наполняете этот мир своей красотой и жизненной энергией, согреваете его нежностью и душевной щедростью, создаете атмосферу уюта, радушия и гармонии» [Поздравление Президента РФ В. В. Путина... , 2017]. Официальные поздравления представителей власти с днем 8-е Марта всегда несут установочные ориентиры для политиков и частных людей, и в процитированном высказывании мы видим, что женщины представлены только как часть частного мира семьи. Неудивительно, что в современном российском общественном самосознании 8-е Марта считается «праздником женщин-весны-красоты-любви», а женщин старшего поколения поздравляют с «праздником мам и бабушек».

Таким образом, и в политическом дискурсе, и в массовом сознании 8-е Марта выступает поводом для воспроизводства сексистских стереотипов и традиционной идеологии семейного предназначения женщин. В публичном пространстве все чаще звучат слова о том, что «избыток» прав якобы тяготит женщин, которые «хотят быть просто женщинами» и опираться на крепкое мужское плечо, что женщины хотят не борьбы, а праздника. Невольно вспоминаются слова М. М. Бахтина о том, что праздник — это «временный выход в утопический мир» [Бахтин, 1990: 300]. Поэтому, как отмечает Г. Бовт, многие женщины согласны, что лучше «сексистский праздник» с цветами и конфетами хоть раз в году, чем никакого [Гендерный праздник без политики, 2017].

«Мужской» праздник — 23 февраля — имеет иную, но не менее интересную для нас историю, в ходе которой власти также неоднократно проводили реконструкцию «неудобного» прошлого в своих политических целях. Впервые 23 февраля было официально провозглашено Днем Красной армии в 1922 г., а в следующем году уже отмечался 5-летний юбилей Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). В. Миронов, опираясь на анализ исторических документов, убедительно показывает, что именно тогда стала формироваться мифология праздника, который (в соответствии со всеми мифами) должен иметь некий исток, важное изначальное событие¹. В качестве такого «порождающего события» было выбрано опубликование 23 февраля 1918 г. Декрета о создании РККА. В подтверждение своей версии о «случайности выбора» этого дня В. Миронов приводит архивные документы, согласно которым 23 февраля 1918 г. немцы находились в 55 км от Пскова и 170 км от Нарвы и никакие боевые действия в тот день не велись. Правда, битва под Псковом действительно была — но во время Ливонской войны (примерно в 1581 г.). Как доказывает В. Миронов, изобретение легенды о победе РККА под Псковом и Нарвой принадлежит лично И. Сталину, а первый материал об этой победе был опубликован в газете «Известия» только 16 февраля 1938 г. под заголовком «К 20-летию РККА и ВМФ.

¹ Миф праздника — это необходимый элемент ритуала, представляющий собой сконструированную историю о происхождении праздника и опирающийся на значимые для всего сообщества символы.

Тезисы для пропагандистов» [Миронов, 1994]. Не только В. Миронов писал о мифическом происхождении Дня Красной армии. Большинство историков также полагают, что эта победа — всего лишь политический миф. Газеты того времени не содержат абсолютно никакой информации о победах². Более того, нет восторгов по поводу славных сражений Красной армии и в февральских периодических изданиях 1919 г. Как видим, в этой реконструкции неугодного прошлого был применен не только новый миф, но и практика забвения.

В 1949 г. праздник был переименован в День Советской армии и Военно-морского флота. В 1990-х гг. многие политические силы рассматривали его в качестве главного, поскольку именно в армии видели «опору» и «защиту» от угрозы распада страны. Постепенно ушли в тень сомнительные обоснования побед под Псковом и Нарвой, и «неправильное» прошлое подверглось очередной реконструкции и ремифологизации. Ныне нарратив праздника опирается на ратные подвиги русского народа вне связи с изначальным событием, которое легло в основу советского праздника. В 2002 г. 23 февраля получило название Дня защитника Отечества и стало нерабочим днем, а в 2006 г. Государственная дума РФ исключила из описания праздника в законе слова «День победы Красной армии над кайзеровскими войсками Германии (1918 год)». Ныне представители власти связывают смысл этого праздника с великими победами русского оружия на Чудском озере, с воинами князя Александра Невского, с разгромом врага армией Петра I в Полтавском сражении, с великими подвигами российского флота в морских боях, с победой в Великой Отечественной войне. Как считает нынешний министр обороны С. Шойгу, праздник «олицетворяет героическую историю государства, единство армии и народа, доблесть и патриотизм российского воинства» (см.: [Ефремова, 2014: 127]). Реконструированный таким образом праздник соответствует новой концепции национальной государственности, опирающейся на традиционные ценности. И вполне в духе традиционной матрицы гендерных ролей воспроизводится стереотип «мужчины — защитники Родины». В современных СМИ этот день иногда называется самым мужественным праздником.

Как показывает проведенный анализ, власть постоянно использует данные праздники как ресурсы символической политики для формирования нужной ей гендерной идеологии на основании своих политических интересов. Сегодня новые смыслы праздников воспроизводят традиционную гендерную идеологию и работают на укрепление дихотомии гендерных ролей, причем в самом архаичном ее варианте: женщина-мать и мужчина-воин/защитник/победитель. Новый дискурс праздников вполне соответствует тому развороту от модернизации к традиционализму, от прогрессизма к консерватизму, который начался в нашей стране в 2011 г. [Какое прошлое нужно будущему России, 2017]. В идеологическую кампанию по созданию нового мировоззрения и перезагрузке культурных кодов втягиваются не только высшие чиновники и политики, но и школьные учителя, журналисты, продюсеры сериалов и прочие производители массовой

² Это объясняется тем, что в реальности кайзеровские войска остановились на линии Псков — Нарва и выслали ультиматум. В это же время под угрозой оккупации Петрограда началась эвакуация органов власти в Москву. Брестский мирный договор был подписан 3 марта 1918 г. на германских условиях.

культуры, которых Д. Дондурей остроумно назвал «смысловики». Они ежечасно формируют для обывателя новую картинку мира, предлагают свои объяснительные схемы, выдвигают ценностные и моральные приоритеты [Дондурей, 2016].

Демонстративная архаизация общественного пространства затрагивает все сферы [Сергеев, 2012], но более всего — проблему гендерного равенства. Это видно не только по усилению пронаталистской политики, постепенному сужению репродуктивных прав женщин, введению в школах уроков религиозной культуры, популяризации деторождения как подлинного и единственного счастья женщины в массмедиа, особенно в отечественных телевизионных сериалах. Основным доказательством этого является отказ государства от проведения политики гендерного равенства, что выразилось прежде всего в свертывании или прекращении деятельности ранее существовавших звеньев национального механизма по гендерному равенству [Воронина, 2012].

И это — несмотря на сохранение гендерного неравенства и международные обязательства РФ. Попытки исследователей обратить внимание на эти факты весьма эффективно пресекаются властными элитами, контролирующими доступ к публичному политическому и медиапространству. В доказательство можно привести ситуацию с отклонением проекта Федерального закона № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации (О государственных гарантиях равноправия женщин и мужчин)» [Воронина, 2016]. Проект закона уже прошел первое чтение в Государственной думе, второе чтение планировалось провести в начале 2012 г. Однако ситуация неожиданно изменилась после сообщений в СМИ о подготовке второго чтения законопроекта. Представители клерикальных кругов срочно направили Госдуму РФ ноту протеста против обсуждения и принятия этого законопроекта и даже потребовали отстранить депутата Е. Б. Мизулину, которая была в то время председателем Комитета Госдумы РФ по вопросам семьи, женщин и детей, от занимаемой должности ввиду несоответствия ее деятельности служебному положению. Уже на следующий день из Госдумы поступила информация, что ее Председатель С. Е. Нарышкин принял решение отложить рассмотрение проекта и направить его текст Президенту РФ, в государственные органы (которым, впрочем, текст проекта был разослан задолго до вынесения его на вторые слушания — таков протокол). Быстрота вынесения решения и его характер наводят на мысль, что сам «православный запрос» был скорее всего инициирован властями. Мнения, петиции и письма гендерных экспертов и женских организаций, направленные в различные структуры государственной власти, были властями проигнорированы (подробное описание ситуации см.: [Воронина, 2016]). С тех пор вопрос об обсуждении и принятии этого важного закона не поднимался.

Сегодня государственная гендерная политика формируется в противоречии и с международными нормами, и с принятыми обязательствами РФ, и с нашими собственными законами. Совершенный в стране поворот от ценностей демократии и прав человека к патриархальным ценностям неминуемо означает скатывание страны в архаику. Неслучайно международный индекс гендерного неравенства (The Global Gender Gap Index) в последние годы показывает стойкую тенденцию понижения статуса РФ, за последние

десятилетия мы ухудшили свои позиции на 30 пунктов. В 2016 г. РФ заняла 75-е место среди 144 стран, между Венесуэлой и Румынией [The Global Gender Gap Report, 2016].

Вопрос о гендерном равенстве — не частное дело группы исследователей. Современный мир давно развивается в направлении признания прав человека как главного достижения культуры [Бенхабиб, 2003]. Более того, даже если отвлечься от гуманистических ценностей и обратиться к утилитаризму, то и там мы найдем доказательства необходимости соблюдения гендерного равенства. Так, например, ряд международных экспертов доказали экономические преимущества применения политики гендерного равенства. Нашей стране необходимо вернуться к проведению реальной политики гендерного равенства, и частью этого процесса должно стать изменение символической политики государства в отношении государственных гендерных праздников. На мой взгляд, 23 февраля следует отмечать как профессиональный праздник военных, а мужчин можно чествовать и в День отца, и в предложенный ООН Международный день мужчин — 19 ноября. Что же касается женщин, то все восторги и благодарности по поводу материнства разумно демонстрировать в День матери. А Международному женскому дню 8-е Марта следует вернуть его исторический смысл и использовать как повод для публичного отчета властей перед женщинами за выполнение политики гендерного равенства, для диалога женщин России с международным женским движением, для митингов и других публичных мероприятий. Что вовсе не означает, что женщинам в этот день (как и в любые другие дни) не нужно говорить комплименты, дарить цветы и подарки. В данном случае частный характер празднования не противоречит публичному.

Библиографический список

- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки слав. культуры, 2004. 368 с.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 137—150.
- Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 19 (1262).
- Воронина О. А. Роль государства в осуществлении политики гендерного равенства: международный и российский опыт // Государственное управление в XXI веке: повестка дня российской власти: материалы 10-й Международной научной конференции. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 167—174.
- Воронина О. А. Метаморфозы гендерной политики государства // Проблемы российского самосознания: политика и культура: материалы 13-й Всероссийской научной конференции (Москва, 26 мая 2016 г., Ярославль, 1—3 июня 2016 г.) / под общ. ред. Т. С. Злотниковой, С. А. Никольского. Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т, 2016. С. 157—170.

- Гендерный праздник без политики: комментарий Г. Бовта 7 марта 2017 г. на радио Бизнес FM. URL: <http://www.bfm.ru> (дата обращения: 20.08.2017).
- Горбачёв М. С.* Перестройка и новое политическое мышление. М.: Политиздат, 1988. 272 с.
- Дондурей Д.* Российская смысловая матрица // Ведомости. 2016. 1 июня. URL: <http://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 15.07.2016).
- Ефремова В. Н.* Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. 235 с.
- Какое прошлое нужно будущему России: доклад Вольного исторического общества. М., 2017. URL: <http://www.komitetgi.ru> (дата обращения: 17.02.2017).
- Карпова Г.* Гендерная идеология и социальная политика в официальном дискурсе Международного женского дня, 1920—2001 гг. // Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: сборник научных статей / под ред. Л. Н. Попковой, И. Н. Тартаковской. Самара: Самар. ун-т, 2003. С. 1—14.
- Малинова О. Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1. С. 114—130.
- Миронов В.* 23 февраля. История фальсификации // Новый часовой. 1994. № 1. С. 39—42.
- Поздравление Президента РФ В. В. Путина с 8 Марта 2017. URL: <http://www.Russian.RT.com> (дата обращения: 20.08.2017).
- Попова В. Н.* Праздник как форма культурной памяти: проблема забвения и реконструкции прошлого // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 1 (87). С. 6—17.
- Ратчайлд Р.* Непослушные женщины и русские революции 1917 г. // Женщина в российском обществе. 2017. № 2 (83). С. 35—44.
- Сергеев Д. В.* Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // Мир России. 2012. № 3. С. 100—118.
- Символическая политика: сборник научных трудов / отв. ред. О. Ю. Малинова. М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. 334 с.
- Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.
- Фуше М.* Европейская республика. Исторические и географические контуры. М.: Междунар. отношения, 1999. 168 с.
- Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 539 с.
- Chatterjee Ch.* Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910—1939. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002. 240 p.
- The Global Gender Gap Report, 2016 / published by the World Economic Forum. URL: <http://www.reports.weforum.org> (дата обращения: 17.08.2017).
- The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
- The Russian Provisional Government, 1917: Documents / ed. by R. Browder, A. Kerensky. Stanford: Stanford University Press, 1961. 1875 p.
- Voronina O.* Soviet patriarchy: past and present // HYPATHIA: Journal of Feminist Philosophy. 1993. Vol. 8, № 4. P. 97—112.
- Voronina O.* Russia: tsarist Russia // Women's Studies Encyclopedia / ed. by H. Tierney. 2nd ed. Westport (CT): Greenwood Press, 1999. P. 1241—1245.
- Wood E. A.* The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 318 p.

References

- Assman, Ja. (2004) *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, remembrance of the past and political identity in the high cultures of antiquity], Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury.
- Bakhtin, M. M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Rennessansa* [Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance], Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Benkhabib, S. (2003) *Pritiazaniia kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'noiu èru* [Claims of culture. Equality and diversity in the global era], Moscow: Logos.
- Browder, R., Kerensky, A. (eds) (1961) *The Russian Provisional Government, 1917: Documents*, Stanford: Stanford University Press.
- Burd'e, P. (1993) *Sotsial'noe prostranstvo i simbolicheskaia vlast'* [Social space and symbolic power], *Thesis*, no. 2, pp. 137—150.
- Chatterjee, Ch. (2002) *Celebrating Women: Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910—1939*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Efremova, V. N. (2014) *Gosudarstvennye prazdniki kak instrumenty simbolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii*: Dis. ... kand. polit. nauk [Public holidays as tools of symbolic politics in modern Russia (Cand. Sc.)], Moscow: Institut filosofii RAN.
- Fushe, M. (1999) *Evropeiskaia respublika. Istoricheskie i geograficheskie kontury* [The European Republic. Historical and geographical outlines], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Gorbachëv, M. S. (1988) *Perestroika i novoe politicheskoe myshlenie* [Restructuring and new political thinking], Moscow: Politizdat.
- Hobsbawm, E., Ranger, T. (eds) (1983), *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Iukina, I. I. (2007) *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian feminism as a challenge to modernity], St. Petersburg: Aleteïa.
- Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii: Doklad Vol'nogo istoricheskogo obshchestva* (2017) [What kind of past is needed for the future of Russia: Report of the Free Historical Society], Moscow, available from <http://www.komitetgi.ru> (accessed 17.02.2017).
- Karpova, G. (2003) *Gendernaia ideologiia i sotsial'naia politika v ofitsial'nom diskurse Mezhnunarodnogo zhenskogo dnia, 1920—2001 gg.* [Gender ideology and social policy in the official discourse of the International Women's Day, 1920—2001], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennoi Rossii: issledovaniia 1990-kh godov*, Samara: Samarskii universitet, pp. 1—14.
- Malinova, O. Iu. (ed.) (2012) *Simvolicheskaia politika* [Symbolic policy], iss. 1, Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN.
- Malinova, O. Iu. (2013) *Problema politicheski "prigodnogo" proshlogo i èvoliutsiia ofitsial'noi simbolicheskoi politiki v postsovetskoi Rossii* [The problem of a politically "fit" past and the evolution of official symbolic politics in Post-Soviet Russia], *Politicheskaiia kontseptologiia*, no. 1, pp. 114—130.
- Mironov, V. (1994) 23 fevralia. Istoriia fal'sifikatsii [February 23. History of falsification], *Novyi chasovoï*, no. 1, pp. 39—42.
- Popova, V. N. (2011) *Prazdnik kak forma kul'turnoi pamiatii: problema zabvenii i rekonstruktsii proshlogo* [Celebration as a form of cultural memory: the problem of oblivion and reconstruction of the past], *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 2, Gumanitarnye nauki, no. 1 (87), pp. 6—17.

- Ratchaid, R. (2017) Neposlushnye zhenshchiny i russkie revoliutsii 1917 g. [Disobedient women and the Russian revolutions of 1917], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2 (83), pp. 35—44.
- Sergeev, D. V. (2012) Sotsial'no-kul'turnaia situatsiia v Rossii nachala XXI v.: retsidivnaia kul'tura, arkhazatsiia, izobretënnaiia arkhaika [The socio-cultural situation in Russia at the beginning of the XXI century: a recurrent culture, archaization, invented archaism], *Mir Rossii*, no. 3, pp. 100—118.
- Staits, R. (2004) *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860—1930* [Women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and bolshevism, 1860—1930], Moscow: ROSSPĖN.
- The Global Gender Gap Report, 2016 (2016), available from <http://www.reports.weforum.org> (accessed 17.08.2017).
- Voronina, O. (1993) Soviet patriarchy: past and present, *HYPATHIA*, vol. 8, no. 4, pp. 97—112.
- Voronina, O. (1999) Russia: Tzarist Russia, in: *Women's Studies Encyclopedia*, Westport, CT: Greenwood Press, pp. 1241—1245.
- Voronina, O. A. (2012) Rol' gosudarstva v osushchestvlenii politiki gendernogo ravenstva: mezhdunarodnyĭ i rossiiskii opyt [The role of the state in implementing the policy of gender equality: international and Russian experience], *Gosudarstvennoe upravlenie v XXI veke: povestka dnia rossiiskoi vlasti: Materialy 10-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 167—174.
- Voronina, O. A. (2016) Metamorfozy gendernoĭ politiki gosudarstva [Metamorphoses of the state gender policy], in: *Problemy rossiiskogo samosoznaniia: politika i kul'tura: Materialy 13-i Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*, Yaroslavl': Iaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 157—170.
- Wood, E. A. (1997) *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*, Bloomington: Indiana University Press.

Статья поступила 21.06.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Воронина Ольга Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 17—32
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.2

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 17—32
ББК 60.523
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.2

СЕМЕЙНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ
КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ:
ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
И ЗАПАДНЫХ СМИ

Т. Б. Рябова^а, Д. О. Рябов^б

^а Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru

^б Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
г. Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена проблеме использования репрезентаций гендерного порядка в качестве «мягкой силы» государства. Авторы рассматривают дискуссии в российских и западных медиа о том, в какой степени образ России — оплота традиционных ценностей — может быть использован в качестве ресурса ее «мягкой силы» на международной арене. В политике российской идентичности образ России как хранительницы семейных и религиозных ценностей играет все более заметную роль. Такой образ достаточно утвердился и в западных медиа. Вместе с тем он подвергается критике: подчеркивается, во-первых, что идея восстановления роли традиционных ценностей является архаичной, направленной против гендерного равенства; во-вторых, что она носит пропагандистскую направленность и является частью «гибридной войны», которую Россия ведет против Запада.

Ключевые слова: семейные ценности, религиозные ценности, внешняя политика России, «мягкая сила», политика российской идентичности, гендерные отношения.

© Рябова Т. Б., Рябов Д. О., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России» и № 16-03-00527 «Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: политологический анализ».

**FAMILY AND RELIGIOUS VALUES
AS A “SOFT POWER” RESOURCE:
DEBATES IN CONTEMPORARY RUSSIAN
AND WESTERN MASS MEDIA**

T. B. Riabova^a, D. O. Riabov^b

^a Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
riabova2001@inbox.ru

^b National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg),
St. Petersburg, Russian Federation

The paper deals with problem of employing the representations of gender relations as a “soft power” resource in international arena. The authors examine how contemporary media discuss the issues whether the image of Russia as a bulwark of traditional values can be used as Russian “soft power” resource in the international arena. The image of Russia as the guardian of family and religious values plays a noticeable role in Russia’s identity politics. At the same time it meets criticism which points out that the idea of restoration of the traditional values, first, is archaic and aimed against gender equality and, second, serves as an element of propaganda and features as a part of the “proxy war” that Russia wages against the West.

Key words: family values, religious values, “soft power”, Russia’s foreign policy, identity politics in Russia, gender relations in Russia.

Среди наиболее важных идей, которыми методология гендерных исследований обогатила социально-гуманитарное знание, — положение о том, что отношения между полами являются фактором социальных отношений в целом. Другое важнейшее положение гендерного подхода, которое необходимо принимать во внимание, состоит в том, что он — в отличие от традиционных исследований отношений между полами — «ориентирован на анализ систем доминирования» [Клецина, 2001]. Согласно известной оценке Дж. Скотт, гендер — это «первичный способ обозначения отношений власти» [Scott, 1986: 1067]; иными словами, иерархические отношения, характерные для гендерного порядка, становятся матрицей, легитимирующей другие виды неравенства.

Одним из наиболее примечательных примеров этих положений является сфера международных отношений, которая, как показала Дж. Тикнер, в значительной степени зависит от гендерных представлений; так, соперничество на международной арене облекается в форму соревнования в маскулинности, чем объясняется использование в дискурсе международных отношений гендерных и сексуальных метафор [Tickner, 2001]. В свою очередь, международные отношения — это дискурсивное пространство производства гендерного порядка [Hooper, 2001: 115].

Проблема «мягкой силы» как фактора успешности стран на международной арене привлекает внимание исследователей достаточно давно. «Мягкую силу» рассматривают как «совокупность гуманитарных ресурсов страны, которые можно реализовать при помощи набора определенных технологий» [Леонова, 2015: 88]. «Отец» данного термина, появившегося в академическом дискурсе в 1990 г., — американский политолог Дж. Най; с тех пор он стал чрезвычайно востребованным (об истории и проблемах его использования см.: [Леонова, 2015; Федотова, 2016]). Для России вопрос об имидже страны особенно актуален; в последнее десятилетие он не раз рассматривался на самом высоком уровне (Rutland, Kazantsev, 2016), а в 2013 г. в новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации был использован термин «мягкая сила».

Особое место в продвижении имиджа России сегодня занимают так называемые традиционные (прежде всего семейные и религиозные) ценности¹. Дискуссии о традиционных ценностях в России выходят за пределы спора о проблемах собственно семьи или религии; в них затрагиваются вопросы укрепления российской государственности, сохранения национальной идентичности, геополитического позиционирования страны, взаимоотношений России с Западом.

В западных странах проблема традиционных ценностей также широко обсуждается. Это связано в том числе с тем, что в семейной и религиозной сфере западноевропейских обществ сегодня происходят достаточно резкие изменения, которые принимаются далеко не всеми. В области семейных отношений — это кризис традиционной семьи, усиление влияния феминизма, легализация однополых браков. Среди вызовов, с которыми сталкивается религиозный уклад, — изменение конфессионального состава населения (сокращение общего количества христиан, рост числа агностиков и приверженцев ислама). В этих условиях возрастает интерес к тому, как данные проблемы решаются в России, — с учетом того, что она традиционно позиционируется в качестве некоей альтернативы Западу.

Наше исследование посвящено тому, как российские и западные медиа репрезентируют роль семейных и религиозных ценностей в российском обществе и как при этом они оценивают их значимость в арсенале «мягкой силы» страны. Вначале речь пойдет о роли этих ценностей в политике идентичности, проводимой различными акторами российской политики. Далее мы остановимся на том, как российские медиа оценивают возможность использования образа России как бастиона традиционных ценностей в качестве составляющей ее «мягкой силы». Наконец, предметом анализа будет взгляд западных медиа на семейные и религиозные отношения в российском обществе, а также на их роль в восприятии России в мире.

¹ За последние годы в России вышли десятки публикаций, посвященных семейным ценностям, в которых предлагается различное понимание данного термина (анализ подходов к определению понятия семейных ценностей см.: [Дюльдина, Шустова, 2016]). В настоящем исследовании «семейные ценности» нас интересуют как маркер, использующийся — в позитивном или негативном значении — для называния тех черт, которые ассоциируют с нуклеарной семьей. Очевидно, столь же сложно дать научное определение понятию традиционных религиозных ценностей, что не мешает его применять в дискуссиях о «мягкой силе» для обоснования преимуществ той или иной страны.

Традиционные ценности в современной политике российской идентичности

Образы семейных и религиозных отношений играют важную роль и в коллективной идентичности сообществ, и в репрезентациях отношений между ними. Обладая высокой значимостью для человека, апеллируя к важнейшим экзистенциальным вопросам и будучи связанными с длительной исторической традицией, они выступают важным маркером различий сообществ и активно привлекаются к проведению символических границ между ними. В России эти образы на протяжении веков — будь то Московское царство или СССР периода холодной войны — использовались в качестве символического пограничника, отделяющего Россию от Запада [Riabov, 2017]. Сегодня в дискурсе антизападничества тема отказа Запада от традиционных ценностей приобрела первостепенное значение.

Вопрос о том, как проблема традиционных ценностей рассматривается в российских медиа, мы считаем перспективным анализировать при помощи понятия политики идентичности. В российской политической науке сегодня утверждается понимание политики идентичности в качестве целенаправленной и мотивированной деятельности политических акторов по формированию, поддержанию и корректировке коллективной идентичности как микро-, так и макрополитических сообществ (см. подробнее: [Ачкасов, 2012]; об истории термина см.: [Цумарова, 2014: 19—21]). О. Малинова характеризует данное понятие в качестве видового по отношению к понятию символической политики, которая, с ее точки зрения, должна пониматься как «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [Малинова, 2013: 92]. Данная деятельность предполагает конкуренцию представлений [Малинова, 2012]; это означает, что политика идентичности может быть рассмотрена как символическая борьба за производство и продвижение способов интерпретации «своих» и «чужих» [Рябов Д. О., 2016: 34].

Политика российской идентичности, следовательно, может быть определена как вид символической политики, состоящий в целенаправленной деятельности политических акторов России по формированию, поддержанию и корректировке политической идентичности. Политическая идентичность, как любая другая коллективная идентичность, обладает такими характеристиками, как референтность, гетерогенность и контекстуальность [Курнаева, Рябов О. В., 2006]. Что касается референтности, то идентичность понимается как отношение между «своими» и «чужими», это обуславливает ключевое значение символической границы. Гетерогенность означает, что идентичность является процессом конкуренции политических дискурсов, которые соревнуются между собой за определение того, кто и почему является «своим», а кто — «чужим» [там же]. Наконец, о контекстуальности: образы «своих» и «чужих», а также символические границы между ними зависят от контекста, как временного, так и социального (восприятие «своих» испытывает влияние того, кто именно выступает в роли «чужих»).

На основании отмеченных свойств выделим важнейшие направления политики российской идентичности. Во-первых, это создание позитивной идентичности, т. е. производство узнаваемых и привлекательных образов «своих» как части

образа российскости, а также формирование чувства принадлежности к Российской Федерации у ее граждан. Во-вторых, это обеспечение внутреннего единства, солидарности за счет ослабления внутренних символических границ и реформирования коллективных идентичностей (этнические, конфессиональные, региональные, социальные), которые могли бы составить конкуренцию российской гражданской идентичности. В-третьих, это создание негативной идентичности, т. е. конструирование релевантных образов «чужих», позволяющих формировать и поддерживать позитивный образ «своих», а также видимой, прочной и легитимной символической границы между ними [Рябов Д. О., 2016: 61].

Таким образом, в политике российской идентичности формирование образов России и формирование образов «чужих», одним из которых выступает Запад, являются взаимообусловленными. Основная тенденция политики российской идентичности в последние годы — это позиционирование ее как не-Европы. Это отражает и преобладающие настроения в обществе; исследование Левада-центра, проведенное в 2015 г., показало, что 59 % россиян не соглашались с тезисом о том, что Россия — это Европа, и лишь 2 % считают себя людьми «западной культуры»².

Процесс подобного изменения российской идентичности начался более десятилетия назад; еще в 2008 г. Э. Лукас отметил важный сдвиг восприятия Запада в России: он перестал быть для нее моральным авторитетом, каковым являлся весь постсоветский период [Lucas, 2009]. Иными словами, Россия обретает моральный суверенитет (воспользуемся термином К. Вилкинсон), предполагающий право самостоятельно определять, что есть добро и что есть зло и где проходит граница между ними [Wilkinson, 2014].

Важным символическим пограничником, подкрепляющим сегодня противопоставление России и Европы, выступают традиционные ценности. Европа, в отличие от России, маркируется как девиантная в гендерном отношении. В российском интернет-пространстве для обозначения ненормальности европейского гендерного порядка в это время приобретает популярность термин «Гейропа». Термин довольно быстро стал использоваться и в более широком смысле — для обозначения либеральных ценностей, отстаиваемых в сегодняшнем ЕС (см. об этом подробнее: [Riabov, Riabova, 2014]). Другой традиционной ценностью, которая со временем также приобретает принципиальное значение в проведении границ между Россией и Европой, является религия.

Таким образом, мы видим характерное для отечественной культуры противопоставление России и Европы как отдельных цивилизаций. Однако необходимо обратить внимание на еще одно измерение цивилизационного дискурса: сегодняшний ЕС отличается в худшую сторону не только от России, но и от Европы прежней, «классической». В 2013 г. в речи на заседании Валдайского клуба В. Путин обвинил евроатлантические страны в том, что «они фактически отказались от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих

² «Запад»: восприятие и стремление эмигрировать // Левада-центр. 2015. 13 октября. URL: <http://www.levada.ru/2015/10/13/zapad-vospriyatie-i-stremlenie-emigrivat/> (дата обращения: 30.05.2017); Козлов В. Кризис вызвал у россиян депрессию и ностальгию по СССР // РБК. 2016. 4 февраля. URL: <http://www.rbc.ru/politics/04/02/2016/56b241cb9a79470482dfe5bd> (дата обращения: 30.05.2017).

основу западной цивилизации»³. В 2017 г. министр иностранных дел С. Лавров заявил, что ценности, которые сегодня пытаются навязать России, противоречат тем, «которые исповедовали деды и прадеды европейцев». Апеллируя к дискурсу традиционных ценностей, глава МИД назвал нынешние постхристианскими⁴. Политолог С. Караганов выразил разочарование немалой части российского общества следующим образом: «...мы хотели быть похожи не на нынешнюю Европу, а на ту, какой она была условно в пятидесятые годы. <...> Хотели быть культурными европейцами, преданными христианским идеалам, от которых столько лет были отрезаны, мы хотели в Европу Аденауэра, Черчилля и де Голля. А пришли в совершенно другую, благополучно прежнюю себя отринувшую и ныне исповедующую совсем иные ценности»⁵.

Отметим еще один принципиальный момент. Обвиняя сегодняшнюю Европу в вырождении, дискурс традиционных ценностей репрезентирует Россию как наследницу Европы подлинной, обращаясь к сформулированной еще Ф. Достоевским идее «двух Европ» (анализ использования этой идеи в геополитическом дискурсе см.: [Хеллман, 1989: 218; Neumann, 1996: 117]). В постсоветский период эта тенденция обозначилась уже в начале 2000-х гг. [Savkina, 2005: 470—471]. Сегодня же подчеркивается, что многие в Европе смотрят с надеждой на Россию как на хранительницу христианских, а следовательно, подлинно европейских ценностей и на В. Путина как на защитника этих ценностей⁶. Вначале такая идея высказывалась в основном представителями консервативных организаций. В дальнейшем ее стали поддерживать влиятельные политики и журналисты. С. Марков, директор Института политических исследований, заметил, что в постмодернистской Европе такого рода извращения, как гомосексуализм, признаются нормой. Россия же идет по другому пути, она определяет себя как консервативный фланг Европы и этим преодолевает свой кризис идентичности, благодаря чему обретает искренних сторонников в Европе: «Она становится оплотом, крепостью и маяком для консервативных европейцев»⁷.

Иными словами, постепенно российская элита приходит к мысли о том, что позиционирование страны как бастиона традиционных ценностей и при этом наследницы христианской цивилизации может быть использовано в качестве ресурса «мягкой силы». Отметим, что в 2016 г. Россия впервые вошла в список 30 стран, использующих «мягкую силу» для достижения внешнеполитических целей (его возглавили США, Германия и Япония). Эксперты, составляющие

³ Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сентября. URL: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 18.03.2017).

⁴ См.: Назарова А. Лавров: Москва не приемлет абсолютизацию либеральных ценностей Запада // Взгляд. 2017. 17 января. URL: <https://vz.ru/news/2017/1/17/853699.html> (дата обращения: 30.05.2017).

⁵ URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Glavnyi-rossiiskii-tovar--bezopasnost-18086> (дата обращения: 30.05.2017).

⁶ См., напр.: Эксперт: на Западе велико одобрение действий Путина // Взгляд. 2013. 2 июля. URL: <https://vz.ru/news/2013/7/2/639573.html> (дата обращения: 30.05.2017).

⁷ Цит. по: Белобородова О. «Знаменуют самоидентификацию России» // Взгляд. 2013. 6 ноября. URL: <http://www.vz.ru/politics/2013/6/11/631085.html> (дата обращения: 08.04.2017).

список, поставили России в заслугу как ее роль в борьбе с терроризмом, так и богатую культуру. Любопытно, что закон, запрещающий пропаганду нетрадиционных отношений, они расценили как фактор, негативно сказывающийся на потенциале «мягкой силы» страны. Однако С. Караганов, комментируя это решение, высказал мнение, что Россия привлекает огромное количество людей тем, что предоставляет другой, альтернативный и близкий большинству человечества вариант развития, отстаивает традиционные ценности и показывает всем пример защиты самостоятельности и суверенитета⁸.

В свою очередь, в либеральных медиа утверждается, что обращение власти к традиционным ценностям может привести к «социальному инфантилизму», усилению религиозных и националистических предрассудков и в конечном счете к торможению социального и интеллектуального прогресса⁹.

Традиционные ценности и современная Россия: взгляд западных медиа

Как идея о том, что в сегодняшнем мире Россия является бастионом традиционных ценностей, несущим спасение западной цивилизации, воспринимается в западных медиа? Образ России в странах Запада, как уже было отмечено, неоднороден, но в целом в нем преобладают негативные оттенки. Так, в политике идентичности еврооптимистов, декларирующих в качестве своей цели формирование европейской солидарности, Россия репрезентируется как недемократичная, националистическая, милитаристская страна (см. подробнее: [Рябов Д. О., 2016]). Вместе с тем у большинства сторонников партий евроскептиков образ России скорее положительный; для них она воплощает подлинно европейские ценности (национальный суверенитет, национальная идентичность, христианство, ценности традиционной семьи), в пренебрежении которыми они обвиняют власти ЕС [там же]. К примеру, лидер французского Народного фронта М. Ле Пен в период президентской кампании 2017 г. заявляла, что русские — великий европейский народ, а Россия — часть Европы¹⁰.

Сегодня образ России как оплота традиционных ценностей имеет место в выступлениях европейских политиков, общественных деятелей и экспертов. В идеологии современных правых популистских партий семья и христианство объявляются важнейшими для Европы. Премьер-министр Венгрии В. Орбан противопоставил традиционные ценности (Бог, семья и нация) ценностям светского, транснационального, не основанного на семье общества современной Западной Европы¹¹. В сегодняшней России правые популисты видят главную союзницу

⁸ См.: Чеснокова Е. Политолог: Россия заслуживает более высокого места в рейтинге «мягкой силы» // РИА «Новости». 2016. 14 июня. URL: <https://ria.ru/politics/20160614/1447147413.html> (дата обращения: 30.05.2017).

⁹ См., напр.: Иноземцев В. Кому помогли «традиционные ценности» // Сноб. 2016. 7 июня. URL: <https://snob.ru/selected/entry/109359> (дата обращения: 01.04.2017).

¹⁰ Ле Пен: хорошие отношения с Россией — залог спокойного будущего Европы // Правда.Ру. 2017. 14 апреля. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/14-04-2017/1330747-lepen-0/> (дата обращения: 30.05.2017).

¹¹ *Orban V.* The role of traditional values in Europe's future // Chatham House. The Royal Institute of International Affairs. 2013. 10 сентября. URL: <https://www.chathamhouse.org/node/2903> (дата обращения: 31.05.2017).

в защите семьи, а в ее президенте — своего единомышленника в отстаивании семейных ценностей¹². Неслучайно в дискуссиях о будущем европейской семьи и Европы в целом консервативные европейские политики ссылаются на российский опыт. О поддержке принятых в России законов о запрещении пропаганды нетрадиционных семейных отношений среди несовершеннолетних и запрете усыновления однополыми парами заявила М. Ле Пен¹³. Защищает российские законы правое испанское издание, которое пишет, что сразу же после того как В. Путин стал премьер-министром России, он превратился в своего рода демона для гей-лобби¹⁴.

Заметную роль в отношении к России играет и образ страны как защитницы христианства. Один из журналистов противопоставляет европейскую культуру российской, в которой «сохраняется чувство божественного начала церкви и ее священного пространства»¹⁵. М. Ле Пен, несмотря на то что она сторонница светского государства, считает В. Путина единомышленником в защите христианского наследия, так как именно оно, по ее мнению, является основой европейской цивилизации¹⁶.

Еще с большим энтузиазмом к представлениям о России как бастионе традиционных ценностей относятся в США. Это в какой-то степени парадоксально; в годы холодной войны Советская Россия объявлялась империей зла, а советские люди — безбожными коммунистами, уничтожающими семью [Riabov, 2017]. Сегодня же американские консерваторы, по крайней мере часть из них, сравнивают В. Путина с Р. Рейганом, рассматривая российского лидера как наиболее яркого защитника семейных и религиозных ценностей, на страже которых стояли американские антикоммунисты того времени¹⁷.

Политике России в отношении защиты семейных ценностей симпатизируют прежде всего те, кто придерживается консервативных взглядов. Так, один из наиболее известных представителей палеоконсерватизма П. Бьюкенен поддержал запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних; по его мнению, Россия превращается в лидера борьбы за сохранение семьи¹⁸.

¹² См. об этом: *Vinocur J.* Vladimir Putin's woman in Paris // Wall Street Journal. 2014. 26 мая. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303903304579585792206384568> (дата обращения: 20.11.2014).

¹³ СМИ: Франция воспрянет, когда у нее появится свой Путин // Взгляд. 2015. 31 декабря. URL: <http://www.vz.ru/news/2015/12/31/786972.html> (дата обращения: 17.03.2017).

¹⁴ *Эснарса Х.* Антигейский закон в России — инструмент национального выживания // ИноСМИ. 2013. 26 августа. URL: <http://inosmi.ru/world/20130826/212264304.html> (дата обращения: 17.03.2017).

¹⁵ *Jones N.* Pussy Riot's protests threaten more than just the Putin regime // New Statesman. 2012. 31 июля. URL: <http://www.newstatesman.com/blogs/world-affairs/2012/07/pussy-riots-protests-threaten-more-just-putin-regime> (дата обращения: 17.03.2017).

¹⁶ *Quand Marine Le Pen courtise Vladimir Poutine* // Le Point. 2014. 18 мая. URL: http://www.lepoint.fr/politique/quand-marine-le-pen-courtise-vladimir-poutine-18-05-2014-1824895_20.php (дата обращения: 31.05.2017).

¹⁷ См., напр.: *Лерма Х.* За что американцы уважают Путина // Правда.Ру. 2013. 18 сентября. URL: <https://www.pravda.ru/world/northamerica/usacanada/18-09-2013/1174814-putin-0/> (дата обращения: 30.05.2017).

¹⁸ См.: *Przelomiec M.* Ostatnia nadzieja zachodniego konserwatyzmu? // Polonia Christiana. 2014. № 37. URL: <http://www.pch24.pl/ostatnia-nadzieja-zachodniego-konserwatyzmu-,31186,pch.html> (дата обращения: 17.03.2017).

Вопрос о защите семейных ценностей в России тесно связан с темой положения в обществе христианства. По мнению палеоконсерваторов, современный Запад стал «постхристианским» и только Россия, великая консервативная держава, воплощает его забытые традиционные ценности¹⁹. Заслуживает упоминания и прогноз известной американской публицистки, сторонницы республиканской партии Э. Коултер, которая написала в твиттере в июне 2017 г. следующее: «Не пройдет и двадцати лет, как Россия останется единственной европейской страной»²⁰. Прежде всего такой образ России как защитницы христианских ценностей связан с имиджем ее президента. Авторы публикаций в американских медиа подчеркивают, что В. Путин — христианин подлинный, который многое делает для религиозного возрождения России. Кроме того, он воспринимается как государственный лидер, который открыто защищает христианские ценности в мире. Показательно, что в 2013 г. один из видных представителей церкви в США назвал его в связи с этим «львом христианства»²¹. Нельзя не упомянуть и о том, что иногда поддержка России проявляется в довольно экзотическом контексте. Например, «Chicago Tribune» рассказывает, что в штате Виргиния во время протестов против демонтажа памятника, связанного с Конфедерацией, несколько десятков демонстрантов скандировали «Россия — наш друг!»; при этом представители «альтернативных правых», если верить газете, заявляли, что Россия — это «единственная в мире белая держава», «лидер свободного мира», «организатор антиглобалистского альянса»²².

Отмеченные издания, а также выступавшие в них политики и эксперты не принадлежат к числу самых влиятельных. Анализ общественного мнения, однако, показывает, что в последнее время идея поворота к традиционным ценностям в западных странах становится все более популярной; сторонники данной идеи осведомлены, что их союзником в этом является сегодняшняя Россия. Например, проведенное в 2017 г. социологическое исследование в странах Новой Европы показало, что более трети опрошенных в Чехии (40 %) и Словакии (36 %) считают, что ЕС заставляет их отказаться от традиционных ценностей. При этом 41 % словаков уверен, что «Россия встала на сторону традиционных ценностей», в Чехии так считают 27 %, в Венгрии — 18 %, в Польше — 14 %²³. В США сегодня в целом преобладают негативные чувства по отношению к России, которые вызваны в том числе интенсивной антироссийской пропагандой, связанной

¹⁹ Larison D. Persecuting Putin // *Taki's Magazine*. 2007. 14 февраля. URL: http://takimag.com/article/persecuting_putin/print (дата обращения: 31.05.2017).

²⁰ Coulter A. In 20 years, Russia will be the only country that is recognizably European // *Twitter*. 2017. 3 июня. URL: <https://twitter.com/AnnCoulter/status/871210560100216833> (дата обращения: 03.06.2017).

²¹ См.: Blue M. Fischer Praises Putin, Calls Him a «Lion of Christianity». 2013. 10 октября. URL: <http://www.rightwingwatch.org/post/fischer-praises-putin-calls-him-a-lion-of-christianity/> (дата обращения: 30.05.2017).

²² См.: Пейдж К. Путин — лучший друг «альтернативных правых»? // *ИноСМИ.Ru*. 2017. 18 мая. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170518/239379762.html> 18.05.2017) (дата обращения: 30.05.2017).

²³ Сколько процентов чехов думает как русский мужик? Больше, чем допустимо // *ИноСМИ.Ru*. 2017. 30 мая. URL: <http://inosmi.ru/social/20170530/239471572.html> (дата обращения: 30.05.2017).

с результатами президентских выборов 2016 г. Однако обратим внимание на то, что если в 2014 г. опросы в США показывали, что В. Путин пользовался симпатиями всего 10 % республиканцев, в декабре 2016 г. число поддерживающих его достигло уже 37 %. Защита Россией традиционных ценностей, которые лежат в основе идеологии американских консерваторов, является, очевидно, одной из причин роста поддержки российского президента в их среде²⁴.

Итак, роль традиционных ценностей в усилении влияния России в мире стала достаточно заметной. Большинство западных медиа видит в такой «мягкой силе» угрозу. Например, автор статьи в португальской «Observador» считает для Запада большой проблемой то, что предлагаемое Россией видение международного порядка обретает все больше сторонников²⁵. Частью «гибридной войны» России считает продвижение мультфильма «Маша и Медведь» на Западе эстонский эксперт²⁶; поскольку медведь, по его словам, однозначно ассоциируется с Россией, то позитивный образ одноименного героя несет угрозу для безопасности Эстонии²⁷ (об образе России как медведя в дискурсе современных международных отношений см.: [Riabov, Lazari: 2009]). Журналист американской «Politico» высказывает мысль о том, что привлекательность России в значительной мере определяется ее ролью альтернативы Западу; демонстрация поддержки в адрес В. Путина, считает автор, стала эквивалентом того, что для левых значили футболки с портретом Э. Че Гевары²⁸.

В последнее время специфика ««мягкой силы» жестких режимов» [Bagt, Feklyunina, Theys, 2015] (и России, в частности) активно обсуждается и в академическом дискурсе. Дж. Най, анализируя случай России, вводит новый термин — «негативная мягкая сила» как способность уменьшить «мягкую силу» соперника. Однако он полагает, что в современной политической ситуации следует говорить не о «мягкой силе» России, а об ее успехах в информационной войне [Най, 2017].

Большинство исследователей все же признают очевидный успех России в обретении «мягкой силы». По мнению М. Ларуэль, Россия способна в конечном итоге добиться признания своей «мягкой силы» (см.: [Федотова, 2016]; об успехах

²⁴ Politico рассказал, почему все больше республиканцев уважают Путина // РИА «Новости». 2016. 16 декабря. URL: <https://ria.ru/world/20161216/1483856014.html> (дата обращения: 30.05.2017); FT: в США растет число симпатизирующих Путину // Газета.Ru. 2016. 20 сентября. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2016/09/20/n_9129701.shtml (дата обращения: 30.05.2017).

²⁵ Солер Д. Путин и «путинцы» // ИноСМИ.Ru. 2017. 17 мая. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170517/239369082.html> (дата обращения: 30.05.2017).

²⁶ Куннас К. «Маша и Медведь» — часть гибридной войны? // ИноСМИ.Ru. 2017. 31 мая. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170531/239476978.html> (дата обращения: 02.06.2017).

²⁷ Итальянская журналистка, настроенная менее алармистски, отмечает, что этот Медведь потому и эффективен в качестве «мягкой силы», что пропагандирует привычный образ ребенка и традиционные семейные ценности (*Помпили Дж.* «Маша и Медведь» — главное достижение «мягкой силы» Владимира Путина // ИноСМИ.Ru. 2016. 3 декабря. URL: <http://inosmi.ru/social/20161213/238382109.html> (дата обращения: 30.05.2017)).

²⁸ Pomerantsev P. How Putin Became the Che Guevara of the Right. 2016. 7 ноября. URL: <http://www.politico.eu/article/how-vladimir-putin-russia-became-che-guevara-of-right-wing/> (дата обращения: 30.05.2017).

и неудачах в стратегиях использования Россией «мягкой силы» см. также: [Sergunin, Karabeshkin, 2015; Feklyunina, 2016]; о факторах, снижающих ее эффективность, см.: [Hudson, 2015]). Подобную точку зрения разделяют и другие исследователи, считающие, что Россия пытается выработать «идеологический вызов и предложить альтернативу превалирующей западной гегемонии в области конструирования норм и ценностей в международной системе» [Федотова, 2016: 66] (см. также: [Kiseleva, 2015; Wilson, 2015]).

Таким образом, защита Россией традиционных ценностей позволяет завоевать симпатии той части граждан стран Запада, которые не разделяют принципы общества постмодернизма, объявляющего устаревшими такие понятия, как семья, религия, нация, государственный суверенитет. Вместе с тем этот новый образ России встречает и критику. Обозначим ее основные модусы.

Прежде всего, критика строится при помощи утверждения, что руководство России относится к традиционным ценностям чисто инструментально, используя их для продвижения своих внешнеполитических интересов. Подобный подход представляет собой часть пресловутой «гибридной войны», которую Россия ведет против Запада. Так сформулировал свое отношение к проблеме председатель партии «Союз Отечества — Христианские демократы Литвы»²⁹. Защитники католицизма стараются реанимировать прежнее недоверие Запада к православию, указывая на чуждость той версии христианства, которое представляет Россия, западной христианской традиции. Например, ведущее периодическое издание американских католиков утверждает, что антизападничество В. Путина содержит в себе и радикальное отрицание католицизма, поэтому католики, которые восхищаются российским лидером, фактически поддерживают антикатолицизм³⁰. Аналогичные идеи можно встретить и в медиа, близких к католическим кругам Польши; в одном из них утверждается, что на роль защитницы семейных ценностей Россия претендовать не может по причине высокого уровня разводов и большого количества аборт³¹.

Второй модус критики, обращенной уже к иной аудитории, связан с позицией оппонентов традиционных ценностей. Для них Россия воплощает прошлое человеческой цивилизации; по их мнению, симпатии к ее политике могут испытывать только опасные демагоги-евроскептики, стремящиеся к разрушению ЕС, или же «полезные идиоты» Кремля, забывшие об «ужасах российского империализма»³². Особенно часто такая критика касается семейных ценностей:

²⁹ Литовский политик назвал четыре пути использования российской «мягкой силы» // Взгляд. 2014. 07 февраля. URL: <http://vz.ru/news/2014/2/7/671557.html> (дата обращения: 31.05.2017).

³⁰ *Lucie-Smith A.* Putin's anti-Westernism contains within it a profound anti-Catholicism // Catholic Herald.co.uk. 2014. 25 апреля. URL: <http://www.catholicherald.co.uk/commentandblogs/2014/04/25/putins-anti-westernism-contains-within-it-a-profound-anti-catholicism/> (дата обращения: 31.05.2017).

³¹ *Энджейчак М.* Фатимские пророчества — ключ к пониманию мира // ИноСМИ.Ru. 2017. 14 марта. URL: <http://inosmi.ru/social/20170314/238870637.html> (дата обращения: 30.05.2017).

³² См., напр.: *Мичел К.* Как Россия стала лидером правых христиан во всем мире // ИноСМИ.Ru. 2017. 10 февраля. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170210/238703269.html> (дата обращения: 31.05.2017).

распространенными являются представления о России как стране, основанной на патриархате и гендерной интолерантности, и ее лидере как убежденном стороннике устаревших представлений о мужественности и женственности [Рябов Д. О., 2013]. Немецкая «Ди Вельт» отмечает, что защита депутатами традиционных семейных ценностей идет рука об руку с поощрением семейного насилия, интерпретируя таким образом принятый в России закон о декриминализации некоторых форм бытового насилия³³.

Заключение

Сформулируем основные выводы. В политике российской идентичности все большую популярность приобретает образ России как оплота традиционных ценностей, как страны, являющейся наследницей европейской цивилизации. Репрезентации гендерного порядка — мы бы хотели это особо акцентировать — выступают эффективным ресурсом «мягкой силы» страны на международной арене. В свою очередь, дискурс международных отношений играет роль фактора, влияющего на гендерные отношения в российском обществе. Образ России как страны, позиционирующей себя в качестве противника происходящих в мире перемен — прежде всего в связи с глобализационными процессами — достаточно утвердился и на Западе. Этот образ — часть укорененной тенденции, связанной с представлениями о России как надежде христианского мира, которые возникают в XIX в. [Рябов Д. О., 2016]. Сегодня, в условиях кризиса западной семьи и христианства, он снова становится востребованным. Вместе с тем он подвергается критике, в которой можно выделить два основных модуса. Во-первых, акцент на инструментальности подхода В. Путина в защите этих ценностей и опасности союза с ним, какова бы ни была основа данного союза. Во-вторых, критика самой идеи восстановления роли традиционных ценностей в глобализирующемся мире.

Библиографический список

- Ачкасов В. А.* Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. 230 с.
- Дюльдина Ж. Н., Шустова Л. П.* Категории «ценность» и «семейные ценности» в философских, психологических и социально-педагогических науках // *Современные наукоемкие технологии.* 2016. № 11, ч. 1. С. 96—99.
- Клецина И. С.* Гендерный подход и равноправие в межличностных отношениях // *Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / под ред. Г. А. Тишкина.* СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001. С. 249—255. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/klecina/gendernyy-podhod-i-ravnopravie-v-mezhlichnostnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 30.05.2017).

³³ См.: *Смирнова Ю.* В России намерены смягчить наказание за насилие в семье // *ИноСМИ.Ru.* 2017. 27 января. URL: <http://inosmi.ru/social/20170127/238613305.html> (дата обращения: 30.05.2017).

- Курнаева Н. А., Рябов О. В. «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2006. № 518. С. 239—246.
- Леонова О. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель-Observer: научно-аналитический журнал. 2015. № 2. С. 80—89.
- Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. Т. 8, № 4. С. 179—204.
- Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: Ин-т науч.-информ. по обществ. наукам РАН, 2013. 421 с.
- Най Дж. Информационные войны или мягкая сила // ИноСМИ.Ru. 2017. 14 мая. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170514/239344621.html> (дата обращения: 30.05.2017).
- Рябов Д. О. Российский Другой в идентичности ЕС: репрезентации современного российского гендерного порядка в европейской прессе // Женщина в российском обществе. 2013. № 4. С. 98—105.
- Рябов Д. О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 173 с.
- Федотова Н. Н. Анализ культурных ресурсов: мягкая мощь и идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 55—69.
- Хеллман Б. Когда время славянофильствовало: русские философы и Первая мировая война // Проблемы истории русской литературы начала XX века. Helsinki, 1989. P. 211—239. (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia).
- Цумарова Е. Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты: (на примере Республики Карелия): дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014. 157 с.
- Barr M., Feklyunina V., Theys S. Introduction: the soft power of hard states // Politics. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 213—215.
- Feklyunina V. Soft power and identity: Russia, Ukraine and the «Russian world(s)» // European Journal of International Relations. 2016. Vol. 22, № 4. P. 773—796.
- Hooper Ch. Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics. New York: Columbia University Press, 2001. 224 p.
- Hudson V. «Forced to friendship»? Russian (mis-)understandings of soft power and the implications for audience attraction in Ukraine // Politics. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 330—346.
- Kiseleva Y. Russia's soft power discourse: identity, status and the attraction of power // Politics. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 316—329.
- Lucas E. The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2009. 342 p.
- Neumann I. B. Russia and the Idea of Europe: a Study in Identity and International Relations. London; New York: Routledge, 1996. 272 p.
- Riabov O. Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953) // Journal of Cold War Studies. 2017. Vol. 19, № 1. P. 193—219.
- Riabov O., Lazari A. de. Misha and the bear: the bear metaphor for Russia in representations of the «Five-Day War» // Russian Politics and Law. 2009. Vol. 47, № 5. P. 26—39.
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
- Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's «soft power» // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9, № 3. P. 395—413.

- Savkina I.* Гендер с русским акцентом // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / ed. by E. Cheure, R. Nohejl, A. Napp. Würzburg: Ergon Verlag, 2005. P. 457—471.
- Scott J. W.* Gender: a useful category of historical analysis // *The American Historical Review*. 1986. № 91. P. 1053—1075.
- Sergunin A., Karabeshkin L.* Understanding Russia's soft power strategy // *Politics*. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 347—363.
- Tickner J. A.* Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era. New York: Columbia University Press, 2001. 200 p.
- Wilkinson C.* Putting «traditional values» into practice: the rise and contestation of anti-homopropaganda laws in Russia // *Journal of Human Rights*. 2014. Vol. 13, № 3. P. 363—379.
- Wilson J.* Russia and China respond to soft power: interpretation and readaptation of a Western construct // *Politics*. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 287—300.

References

- Achkasov, V. A. (2012) *Politika identichnosti mul'tiëtnichnykh gosudarstv v kontekste resheniia problemy bezopasnosti* [Politics of identity of multiethnic states in the context of solving the security problem], St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Barr, M., Fekliunina, V., Theys, S. (2015) Introduction: The soft power of hard states, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 213—215.
- Diul'dina, Zh. N., Shustova, L. P. (2016) Kategorii "tsennost'" i "semeinye tsennosti" v filosofskikh, psikhologicheskikh i sotsial'no-pedagogicheskikh naukakh ["Value" and "family values" categories in philosophy, psychology, pedagogy, and social sciences], *Sovremennye naukoëmkie tekhnologii*, no. 11, pt. 1, pp. 96—99.
- Fedotova, N. N. (2016) Analiz kul'turnykh resursov: miagkaia moshch i identichnost' [Analysis of cultural resources: soft power and identity], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4.
- Feklyunina, V. (2016) Soft power and identity: Russia, Ukraine and the "Russian world(s)", *European Journal of International Relations*, vol. 22, no. 4, pp. 773—796.
- Hellman, B. (1989) Kogda vremia slavianofil'stvovalo: Russkie filosofy i Pervaia mirovaia voïna [When the time was slavophile: Russian philosophers and the First World War], in: *Problemy istorii russkoï literatury nachala XX veka*, Helsinki, pp. 211—239.
- Hooper, Ch. (2001) *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics*, New York: Columbia University Press.
- Hudson, V. (2015) "Forced to friendship"? Russian (mis-)understandings of soft power and the implications for audience attraction in Ukraine, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 330—346.
- Kiseleva, Y. (2015) Russia's soft power discourse: identity, status and the attraction of power, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 316—329.
- Kletsina, I. S. (2001) Gendernyi podkhod i ravnopravie v mezhlchnostnykh otnosheniakh [Gender approach and equality in interpersonal relations], in: Tishkin, G. A. (ed.), *Rossiiskie zhenshchiny i evropeïskaia kul'tura: Materialy V konferentsii, posviashchënnoï teorii i istorii zhenskogo dvizheniia* [Russian women and European culture: Proceedings of the V conference on the theory and history of the women's movement], St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 249—255.

- Kurnaeva, N. A., Riabov, O. V. (2006) “Gusary deneg ne berut”: Svoi i Chuzhie v gendernom diskurse kollektivnoi identichnosti [“Hussars do not take the money”: Ours and Theirs in the gender discourse of collective identity], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 518, pp. 239—246.
- Leonova, O. (2015) Interpretatsiia poniatiia “miagkaia sila” v nauke [Interpretation of the “soft power” concept in science], *Obzrevatel'-Observer: nauchno-analiticheskii zhurnal*, no. 2, pp. 80—89.
- Lucas, E. (2009) *The New Cold War: How the Kremlin Menaces Both Russia and the West*, London: Bloomsbury Publishing PLC.
- Malinova, O. Iu. (2012) Politicheskoe ispolzovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi politiki: evoliutsiia diskursa vlastvuiushchei elity v postsovetsoi Rossii [The political use of the past as an instrument of symbolic politics: the evolution of the discourse of the ruling elite in Post-Soviet Russia], *Politicheskaiia ekspertiza*, vol. 8, no. 4, pp. 179—204.
- Malinova, O. Iu. (2013) *Konstruirovaniie smyslov: issledovaniie simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii* [The construction of meanings: the study of symbolic politics in modern Russia], Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN.
- Neumann, I. B. (1996) *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*, London, New York: Routledge.
- Nye, J. (2017) Informatsionnye voiny ili miagkaia sila [Information warfare versus soft power], *InoSMI.Ru*, available from <http://inosmi.ru/politic/20170514/239344621.html> (accessed 30.05.2017).
- Riabov, D. O. (2013) Rossiiskii Drugoi v identichnosti ES: Rezentatsii sovremennogo rossiiskogo gendernogo poriadka v evropeiskoi presse [Russian Other in the EU identity: Representations of modern Russian gender order in the European press], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 98—105.
- Riabov, D. O. (2016) *Obraz Rossii v politike evropeiskoi identichnosti ES*: Dis. ... kand. polit. nauk [The Image of Russia in the European identity politics in the EU: Diss. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Riabov, O. (2017) Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953), *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 193—219.
- Riabov, O., de Lazari A. (2009) Misha and the bear: The bear metaphor for Russia in representations of the “Five-Day War”, *Russian Politics and Law*, vol. 47, no. 5, pp. 26—39.
- Riabov, O., Riabova, T. (2014) The Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and Legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.
- Rutland, P., Kazantsev, A. (2016) The limits of Russia’s “soft power”, *Journal of Political Power*, vol. 9, no. 3, pp. 395—413.
- Savkina, I. (2005) Gender s russkim aktsentom [Gender with Russian accent], in: Cheure, E., Nohejl, R., Napp, A. (eds), *Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland*, Wurzburg: Ergon Verlag, pp. 457—471.
- Scott, J. W. (1986) Gender: A useful category of historical analysis, *The American Historical Review*, vol. 91, no. 5, pp. 1053—1075.
- Sergunin, A., Karabeshkin, L. (2015) Understanding Russia’s Soft Power Strategy, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 347—363.
- Tickner, J. A. (2001) *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*, New York: Columbia University Press.
- Tsumarova, E. Iu. (2014) *Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskii i prakticheskii aspekty: (Na primere Respubliki Kareliia)*: Dis. ... kand. polit. nauk

- [Identity policy in the Russia regions: theoretical and practical aspects: (On the example of the Republic of Kareliia): Diss. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Wilkinson, C. (2014) Putting “traditional values” into practice: the rise and contestation of anti-homopropaganda laws in Russia, *Journal of Human Rights*, vol. 13, no. 3, pp. 363—379.
- Wilson, J. (2015) Russia and China respond to soft power: interpretation and readaptation of a Western construct, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 287—300.

Статья поступила 06.07.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябов Дмитрий Олегович — кандидат политических наук, ассистент департамента прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург, Россия, dm.riabov@gmail.com (Cand. Sc. (Political Sc.), Assistant at the Department of Political Science, National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg), St. Petersburg, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 33—44
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.3

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 33—44
ББК 60.561.23
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.3

STEM: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ (Гендерный аспект)

Е. А. Савостина^а, И. Н. Смирнова^б, О. А. Хасбулатова^б

^а Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования,
г. Москва, Россия

^б Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
kodina_inna@mail.ru

Рассматриваются гендерные аспекты профессионального самоопределения старшеклассников, специфика ориентации девушек на технологические профессии. На основе авторского социологического опроса старшеклассников сделан вывод о заниженной самооценке девушек при освоении технологических дисциплин и выборе профессиональной траектории. Установлено, что школьный курс «Технология» противоречит современной концепции технологического образования и закладывает основы гендерной стереотипизации профессий. Исследование подтвердило, что юноши и девушки ориентируются на «мужские» и «женские» профессии и обладают недостаточной информированностью о перспективах STEM-образования и STEM-профессий. Утверждается, что невнимание к этой проблеме может привести к недостатку специалистов в технологических областях, что отрицательно скажется на макроэкономической ситуации в стране. Сформулированы предложения в адрес общеобразовательных учреждений, высшей школы и органов управления по вовлечению девушек в технологическое образование.

Ключевые слова: гендерный подход, полоролевая социализация, профессиональные траектории школьников, гендерные стереотипы, «стеклянный потолок», участие девушек, STEM-профессии.

STEM: PROFESSIONAL TRAJECTIONS OF THE YOUTH (Gender aspect)

E. A. Savostina^a, I. N. Smirnova^b, O. A. Khasbulatova^b

^a Russian Medical Academy of Postgraduate Education,
Moscow, Russian Federation

^b Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
kodina_inna@mail.ru

The article examines gender aspects of professional self-determination of high school students as well as the specificity of girls' orientation towards technological professions. The methodological basis of the research includes the author's sociological survey of high school students. The authors underline the low self-esteem level of schoolgirls in mastering the technological disciplines as well as the choice of professional prospects. It is shown that the school course "Technology" contradicts the modern concept of technological education and lays the foundation for gender stereotyping of professions. The research confirmed that boys and girls – being not sufficiently informed about the prospects of STEM-education and STEM-professions – are oriented towards "male" and "female" professions. The authors stress that disregard to this problem may lead to a lack of specialists in technological fields which will negatively affect the macroeconomic situation in the country. The authors strongly recommend intensifying the girls' involvement in technological education: proposals for educational institutions, universities and governing bodies have been formulated.

Key words: gender approach, sex-role socialization, professional trajectories of schoolchildren, gender stereotypes, "glass ceiling", participation of girls, STEM-profession.

О проблеме

Предлагаемое исследование продолжает обсуждение проблемы вовлечения женщин в наукоемкие и технологические профессии, которое ведут на страницах журнала «Женщина в российском обществе» ученые — члены STEM-комитета, созданного в 2016 г. при Евразийском женском форуме с целью продвижения идеи о равноправном участии женщин и мужчин в инновационном развитии страны.

Мы живем в динамичное время, когда идеи Национальной технологической инициативы, электронной экономики, стратегического развития России [Национальная технологическая инициатива, 2014] побуждают к действию специалистов всех уровней и ставят амбициозные задачи перед молодым поколением. Становится очевидным, что их воплощение требует подготовки нового поколения квалифицированных специалистов, способных ответить на технологические вызовы и стать ядром человеческого капитала страны.

Многие российские ученые, занимающиеся гендерными исследованиями в этом аспекте, обращают внимание на более низкие качественные характеристики человеческого капитала женщин, сложившуюся гендерную асимметрию

в STEM-профессиях, основанных на компьютерных технологиях, естественных, математических, инженерных и технологических науках [Банникова, 2015; Калябина, 2017; Кузьмина, Яшина, 2017; Чемяков, Крылов, 2015; Малышева, 2016; Михайлова, 2016; Хасбулатова, 2016; Савинская, 2016; Смирнова, 2016].

В данной статье на основе гендерного подхода анализируются профессиональные ориентации и траектории выпускников общеобразовательных школ г. Иванова — среднего города России с развитой сетью профессионального образования технологического и гуманитарного профилей.

Методология и методика исследования

В основу изучения специфики профессиональных траекторий молодежи положен гендерный подход, согласно которому профессиональная подготовка и продвижение женщин по карьерной лестнице должны осуществляться без дискриминации по признаку пола, на основе предоставления юношам и девушкам равных прав и равных возможностей для их реализации на всех профессиональных поприщах. Гендерный подход при анализе любой сферы деятельности предполагает, что различия в поведении мужчин и женщин определяются скорее социально-культурными нормами, чем их физиологическими или биологическими особенностями [Штылева, 2014]. В сфере общего и профессионального образования это означает обучение девочек и мальчиков по одинаковым образовательным стандартам, отсутствие деления школ и профессий на «мужские» и «женские», обеспечение юношам и девушкам равного доступа к STEM-образованию и STEM-карьере.

Исследования показывают, что в США и ряде стран Западной Европы переходу женщин на инженерную и технологическую специализацию активно содействуют органы управления, благотворительные фонды и женские общественные организации [Кеммет, 2015; Малышева, 2016]. В России проблема вовлечения девушек в STEM-образование также становится актуальной в связи с переходом экономики на инновационный путь развития. Вместе с тем историко-социологический анализ показывает, что в системе российского образования утвердилась традиция деления профессий на «мужские» и «женские» с различием в уровне оплаты труда в пользу «мужских» профессий [Хасбулатова, 2016: 7]. Например, по данным статистики, в сфере информационно-коммуникационных технологий среди специалистов с высшим образованием женщины составляют 21 %, их заработная плата составляет 82,6 % от заработной платы мужчин, а среди техников женщин всего 24,2 % с уровнем заработной платы 68,3 % по сравнению с коллегами-мужчинами [Женщины и мужчины России, 2016: 122—123]. Данная тенденция характерна для большинства технологических профессий, она обусловлена целым рядом причин.

Центральной причиной является, по нашему мнению, внедрение в систему социализации детей и молодежи полоролевого подхода, в соответствии с которым формирование ребенка происходит за счет усвоения типичных характеристик своего пола: для мальчиков — технические профессии, карьера, успех; для девочек — гуманитарные профессии, домашнее хозяйство, забота о членах семьи и их обслуживание. В его основе лежит теория структурного функционализма Т. Парсонса [Parsons, Bales, 1955], согласно которой дифференциация

ролей между индивидами осуществляется в соответствии с их половой принадлежностью. В результате применения полоролевого подхода в воспитании молодежи общество получает эффект «стеклянного потолка» и «стеклянных стен» — невидимых барьеров, ограничивающих доступ женщин к STEM-профессиям и STEM-карьере, обеспечивающим достойный уровень жизни.

В XXI в. проблема «стеклянного потолка» остается актуальной для женщин во многих странах мира. Например, М. Гейтс, супруга Б. Гейтса, фонд которой поддерживает обучающихся девочек, считает, что внешне стройная система образования (начальная, средняя школа, колледж), в которой на равных условиях учатся девочки и мальчики, на выходе дает сбой, поскольку в высшей школе на технологических специальностях девушек значительно меньше, чем юношей [Melinda Gates has a new mission... , 2016]. Ее сомнения подтверждает статистика. Так, в США число женщин, обучающихся по программам высшего инженерного образования, составляет всего 18,6 %, в Великобритании — 15 %, во Франции — 17 % [Топоркова, 2014]. В России среди студентов вузов, обучающихся по направлению «Электроника», женщины составляют 16 %, «Информатика и вычислительная техника» — 27 %, «Машиностроение» — 16 % [Женщины и мужчины России, 2016: 73].

Очевидно, что проблема вовлечения женщин в технологические профессии является непростой. Среди факторов, влияющих на выбор жизненного пути, значимое место отводится профессиональному самоопределению выпускников школ. С целью определения уровня и причин гендерного дисбаланса в профессиональных ориентациях старшеклассников и их родителей на технологические профессии в 2017 г. было проведено социологическое исследование среди учащихся общеобразовательных школ г. Иванова и Ивановского муниципального района, а также среди их родителей и учителей. Тип выборки — гнездовая, гнездами (кластерами) выступают 10—11-й классы различного профиля (или без профиля). Количество кластеров — 18. Опрошено 500 старшеклассников (55 % девушек, 45 % юношей).

В основу социологического исследования положены гендерный, структурно-конструктивистский, деятельностный подходы, концепции гендерной социализации и стереотипизации. Учет мнений основных акторов образовательного процесса (старшеклассники, их родители и учителя) позволяет считать данное исследование комплексным.

Профессиональное самоопределение старшеклассников: гендерная асимметрия

Проведенное исследование показало, что современные юноши и девушки активны, любознательны, 95 % девушек и 96 % юношей определились с выбором профессии, более 85 % планируют поступать в высшие учебные заведения. Выбор профессии соответствует сложившимся в обществе стереотипам: юноши ориентируются на «мужские» профессии (инженерные, технологические специальности, а также профессия военного), девушки на гуманитарные и социальные (юрист, психолог, учитель, переводчик и др.).

Гендерные отличия выявлены в уровне самооценки юношей и девушек. Анализ данных показал, что интерес к технологическим профессиям у юношей

и у девушек имеет заметные различия. Так, желание получить STEM-профессии высказали 58,1 % девушек и 76,9 % юношей. В целом процент высокий, но причины, которые этому препятствуют, различны: 44,2 % девушек сомневаются в своих способностях к изучению технических дисциплин, 58,1 % полагают, что у них нет способностей к этим предметам. Подобные сомнения имеют только 23—25 % юношей.

При выборе старшеклассниками жизненной траектории выраженной гендерной асимметрии не выявлено. И юноши, и девушки планируют получить высшее образование, работать по специальности, совместить карьеру с семейными обязанностями. Число респондентов, считающих, что семья может препятствовать их карьерному росту, невелико: 3,7 % девушек и 0,9 % юношей. Однако число девушек, сомневающихся, что они смогут совместить семью с карьерой, в 4 раза больше, чем юношей.

Ответы старшеклассников показали, что родители лояльно относятся к выбору детей. Половина школьников обоего пола уверены в том, что родители поддержали бы любой их выбор. Каждый третий считает, что если бы он выбрал технологическую профессию, то родители одобрили бы его выбор. Каждый десятый считает, что выбирает профессию самостоятельно.

Исследование показало, что общеобразовательная школа не является ведущим агентом профессиональной ориентации старшеклассников (табл. 1).

Таблица 1

**Агенты формирования профессиональных интересов
юношей и девушек, % (n=500)***

Агенты формирования	Девушки	Юноши
Наблюдения за трудовой деятельностью представителей выбранной профессии	54,7	57,1
Интернет	47,1	52,7
Советы знакомых/родственников/друзей	46,0	50,9
Хорошие оценки по предметам, которые нужно сдавать	43,4	37,1
Экономические запросы общества	30,7	29,0
Дни открытых дверей в вузах	28,1	32,1
Личный пример родителей	26,6	30,4
Кружки/секции	22,6	23,2
Герои фильмов/сериалов/книг	22,3	18,8
Школьные учителя	20,1	18,8
Телевидение	19,0	16,5
Репетиторы	18,6	8,5
Студенты-практиканты	15,3	12,5
Специальные буклеты/брошюры	7,3	8,9
Уроки технологии	0,7	1,8
Другое	8,8	18,8

* Вопрос множественный.

Оценивая роль школы в выборе профессии, старшеклассники обоего пола отдали учителям 10-е место, а урокам технологии — последнее, 16-е место. 86,5 % девушек и 67,7 % юношей отметили, что предмет «Технология» им неинтересен и не помогает в выборе профессии. 65,3 % девушек и 54,9 % юношей выразили желание вместо предмета «Технология» изучать новые достижения науки, учиться программированию, ставить опыты. При этом отрицательно оценивают этот предмет в подавляющем большинстве девушки.

Если обратиться к тексту Образовательного стандарта среднего (полного) общего образования по технологии, то среди основных целей курса мы увидим освоение знаний о роли технологической культуры в общественном развитии; овладение умениями рациональной организации труда; развитие технического мышления; формирование готовности к самостоятельной деятельности на рынке труда [Образовательный стандарт... , 2004]. По документам курс «Технология» должен способствовать адаптации молодежи к процессам инновационного развития экономики. Однако из ответов старшеклассников следует, что современные уроки технологии продолжают традиции полоролевого воспитания детей, которые сформировались в России еще в 1950-е гг., и сводятся к домоводству, слесарному делу и деревообработке. Такой подход противоречит современной концепции технологического образования и практически закладывает основы гендерной стереотипизации профессий. Можно предположить, что в таком виде курс «Технология» утратил свою актуальность и не отвечает требованиям формирования творческих, креативных личностей.

Основной задачей социологического опроса стало выяснение отношения юношей и девушек к технологическим профессиям и их представлений о качествах молодого специалиста XXI в. Исследование показало, что интерес к STEM-профессиям у выпускников достаточно высок. Желание получить технологическую профессию высказали 58,1 % девушек и 76,9 % юношей. Вместе с тем вызывает озабоченность недостаточная информированность школьников об актуальности этих профессий. Более половины участвовавших в исследовании девушек и юношей хотели бы ближе познакомиться с высокотехнологическими профессиями, узнать о том, какие профессии будут актуальны через 10—15 лет, однако лишены этой возможности. Так, 48,5 % девушек и 39,3 % юношей отметили, что нуждаются в информации о перспективах рынка профессий в России и в мире.

Большинство опрошенных предлагают пропагандировать высокотехнологические профессии путем реализации специальных профориентационных программ в школах и вузах, через средства массовой информации, Интернет, технопарки, они хотели бы посещать в вузе, школе или системе дополнительного образования факультативные курсы технологической направленности, встречаться с молодыми учеными, работающими в области высоких технологий (табл. 2).

Исследование выявило, какие качества современного молодого специалиста старшеклассники считают актуальными (табл. 3).

Таблица 2

**Меры по популяризации высокотехнологических профессий среди школьников
 в оценках юношей и девушек, % (n=468)***

Мера по популяризации	Девушки	Юноши
Вместо уроков технологии изучать новые достижения науки, учиться программированию, ставить опыты	65,3	54,9
Организовывать встречи с представителями технологических профессий и с молодыми учеными	64,1	49,0
Реализовывать специальные профориентационные программы в школах и вузах	47,7	56,3
Разрабатывать и пропагандировать элективные и факультативные курсы технологической направленности в школе и в системе дополнительного образования	44,7	41,7
Объяснять перспективы развития рынка профессий в России и в мире выпускникам школ	48,5	39,3
Установить гранты для обучения в вузах по этим профессиям	43,9	35,9
Ввести для детей в дошкольных учреждениях конструирование и творческие игры	35,1	35,4
Рекламировать образовательные программы вузов по технологическим профессиям	28,6	34,5
Сделать так, чтобы во всех городах действовали детские технопарки	30,9	32,5
Осуществлять пропаганду технологических профессий через СМИ	22,1	34,0
Другое	4,6	5,3

* Вопрос множественный.

Таблица 3

**Наиболее востребованные качества молодого специалиста
 в оценках юношей и девушек, % (n=500)***

Качество специалиста	Девушки	Юноши
Умение работать с информацией	60,1	74,3
Умение самостоятельно формулировать задачи, находить пути их решения	48,0	45,9
Умение быстро осваивать технику любой сложности	40,7	47,3
Способность к самообразованию в любой области	37,0	22,5
Креативность, творческий подход	39,2	35,6
Владение новыми информационными технологиями и программами	25,3	23,0
Владение иностранным языком	33,0	21,6
Способность к моделированию и прогнозированию различных процессов и ситуаций	7,3	6,8
Владение компьютерной обработкой данных	3,7	3,6
Другое	1,1	6,3

* Вопрос множественный.

И юноши, и девушки отдали предпочтение таким качествам, как умение работать с информацией, самостоятельно принимать решения, быстро осваивать технику любой сложности, учиться креативному, творческому подходу в решении проблем. В ответах на эти вопросы заметных гендерных различий не выявлено. Но это не означает, что они отсутствуют.

На всем протяжении исследования появлялись данные, свидетельствующие о заниженной самооценке девушек при выборе своей профессиональной траектории. Так, 59,7 % девушек, объясняя причины выбора направления дальнейшего обучения, отметили, что руководствуются не престижностью и доходностью профессии, а своими способностями. Отвечая на вопрос о своем будущем, каждый второй юноша и лишь 30 % девушек отметили, что «постараются иметь хорошую зарплату». Проявления заниженной самооценки наблюдаются также и в ответах на вопрос, какие предметы изучаются с интересом в школе (табл. 4).

Таблица 4

Отношение к предметам юношей и девушек, % (n=500)

Предмет	Девушки		Юноши	
	Изучают с интересом	Изучают без интереса	Изучают с интересом	Изучают без интереса
Алгебра	64,4	35,6	73,0	27,0
Геометрия	33,2	66,8	60,5	39,5
Физика	37,3	62,7	63,0	37,0
Химия	35,8	64,2	38,2	61,8
Информатика	37,0	63,0	49,1	50,9
Биология	48,1	51,9	35,8	64,2
Технология	29,9	70,1	33,6	66,4
Математика	58,8	41,2	70,8	29,2

Из предложенного списка девушки изучают с интересом только математику (алгебру), объясняя свой выбор сложностью предметов STEM-цикла (44 %), отсутствием способностей (58 %). Юноши объяснили свой выбор другими причинами: 50 % ответили, что предметы им неинтересны, 32 % уверены, что они им не потребуются в будущем. Можно сделать вывод, что девочки недооценивают свои способности.

Итоги

Исследование еще раз убедило в том, что вовлечение девушек в технологическое образование — актуальная задача для общества в целом. Невнимание к этой проблеме может привести к недостатку квалифицированных специалистов в технологических отраслях, что отрицательно скажется на макроэкономической ситуации в стране [Карелова Г.: STEM-программы... , 2016]. Очевидно, что профессиональное самоопределение личности — сложный и длительный процесс, охватывающий весь период обучения ребенка, поэтому школа должна выступать одним из главных акторов профессионального самоопределения юношей и девушек.

Проведение социологического исследования среди старшеклассников общеобразовательных школ позволило сделать вывод, что переход к технологическому воспитанию и образованию девушек является изменением не локального, а концептуального характера, поскольку требует изменения ценностной системы общества, перехода от полоролевого к гендерному подходу в процессе профессиональной ориентации молодежи. Ситуация не изменится, если школа будет продолжать готовить юношей и девушек к заведомо разным социальным ролям и профессиям.

Формально система образования не ставит препятствий мальчикам и девочкам в выборе профессий. Однако начиная с детских игр, посредством учебников, уроков домоводства для девочек и слесарного/столярного дела для мальчиков в сознание молодежи закладываются стереотипы о том, что профессии делятся на «мужские» и «женские» [Савинская, 2016; Смирнова, 2005]. Исследование подтверждает, что этот стереотип продолжает играть значимую роль при выборе профессии.

Полагаем, что в новой Концепции технологического образования, которая разрабатывается по поручению Министерства образования и науки РФ [Хотунцев, 2015], целесообразно отразить комплекс мер, направленных на мотивацию интереса девушек к дисциплинам естественно-научного и технологического цикла.

В качестве положительного примера решения проблемы можно отметить деятельность Министерства образования и науки РФ и Агентства стратегических инициатив по открытию в регионах детских технопарков. Но чтобы смягчить гендерную асимметрию в сфере технологического образования, следует вовлекать в техническое творчество не только мальчиков, но и девочек. Речь должна идти не о гендерных различиях, а о способностях конкретных мальчиков и девочек, которые нужно развивать.

Для преодоления указанной проблемы необходим комплекс мер со стороны высшей школы. Это может быть «научное» волонтерство, когда молодые ученые, магистры встречаются в школах со старшеклассниками и пропагандируют технологические профессии; летние лагеря с техническим или математическим профилем для учащихся средних школ, целевой аудиторией которых являются именно девушки; довузовская профориентационная подготовка девушек к инженерным профессиям; подготовка школьных учителей для этой работы.

Перечень проектов можно продолжить. Их содержание будет зависеть от масштабов деятельности по технологическому просвещению и образованию девушек. Главное — не останавливаться и продолжать исследование проблемы вовлечения женщин в технологическое образование и STEM-профессии.

Библиографический список

- Банникова Л. Н. Инженерное образование: вызовы нового времени: (материалы круглого стола) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 144, № 4. С. 168—175.
- Женщины и мужчины России, 2016: статистический сборник / Росстат. М., 2016. 208 с.

- Калабихина И. Е.* Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 1. С. 5—16.
- Карелова Г.*: STEM-программы будут способствовать повышению конкурентоспособности на рынке труда. 2016. URL: http://www.council.gov.ru/events/main_themes/71478/ (дата обращения: 19.02.2017).
- Кеммет Е. В.* Выбор инженерной профессии: гендерный аспект // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: сборник материалов 2-й Всероссийской конференции / под ред. Е. М. Дорожкина, В. А. Копнова. Екатеринбург: Рос. гос. проф.-пед. ун-т, 2015. С. 54—59.
- Кузьмина Ю. А., Яшина Н. В.* К вопросу о внедрении STEM-образования в России // *Инновационное развитие*. 2017. № 1 (6). С. 10—12.
- Малышева М. М.* Естественные и технические науки для женщин в XXI веке // *Народонаселение*. 2016. № 3 (73). С. 76—85.
- Михайлова Е. А.* Реализация профессионального потенциала российских женщин: социологическое измерение // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 25—38.
- Национальная технологическая инициатива. 2014. URL: <http://www.nti2035.ru/nti/> (дата обращения: 05.04.2017).
- Образовательный стандарт среднего (полного) общего образования по технологии: базовый уровень. 2004. URL: <http://gigabaza.ru>doc/32647.html> (дата обращения: 02.07.2017).
- Савинская О. Б.* Гендерное равенство в STEM-программах дошкольного образования как фактор успешного технологического развития России // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 16—24.
- Смирнова А. В.* Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников. М.: Олита, 2005. 68 с.
- Смирнова И. Н.* «Мужские» и «женские» профессии в детской дошкольной литературе // STEM: новые перспективы профессиональной занятости женщин. М.: Акварель, 2016. С. 112—122.
- Топоркова О. В.* Об участии женщин в инженерных образовательных программах в странах Европы и США. 2014. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchastii-zhenschin-v-inzheneryh-obrazovatelnyh-programmah-v-stranah-evropy-i-ssha> (дата обращения: 01.07.2017).
- Хасбулатова О. А.* Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 3—15.
- Хотунцев Ю. Л.* Проект Концепции технологического образования обучающихся в общеобразовательных школах. 2015. URL: <http://olymp.apkpro.ru/lecture/files/1teh.docx> (дата обращения: 05.01.2017).
- Чемеков В. Н., Крылов Д. А.* STEM — новый подход к инженерному образованию // *Вестник Марийского государственного университета*. 2015. № 5 (20). С. 59—64.
- Штылева Л. В.* Интерпретация гендерного подхода в российской педагогике 10-х гг. XXI века // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 3. С. 87—92.
- Melinda Gates Has a New Mission: Women in Tech. 2016. URL: <http://backchannel.com/melinda-gates-has-a-new-mission-women-in-tech-8eb706d0a903> (дата обращения: 24.06.2017).
- Parsons T., Bales R.* Family, socialization and interaction process // *The Family: Its Function and Destiny*. New York: Free Press, 1955. P. 3—33.

References

- Bannikova, L. N. (2015) Inzhenernoe obrazovanie: vyzovy novogo vremeni: (Materialy kruglogo stola) [Engineering education: challenges of new time: (Round table materials)], *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, serii 1, Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury, no. 4, pp. 168—175.
- Chemekov, V. N., Krylov, D. A. (2015) STEM — novyi podkhod k inzhenernomu obrazovaniiu [STEM — a new approach to engineering education], *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5 (20), pp. 59—64.
- Kalabikhina, I. E. (2017) Novye podkhody k izmereniiu predstavlenosti zhenshchin v STEM-obrazovanii i STEM-zaniatosti v Rossii [New approaches to measuring the representation of women in STEM-education and STEM-employment in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5—16.
- Kemmet, E. V. (2015) Vybor inzhenernoi professii: gendernyi aspekt [Choice of the engineering profession: the gender aspect], in: Dorozhkin, E. M., Kopnov, V. A. (eds), *Sotsial'no-professional'naia mobil'nost' v XXI veke*, Ekaterinburg: Rossiiskii gosudarstvennyi professional'no-pedagogicheskii universitet, pp. 54—59.
- Khasbulatova, O. A. (2016) Gendernye aspekty razvitiia STEM-obrazovaniia v Rossii [Gender aspects of the development of STEM-education in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—15.
- Khotuntsev, Iu. L. (2015) *Proekt Kontseptsii tekhnologicheskogo obrazovaniia obuchaiushchikhsia v obshcheobrazovatel'nykh shkolakh* [The draft Concept of technological education for students in general schools], available from <http://www.olymp.apkpro.ru/lecture/files/1teh.docx> (accessed 05.01.2017).
- Kuz'mina, Iu. A., Iashina, N. V. (2017) K voprosu o vnedrenii STEM-obrazovaniia v Rossii [On the introduction of STEM-education in Russia], *Innovatsionnoe razvitie*, no. 1 (6), pp. 10—12.
- Malysheva, M. M. (2016) Estestvennye i tekhnicheskie nauki dlia zhenshchin v XXI veke [Natural and technical sciences for women in the XXI century], *Narodonaselenie*, no. 3 (73), pp. 76—85.
- Mikhaïlova, E. A. (2016) Realizatsiia professional'nogo potentsiala rossiiskikh zhenshchin: sotsiologicheskoe izmerenie [Realizing the professional potential of Russian women: the sociological dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 25—38.
- Natsional'naia tekhnologicheskaiia initsiativa (2014) [National Technology Initiative], available from <http://www.nti2035.ru/nti/> (accessed 05.04.2017).
- Parsons, T., Bales, R. (1955) Family, socialization and interaction process, in: *The Family: Its Function and Destiny*, New York: Free Press, pp. 3—33.
- Savinskaia, O. B. (2016) Gendernoe ravenstvo v STEM-programmakh doshkol'nogo obrazovaniia kak faktor uspeshnogo tekhnologicheskogo razvitiia Rossii [Gender equality in STEM-programs of preschool education as a factor of Russia's successful technological development], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 16—24.
- Shtyleva, L. V. (2014) Interpretatsiia gendernogo podkhoda v rossiiskoi pedagogike 10-kh gg. XXI veka [Interpretation of the gender approach in the Russian pedagogics in 2010s], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3 (72), pp. 87—92.
- Smirnova, A. V. (2005) *Uchimsia zhit' v obshchestve. Gendernyi analiz shkol'nykh uchebnikov* [Learning to live in society. Gender analysis of school textbooks], Moscow: Olita.
- Smirnova, I. N. (2016) “Muzhskie” i “zhenskie” professii v detskoï doshkol'noi literature [Men's and women's professions in children's preschool literature], in: *STEM: novye perspektivy professional'noi zaniatosti zhenshchin*, Moscow, Akvarel', pp. 112—122.

- Toporkova, O. V. (2014) *Ob uchastii zhenshchin v inzhenernykh obrazovatel'nykh programmakh v stranakh Evropy i SShA* [On the participation of women in engineering education programs in Europe and the United States], available from <http://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchastii-zhenshin-v-inzhenernyh-obrazovatelnyh-programmah-v-stranah-evropy-i-ssha> (accessed 01.07.2017).
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii* (2016) [Women and men of Russia], Moscow.

Статья поступила 12.06.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Савостина Елена Анатольевна — доктор медицинских наук, доцент кафедры медицинской статистики и информатики, Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, г. Москва, Россия, eas-m@mail.ru (Dr. Sc. (Medicine), Associate Professor at the Department of Medical Statistics and Informatics, Russian Medical Academy of Postgraduate Education, Moscow, Russian Federation).

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kodina_inna@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Хасбулатова Ольга Анатольевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, oax37@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 45—57
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.4

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 45—57
ББК 60.561.23
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.4

ЖЕНЩИНЫ КАК ПЕРСОНАЛ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

З. Х.-М. Саралиева, Л. Н. Захарова

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru

Представлен сравнительный анализ ценностных установок относительно организационной культуры места работы, с одной стороны — персонала инновационного предприятия, с другой — предприятия с многолетними трудностями модернизации организационного развития. Сравнение осуществлено как между женскими группами респондентов, так и между женскими и мужскими. Организационная культура рассмотрена как социально-психологический ценностный контекст трудового поведения, а ценности — как предикторы поведения. Показано, что организационная культура выступает фактором, регулирующим проявления гендерных различий. Инновационно-рыночная культура, характерная для перспективных предприятий, сдерживает проявления гендерных различий, а бюрократически-рыночная культура, стремящаяся к изменению по ключевому типу, раскрепощает их.

Ключевые слова: жизнеспособность предприятия, психологическая жизнеспособность персонала, парадигма управления, организационные изменения, организационный стресс, гендерные проявления, ценности, организационная культура.

WOMEN AS PERSONNEL OF A MODERN ENTERPRISE: THE VALUE ASPECT

Z. H.-M. Saralievа, L. N. Zakharova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
zara@fsn.unn.ru

The paper presents a comparative analysis of an enterprise's organizational culture perception and values of female workers who are employed at an innovative enterprise compared with the one suffering from long-time modernization problems in terms of its organizational development. The paper looks into the key features typical of Russia's transitive economy. These features are characterized by changes of a management paradigm and the need for domestic enterprises to become innovative.

The effect of these factors changes the requirements the staff should meet, creates organizational stress and reduces viability of enterprises. The gender aspect of how enterprises adapt to new organizational conditions is, however, unexplored. At the same time, coexistence of enterprises that succeeded in becoming innovative and those with long-term modernization difficulties provides an excellent opportunity to examine gender aspects of labor behavior under variable organizational conditions. The aim of the study was to identify the values of female workers with different levels of involvement into innovation processes. Based on the methodology devised by E. Shane, A. Zdravomyslov, S. Schwartz, K. Cameron and R. Quinn the paper views enterprise organizational culture as a socio-psychological value context of labor behavior where values act as behavior predictors.

Both women's groups and women's vs men's groups of respondents were compared. The data were collected through Organizational Culture Assessment Instrument (OCAI).

It is shown that female personnel have their own specifics in value orientations, namely, greater (compared with male workers) sensitivity to requirements of market organizational conditions, if they are well-represented in organizational culture. Women more than men share the value of order that makes up an integral part of hierarchical value orientations and are more committed to relationship values which, resulting in appropriate behavior, act as a means to reduce organizational stress and escape internal competition. It is also shown that organizational culture comes as a factor which regulates manifestation of gender differences. Innovative-market culture, typical of prospective enterprises, restrains while bureaucratic-market culture, striving for clan-like changes unleashes manifestations of gender differences. The paper outlines perspectives for further studying value regulation of women's labor behavior.

Key words: enterprise viability, staff psychological viability, management paradigm, organizational changes, organizational stress, gender manifestations, values, organizational culture.

Введение в проблематику

Известно, что на современном рынке труда женщины продолжают оставаться в неравном положении с мужчинами. В первую очередь это проявляется в доступе к руководящим должностным позициям и в оплате труда [Женщины и мужчины... , 2016: 94, 122]. Согласно докладу Всемирного экономического форума, Россия находится на 75-й позиции из 130 в рейтинге гендерного равенства [The Global Gender Gap Report... , 2016]. Особенно сложно российским женщинам добиться высоких результатов и признания в технологической сфере при отсутствии каких-либо формальных или неформальных ограничений [Михайлова, 2016: 38].

И это несмотря на то, что общество XXI в. все более убеждается в том, что гендерное равенство важно не только само по себе. Высокая степень гендерного равенства означает раскрепощение женского человеческого потенциала, что оказывает сильное воздействие на производительность труда, а это, в свою очередь, способствует повышению экономической эффективности и достижению других ключевых целей в области развития [Шведова, 2015: 18].

Исследователи возможностей и позиционирования женщин на рынке труда традиционно связывают имеющийся дисбаланс с наличием в социуме определенных культурных стереотипов относительно приоритетных женских ролей

в обществе и особенностей женской ментальности [Азарова, 2001; Белая, 2013; Михайлова, 2016]. При этом практически не учитываются изменившиеся в последние десятилетия отдельные важные характеристики российского рынка труда, проявляющиеся в вариативности организационных условий, в которых реализуют свой профессиональный потенциал его участники, в новых требованиях бизнеса к сотрудникам предприятий [Дырин, 2009; Темницкий, 2014].

Экономика современной России имеет транзитивный характер. Для нее характерно действие двух крупных факторов, которые принципиально изменили некоторые характеристики рынка труда. Первый — это изменение парадигмы управления вследствие изменения экономической парадигмы, административно-командной на рыночную. Второй — закономерное следствие первого — переход предприятий в инновационный формат развития. В течение последних двух десятилетий на высших уровнях государственного управления регулярно подчеркивается и необходимость такого перехода, и его неудовлетворительные темп и результаты. Проблема перехода к инновационной экономике, кроме правовой, экономической, технологической, имеет выраженную социально-психологическую составляющую. Влияние организационных условий на характеристики рынка труда и экономическую эффективность очень точно сформулировал В. В. Путин в программной статье «О наших экономических задачах», отмечая, что при общих позитивных сдвигах в экономике «есть огромные сектора, где наша технологическая и организационная культура застряла в прошлом веке» [Путин, 2012: 1]. Неслучайно отмечен этот фактор. Организационная культура является социально-психологическим контекстом трудовой деятельности и имеет в своей основе ценности организационного развития, разделяемые критической массой персонала, функции внутренней интеграции персонала и формирования трудового поведения в соответствии с базовыми ценностями, выступающими его предикторами [Здравомыслов, 1986; Шейн, 2002; Scott et al., 2009; Schwartz et al., 2012]. Таким образом, рынок труда претерпевает существенные изменения, которые, как правило, не учитываются ни статистикой, ни его участниками.

Специфической характеристикой российской экономики является то обстоятельство, что малорентабельные и даже убыточные предприятия, не способные выдержать конкуренции, продолжают свое существование за счет действия целого комплекса нерыночных механизмов и государственного протекционизма. В настоящее время в России сосуществуют предприятия, успешно преодолевшие проблемы перехода к новой парадигме управления с высокой востребованностью инноваций, и предприятия с многолетними трудностями модернизации и перехода к инновационному формату развития.

Практически не изученным остается вопрос о специфике мужской и женской адаптации к организационным условиям разного типа. Очень емко об этом феномене отторжения женщин предприятиями высокотехнологического сектора пишет Е. А. Михайлова, раскрывая механизм отказа части женщин под негативным давлением профессиональной среды от трудовой деятельности в технологическом секторе [Михайлова, 2016: 38]. Однако отдельные исследования показывают, что и мужчины далеко не все и не всегда психологически готовы к работе в рыночно-инновационных условиях [Захарова и др., 2014; Саралиева и др.,

2016]. Эти результаты обращают внимание на проблему психологической готовности персонала к работе в организационных условиях инновационных предприятий и необходимость выявления специфики мужского и женского типа реагирования на требования этих условий к личности человека.

Современный менеджмент рассматривает проблему готовности в рамках относительно нового направления исследований, которое раскрывается как проблематика жизнеспособности предприятий. Жизнеспособность предприятий связывается со способностью менеджмента предвидеть новые вызовы и угрозы и реагировать на них с опережением, не утрачивая стратегического вектора развития. Одно из ключевых условий жизнеспособности предприятия — психологическая жизнеспособность персонала, представляющая собой способность к сохранению своих функций без развития дистресса в изменяющихся и неопределенных условиях внутренней и внешней среды [Bell, 2002; Sutcliffe, Vogus, 2003; Bonanno, 2004; Everly et al., 2013].

Смена экономической парадигмы и, как следствие, парадигмы управления обуславливает транзитивный характер экономики и проявляется в изменении целого комплекса внутриорганизационных условий, к которым, как правило, психологически не готов персонал [Ясин и др., 2016; Захарова, 2010; Захарова, Леонова, 2016; Коробейникова, 2010]. Парадигмальные изменения, как и любые другие организационные изменения, вполне обоснованно можно рассматривать как фактор организационного стресса, вызов жизнеспособности персонала и предприятия в целом [Cranwell-Ward, Abbey, 2005; Cooper et al., 2005; Захарова, Леонова, 2016].

Усиление стрессогенности организационных условий происходит обычно вслед за осознанием менеджментом необходимости внедрения производственных и управленческих инноваций, чтобы обеспечить конкурентоспособную производительность и качество труда в условиях глобальной конкуренции.

Используя типологию потребностей А. Маслоу (1999), можно видеть, что психологические издержки внедрения инноваций как источники стресса действуют в отношении всех основных потребностей человека. Так, на уровне гомеостатических потребностей они проявляются в результате изменения динамических стереотипов, увеличения напряжения (обучение, повышение квалификации, освоение новых технологий). На уровне потребности в безопасности — в результате появления и роста беспокойства о сохранности рабочего места, стресса перемен, возможного понижения статуса. На уровне принятия и общения — в результате сокращения межличностного общения, усиления зависимости от производственной эффективности в условиях инноваций. Потребность в самоуважении депривируется сомнениями в своей компетентности.

Исследования последних лет раскрывают специфику женского и мужского реагирования на стресс, хотя, к сожалению, без соотнесения с конкретными организационными условиями. Тем не менее в них содержатся важные данные о том, что гендерный фактор выступает важной составляющей реакций на стрессовые воздействия, в значительной мере определяет подверженность стрессу, специфическую гендерную уязвимость и своеобразные гендерные стратегии преодоления последствий острого и хронического стресса.

Оставляя в стороне очень важный вопрос о последствиях переживания стрессовых ситуаций для соматического и психического здоровья, следует отметить, что женщины более устойчивы к разнообразным видам стресса, в том числе хронического и социальной природы, по сравнению с мужчинами, которые более успешно преодолевают острый стресс [Lazarus, 2006; Коган и др., 2010]. Однако эта женская устойчивость определяется специфическими копинг-стратегиями, такими как «бегство», «поиск социальной поддержки» и «положительная переоценка» [Исаева, 2009]. Мужчины используют менее гибкие и более саморазрушительные маскулинные копинг-стратегии, например конфронтацию, что приводит к большей уязвимости мужчин на фоне стресса и проявлениям агрессивного и аутоагрессивного видов поведения [Коган и др., 2010].

Исследователи и менеджеры, понимающие необходимость развития жизнеспособности предприятия, занимаются вопросами лидерства, организационной культуры, создания сетевого трудового взаимодействия и готовности персонала к изменениям [Bell, 2002; Everly et al., 2013] как факторами преодоления стресса, придавая им в качестве ключевых адаптационные характеристики [Robb, 2000; Monzani et al., 2015]. Изучение же гендерного аспекта психологической жизнеспособности персонала практически не ведется, хотя его актуальность не вызывает сомнений.

Цель проведенного исследования — выявить ценностные установки женщин как персонала предприятий с разным уровнем вовлеченности в инновационные процессы.

В число *респондентов* вошли:

— 62 сотрудника инженерного корпуса инновационного высокотехнологического предприятия (ИП) (среди них 35 мужчин и 25 женщин, представитель высшего руководства и главный инженер, оба мужчины);

— 67 сотрудников инженерного корпуса предприятия, испытывающего серьезные трудности модернизации (ординарное предприятие — ОП) (среди них 35 мужчин и 30 женщин, представитель высшего руководства и главный инженер, оба мужчины).

Методы исследования

Ценностные регуляторы трудовой деятельности респондентов изучены с помощью метода оценки актуального и предпочтительного состояния организационной культуры (ОК) места работы (Organizational Culture Assessment Instrument) [Камерон, Куинн, 2001]. В число выявляемых организационных ценностей входят ценности следования закону и порядку, лежащие в основе иерархической (бюрократической) ОК; ценности успеха в конкурентной среде, составляющие базис культуры рыночной или деловой организации; ценности сохранения хороших отношений и доверия, характерные для культуры кланового типа; ценности творческой самоактуализации, инновационности, определяющие адхократический, инновационный тип культуры. В реальности преобладают смешанные типы, выделяемые по преобладающим ценностям.

Результаты представлены в таблице.

Оценка работающими и неработающими респондентами актуального и предпочтительного состояния ОК своих предприятий, 2015 г., %

Респонденты	Разновидности ОК											
	Клановая			Адхократическая			Рыночная			Иерархическая		
	А	П	У	А	П	У	А	П	У	А	П	У
<i>Инновационное предприятие</i>												
Топ-менеджер	18.0	14.0	–	26.0	33.0	–	38.0	39.0	–	18.0	14.0	–
Главный инженер	15.0	15.0	–	34.2	32.0	–	40.0	42.8	–	11.0	10.2	–
Женщины	18.4	24.4	*	25.2	26.9	–	40.3	34.5	Т	16.1	14.1	–
Мужчины	18.1	20.6	–	30.3	32.0	–	40.9	36.6	–	10.7	10.8	–
Вжм	–	–	–	Т	Т	–	–	–	–	–	Т	–
<i>Ординарное предприятие</i>												
Топ-менеджер	17.0	11.0	–	15.0	20.0	–	26.0	32.0	–	42.0	37.0	–
Главный инженер	12.0	25.0	–	12.0	20.0	–	28.0	20.0	–	48.0	35.0	–
Женщины	23.9	32.6	*	13.9	16.2	Т	27.2	20.0	*	41.2	28.2	*
Мужчины	15.1	34.8	*	12.4	16.7	*	27.3	24.0	–	44.8	24.5	*
Вжм	*	–	–	–	–	–	–	Т	–	–	*	–
WПерсонал ИПж–Персонал ОПж	–	*	–	**	*	–	*	*	–	**	**	–
WПерсонал ИПм–Персонал ОПм	–	*	–	**	*	–	*	*	–	**	**	–

Примечание. А — актуальное состояние ОК, П — предпочтительное; У — достоверность различий по критерию Уайта; W — достоверность различий по критерию Вилкоксона; Т — тенденция; * — $p \leq 0.05$; ** — $p \leq 0.01$; – — различия статистически незначимы; WПерсоналИПж–ПерсоналОПж — уровень статистической значимости различий совокупностей показателей, характеризующих группу женского персонала ИП и группу женского персонала ОП по W-критерию; WПерсоналИПм–ПерсоналОПм — уровень статистической значимости различий совокупностей показателей, характеризующих группу мужского персонала ИП и группу мужского персонала ОП по W-критерию.

Результаты и их анализ

Полученные данные показывают, что ИП и ОП существенно различаются по характеристикам ОК. ИП имеет рыночно-инновационную модель ОК, а ОП — иерархически-рыночную модель. В этих оценках едины и менеджеры, и исполнительская часть персонала. Ценностная приверженность персонала ИП в целом соответствует существующей ОК. Общую картину несколько нарушают данные о ценностных предпочтениях женщин. В существующих организационных условиях их не устраивает слабое, на уровне их восприятия, присутствие

ценности отношений. Женщинам хотелось бы более теплого психологического климата: присутствие клановых ценностей им хотелось бы увеличить с 18.4 до 24.4 %, и этот прирост статистически значим ($p \leq 0.05$). Не достигает уровня статистической значимости желание несколько снизить присутствие рыночного компонента, но все же такая тенденция просматривается весьма отчетливо (34.5 % против имеющихся 40.3 %). Это желание вполне объяснимо с учетом желаний повысить присутствие ценности отношений. Рыночный компонент проявляется во внутренней конкуренции, что, естественно, влияет на отношения внутри трудового коллектива. Женщины хотели бы видеть больше порядка, чем мужчины. Различия между мужчинами и женщинами проявились статистически значимо (16.1 % у женщин и 10.7 % у мужчин, $p \leq 0.05$), в перспективе различия не такие яркие, но тенденция очевидна. Мужчины хотели бы видеть больше инновационности, но различия не достигают уровня статистической значимости.

Естественно, возникает вопрос, почему одна и та же организационная ситуация в области инновационности и бюрократичности оценивается мужчинами и женщинами по-разному. По-видимому, это связано с тем, что женщины сами, как им, по крайней мере, кажется, создают порядок и оценивают результаты своих усилий. Мужчинам представляется, что они делают ситуацию на предприятии более инновационной, позитивно реагируя на попытки менеджмента усилить инновационную составляющую.

Данные о том, как видится картина менеджерам, свидетельствуют, что женщины более близки в своей оценке инновационности и бюрократичности к оценкам топ-менеджера, а оценки мужчин более соответствуют оценкам их непосредственного руководителя, что, возможно, объясняется более плотным взаимодействием коллег-мужчин. В отношении видения необходимости развития инновационного компонента мужчины более близки и топ-менеджеру, и главному инженеру.

При всех этих различиях можно видеть, что они не влияют как-либо негативно на организационную ситуацию. Специфика женских оценок и ценностной приверженности проявляется, но не разрушая сложившуюся позитивную ситуацию организационного развития. Даже наоборот, женщины вносят заметный элемент необходимого, с точки зрения высшего менеджмента, порядка, обеспечивая стабильность в идущих изменениях.

Позитивность специфики проявления женских качеств в организационной ситуации ИП становится еще более понятной, если сравнить оценки ОК и ценностную приверженность персонала ИП и предприятия с многолетними трудностями модернизации. За исключением одной позиции, а именно оценки мужской частью персонала присутствия ценности отношений в текущей ситуации, все остальные показатели разнятся статистически значимо, достигая в оценках и перспективах развития бюрократического и инновационного компонентов ОК уровня $p \leq 0.01$. И мужской, и женский персонал ОП существенно ниже оценивает инновационный компонент организационных условий, чем это имеет место на ИП. И тот, и другой видит необходимость увеличивать инновационность, но этот желаемый уровень ниже, чем хотело бы руководство всех уровней: 16.2 % у женщин, 16.7 % у мужчин против 20.0 % у менеджеров. Это существенно ниже, чем на ИП, и в текущей ситуации, и в перспективе. Но поскольку заявлена цель

перехода в инновационный формат развития, можно видеть и тот ресурс, с помощью которого менеджеры пытаются ее достичь. Это очень высокий уровень бюрократичности: у всех категорий персонала оценка этого уровня выше 40.0 %.

Такой уровень бюрократичности не приводит к желаемому результату, и даже менеджеры видят необходимость его частичного смягчения: с 42.0—48.0 % до 35.0—37.0 %, $p \leq 0.01$. Уставший от неэффективных бюрократических процедур персонал хотел бы гораздо более значительного ухода от бюрократичности. Можно видеть, что женщины, как и на ИП, более терпимы к бюрократичности, чем мужчины. Если мужчины хотели бы сократить бюрократичность до 24.5 %, то женщины до 28.2 %, и эта разница статистически значима ($p \leq 0.01$). В отличие от мужчин женщины хотели бы смягчить и так невысокую рыночную составляющую организационных условий — с 27.2 до 20.0 %. Такая тенденция существует и у женского персонала ИП, что указывает на то, что женщины в целом чувствительны к тяготам рыночных условий, независимо от абсолютных значений присутствия рыночного компонента, если он представлен как системообразующий фактор ОК.

И мужской, и женский персонал ОП хотел бы видеть принципиальный рост клановой составляющей в ОК. Причем мужчины являются в данном случае большими приверженцами ценности отношений, чем женщины, поскольку отсчет их желаний начинается с гораздо более низкого показателя восприятия клановой составляющей — 15.1 % (до 34.8 %), в то время как у женщин этот диапазон составляет 23.9—32.6 %. Эти данные указывают на то, что к мужчинам на ОП менеджмент предъявляет более суровые требования, чем к женщинам, отчего мужчины испытывают больший, чем женщины, стресс и купируют его теми стратегиями, которые чаще обнаруживаются у женщин: «бегство» и «поиск социальной поддержки». И это в то время как высший менеджмент, озабоченный внедрением инноваций, хочет снизить уровень клановых отношений до 11.0 %. Главный инженер, в силу должностной позиции и обязательств перед высшим менеджментом, с одной стороны, и непосредственной связи с сотрудниками — с другой, психологически не готов уходить от хороших отношений с персоналом. В целях повышения качества отношений (с 12.0 до 25.0 %) он готов на смягчение рыночных требований с 28.0 до 20.0 % и бюрократических — с 48.0 до 35.0 %, чтобы стать психологически близким персоналу, не снижая планку инновационности в 20.0 %, соответствующей ожиданию высшего менеджмента. Таким образом, основная драма разворачивается на ОП вокруг попыток повысить уровень инновационности, поддерживаемых персоналом совсем не так, как хотелось бы менеджменту. Избираемые менеджментом средства в виде противоречивых требований к клановой и рыночным составляющим, удержания высокого уровня бюрократичности представляются не вполне адекватными поставленной цели, так как вызывают отторжение у персонала в отношении важнейшей составляющей организационных условий — их рыночного компонента.

Выводы

1. Женская часть персонала имеет свою специфику в ценностных ориентациях, состоящую в большей, чем у мужчин, чувствительности к требованиям рыночных организационных условий, если они существенным образом представлены в ОК.

2. Женская часть персонала более, чем мужчины, привержена ценности порядка, являющейся неотъемлемой частью иерархических ценностных ориентаций.

3. Женская часть персонала более, чем мужчины, привержена ценностям отношений, которые, реализуясь в соответствующем поведении, являются средством уменьшения организационного стресса и уходом от следования рыночному требованию внутренней конкуренции;

4. ОК служит фактором, регулирующим проявления гендерных различий. Инновационно-рыночная культура их сдерживает, а бюрократически-рыночная культура, стремящаяся к изменению по клановому типу, их раскрепощает.

5. В условиях ценностного конфликта между установками менеджмента и сложившимися ценностными приоритетами персонала можно зафиксировать более жесткие требования менеджмента к мужской части персонала. Невозможность реагировать конфронтационно в организационной ситуации, вступая в открытый конфликт с менеджером, вызывает у мужчин способы преодоления стресса по типу поиска социальной поддержки, более характерному для женщин.

6. Анализ полученных результатов убеждает в том, что развитие исследований гендерных различий в трудовом поведении персонала в условиях ОК разного типа необходимо продолжать в отношении потенциального персонала из числа выпускников колледжей и вузов, персонала с разной степенью адаптации, изучая специфику требований работодателей и менеджеров разного уровня. Этот вывод приобретает особую актуальность в связи с принятием «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг.». Обратим внимание на два ее положения. Первое — об отраслевой сегрегации, обуславливающей разницу в оплате труда женщин и мужчин. Этот социальный диссонанс может быть устранен в рамках государственной социальной политики. Второе — «женщины недостаточно интегрируются в рынок труда, связанный с новым технологическим укладом, и не всегда могут участвовать в инновационном развитии страны» [Национальная стратегия... , 2017]. В этом случае проведенное исследование дает возможность раскрыть социально-психологические механизмы адаптации женского персонала к требованиям организационных условий разного типа и разработать подходы к оптимизации процессов адаптации.

Библиографический список

- Азарова Е. А. Влияние культуры на формирование и измерение моральных гендерных стереотипов // Российские женщины и европейская культура. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001. С. 213—219.
- Белая Н. В. Культурологический аспект развития гендерных стереотипов // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т. 2, № 3. С. 29—32.
- Дырин С. П. Многовариативность организационной культуры современных российских предприятий // Управление корпоративной культурой. 2009. № 1. С. 12—16.
- Женщины и мужчины России, 2016: статистический сборник. М.: Федер. служба гос. статистики, 2016. 210 с.
- Захарова Л. Н. Психологические барьеры становления инновационной экономики в России // Социальная психология труда: теория и практика / под ред. А. Л. Журавлева, Л. Г. Дикой. М.: Ин-т психологии РАН, 2010. Т. 2. С. 313—330.

- Захарова Л. Н., Леонова И. С.* Две формы психологической жизнеспособности персонала // Психология развития человека как субъекта труда. Развитие творческого наследия Е. А. Климова. М.: Изд-во МГУ, 2016. С. 191—199.
- Захарова Л. Н., Соловьева С. В., Леонова И. С.* Ценностные конфликты безработных граждан в условиях перехода российских предприятий на инновационный путь развития // Вестник Нижегородского государственного университета. Сер.: Социальные науки. 2014. № 3. С. 136—145.
- Здравомыслов А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 224 с.
- Исаева Е. Р.* Копинг-поведение: анализ возрастных и гендерных различий на примере российской популяции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 11 (89). Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. С. 144—147.
- Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 311 с.
- Коган Б. М., Дроздов А. З., Дмитриева Т. Б.* Механизмы развития соматических и психопатологических стрессовых расстройств: (половые и гендерные аспекты) // Системная психология и социология. 2010. Т. 1, № 1. URL: http://www.systempsychology.ru/downloads/art/1_1_2010/1_1_2010-8.doc (дата обращения: 25.03.2017).
- Коробейникова Е. В.* Парадигма управления как социально-психологический инструмент организационных изменений // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 5. С. 90—96.
- Михайлова Е. А.* Реализация профессионального потенциала российских женщин: социологическое измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 3 (80). С. 25—38.
- Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017—2022 годы: распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р. Москва, 2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740/647900e93e6b68b5770bca253de3c639d8719f8f/ (дата обращения: 04.04.2017).
- Путин В.* О наших экономических задачах // Ведомости. 2012. № 3029. С. 1—2.
- Саралиева З. Х.-М., Захарова Л. Н., Власкин В. Ю.* Профессиональное самоопределение и организационные ценности военнослужащих срочной службы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 41—51.
- Темницкий А. Л.* Становление наемного работника рыночного типа в условиях трансформации отношений собственности // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 47—55.
- Шведова Н. А.* Развитие человеческого капитала и гендерное равенство: умная гендерная политика // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4 (76—77). С. 17—30.
- Шейн Э. Х.* Организационная культура и лидерство / пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
- Ясин Е. Г., Кузьминов Я. И., Акидинова Н. В.* Экономика России: перед долгим переходом: доклад на XVII Международной конференции по проблемам развития экономики и общества / НИУ ВШЭ. М., 2016. 44 с. URL: <https://conf.hse.ru/2016/reports> (дата обращения: 04.04.2017).
- Bell M. A.* The Five Principles of Organizational Resilience. 7 January 2002. URL: <https://www.gartner.com/doc/351410/principles-organizational-resilience> (дата обращения: 04.04.2017).
- Bonanno G. A.* Loss, trauma, and human resilience. Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? // American Psychologist. 2004. Vol. 59, № 1. P. 20—28.
- Cooper G., Cartwright S., Robertson S.* Work environments, stress, and productivity: an examination using ASSET // International Journal of Stress Management. 2005. Vol. 12, № 4. P. 409—423.
- Cranwell-Ward J., Abbey A.* Organizational stress. Palgrave Macmillan, 2005. 254 p.

-
-
- Everly G. S., Smith K. J., Lobo R. Resilient leadership and the organizational culture of resilience: construct validation // *International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience*. 2013. Vol. 15, № 2. P. 123—128.
- Lazarus R. S. Stress and emotion: a new synthesis. Springer Publishing Company, 2006. 342 p.
- Monzani L., Ripoll P., Peiro J. M. The moderator role of followers' personality traits in the relations between leadership styles. Two types of task performance and work result satisfaction // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2015. Vol. 24, iss. 3. P. 444—461.
- Robb D. Building resilient organizations // *OD Practitioner*. 2000. Vol. 32, № 3. P. 27—32.
- Schwartz S. H. et al. Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103, iss. 4. P. 663—688.
- Scott A., Herbst S. A., Houmanfar R. Psychological approaches to values in organizations and organizational behavior management // *Journal of Organizational Behavior Management*. 2009. Vol. 29, iss. 1. P. 47—68.
- Sutcliffe K. M., Vogus T. J. Organizing for resilience // *Positive Organizational Scholarship: Foundation of a New Discipline* / ed. by K. S. Cameron, J. E. Dutton, R. E. Quinn. San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2003. Chap. 7. P. 94—110.
- The Global Gender Gap Report, 2015: Insight Report 10th Anniversary Edition. 2015. 387 p. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GGGR2015/cover.pdf>. (дата обращения: 04.04.2017).

References

- Azarova, E. A. (2001) Vliianie kul'tury na formirovanie i izmerenie moral'nykh gendernykh stereotipov [The influence of culture on the formation and measurement of moral gender stereotypes], in: *Rossiiskie zhenshchiny i evropejskaia kul'tura*, St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 213—219.
- Belaia, N. V. (2013) Kul'turologicheskii aspekt razvitiia gendernykh stereotipov [Cultural aspect in development of gender stereotypes], *Uchënye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, vol. 2, no. 3, pp. 29—32.
- Bell, M. A. (2002) *The Five Principles of Organizational Resilience*, available from <https://www.gartner.com/doc/351410/principles-organizational-resilience> (accessed 04.04.2017).
- Bonanno, G. A. (2004) Loss, trauma, and human resilience. Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events?, *American Psychologist*, vol. 59, no. 1, pp. 20—28.
- Cooper, G., Cartwright, S., Robertson, S. (2005) Work environments, stress, and productivity: an examination using ASSET, *International Journal of Stress Management*, vol. 12, no. 4, pp. 409—423.
- Cranwell-Ward, J., Abbey, A. (2005) *Organizational Stress*, Palgrave Macmillan.
- Dyrin, S. P. (2009) Mnogovariativnost' organizatsionnoi kul'tury sovremennykh rossiiskikh predpriatii [Multivariate organizational culture of modern Russian enterprises], *Upravlenie korporativnoi kul'turoi*, no. 1, pp. 12—16.
- Everly, G. S., Smith, K. J., Lobo, R. (2013) Resilient leadership and the organizational culture of resilience: construct validation, *International Journal of Emergency Mental Health and Human Resilience*, vol. 15, no. 2, pp. 123—128.
- Iasin, E. G., Kuz'minov, Ia. I., Akidinova, N. V. (2016) *Èkonomika Rossii: pered dolgim perekhodom: Doklad na XVII Mezhdunarodnoi konferentsii po problemam razvitiia èkonomiki i obshchestva* [Economics of Russia: before a long transition: Report at XVII International conference on the development of economics and society], available from <https://conf.hse.ru/2016/reports> (accessed 04.04.2017).

- Isaeva, E. R. (2009) Koping-povedenie: analiz vozrastnykh i gendernykh razlichii na primere rossiiskoi populiatsii [Coping-behavior: the analysis of age and gender differences on the example of Russian population], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 11 (89), pp. 144—147.
- Kameron, K., Kuinn, R. (2001) *Diagnostika i izmenenie organizatsionnoi kul'tury* [Diagnosis and change in organizational culture], St. Petersburg: Piter.
- Kogan, B. M., Drozdov, A. Z., Dmitrieva, T. B. (2010) Mekhanizmy razvitiia somaticheskikh i psikhopatologicheskikh stressovykh rasstroistv: (Polovye i gendernye aspekty) [Mechanisms behind the development of somatic and psychopathological stress disorders: (Sex and gender aspects)], *Sistemaia psikhologii i sotsiologii*, vol. 1, no. 1, available from http://www.systempsychology.ru/downloads/art/1_1_2010/1_1_2010-8.doc (accessed 25.03.2017).
- Korobeinikova, E. V. (2010) Paradigma upravleniia kak social'no-psikhologicheskii instrument organizatsionnykh izmenenii [Management paradigm as a social and psychological tool for organizational changes], *Problemy teorii i praktiki upravleniia*, no. 5, pp. 90—96.
- Lazarus, R. S. (2006) *Stress and emotion: a new synthesis*, Springer Publishing Company.
- Mikhailova, E. A. (2016) Realizatsiia professional'nogo potentsiala rossiiskikh zhenshchin: sotsiologicheskoe izmerenie [Realization of Russian women's professional potential: sociological dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3 (80), pp. 25—38.
- Monzani, L., Ripoll, P., Peiro, J. M. (2015) The moderator role of followers' personality traits in the relations between leadership styles. Two types of task performance and work result satisfaction, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, vol. 24, iss. 3, pp. 444—461.
- Natsional'naiia strategiia deistvii v interesakh zhenshchin na 2017—2022 gody: Rasporiazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 08.03.2017 № 410-r (2017) [The national strategy for women's development for 2017—2022: Order of the Government of the Russian Federation № 410-r, 8 March 2017], available from http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740/647900e93e6b68b5770bca253de3c639d8719f8f/ (accessed 04.04.2017).
- Putin, V. (2012) O nashikh ekonomicheskikh zadachakh [About our economic tasks], *Vedomosti*, no. 3029, pp. 1—2.
- Robb, D. (2000) Building resilient organizations, *OD Practitioner*, vol. 32, no. 3, pp. 27—32.
- Saraliev, Z. H.-M., Zakharova, L. N., Vlaskin, V. Iu. (2016) Professional'noe samoopredelenie i organizatsionnye tsennosti voennosluzhashchikh srochnoi sluzhby [Professional self-determination and organizational values of draftsmen], *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta*, seriia 3, Obshchestvennye nauki, no. 1 (149), pp. 41—51.
- Schwartz, S. H., et al. (2012) Refining the theory of basic individual values, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 103, iss. 4, pp. 663—688.
- Scott, A., Herbst, S. A., Houmanfar, R. (2009) Psychological approaches to values in organizations and organizational behavior management, *Journal of Organizational Behavior Management*, no. 29, iss. 1, pp. 47—68.
- Shein, E. Kh. (2002) *Organizatsionnaia kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership], St. Petersburg: Piter.
- Shvedova, N. A. (2015) Razvitie chelovecheskogo kapitala i gendernoe ravenstvo: umnaia gendernaia politika [Human capital development and gender equality: smart gender policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4 (76—77), pp. 17 — 30.
- Sutcliffe, K. M., Vogus, T. J. (2003) Organizing for resilience, in: Cameron, K. S., Dutton, J. E., Quinn, R. E. (eds), *Positive Organizational Scholarship: Foundation of a New Discipline*, San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, pp. 94—110.

- Temnitskiĭ, A. L. (2014) Stanovlenie naĕmnogo rabotnika rynochnogo tipa v usloviakh transformatsii otnosheniĭ sobstvennosti [Formation of a hired market-type employee in transforming property relations], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 47—55.
- The Global Gender Gap Report, 2015: Insight Report 10th Anniversary Edition* (2015), available from <http://www3.weforum.org/docs/GGGR2015/cover.pdf>. (accessed 04.04.2017).
- Zakharova, L. N. (2010) Psikhologicheskie bar'ery stanovleniia innovatsionnoĭ ėkonomiki v Rossii [Psychological barriers to the formation of innovation economy in Russia], in: Zhuravlev, A. L., Dikaia, L. G. (eds), *Sotsial'naia psikhologiya truda. Teoriia i praktika*, Moscow: Institut psikhologii RAN, vol. 2, pp. 313—330.
- Zakharova, L. N., Leonova, I. S. (2016) Dve formy psikhologicheskoi zhiznesposobnosti personala [Two forms of personnel psychological viability], in: *Psikhologiya razvitiia cheloveka kak sub'ekta truda. Razvitie tvorcheskogo nasledii E. A. Klimova* [Psychology of human development as a labor subject. Development of E. A. Klimov's creative heritage], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 191—199.
- Zakharova, L. N., Solov'eva, S. V., Leonova, I. S. (2014) Tsennostnye konflikty bezработnykh grazhdan v usloviakh perekhoda rossiĭskikh predpriatii na innovatsionnyĭ put' razvitiia [Valuable conflicts of unemployed citizens during transition period of Russian enterprises to innovative development], *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Sotsial'nye nauki, no. 3, pp. 136—145.
- Zdravomyslov, A. G. (1986) *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti* [Requirements. Interests. Values], Moscow: Politizdat.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2016: Statisticheskiĭ sbornik* (2016) [Women and men of Russia], Moscow: Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki.

Статья поступила 17.04.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Саралиева Зарѣтхан Хаджи-Мурзаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zara@fsn.unn.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Захарова Людмила Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии управления, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zlnnnov@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology of Management, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 58—69
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.5

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 58—69
ББК 60.561.23
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.5

**ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ**

Е. В. Креховец^{a, b}, Л. А. Леонова^a

^a Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород), г. Нижний Новгород, Россия, Ekrkhovets@hse.ru

^b Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Анализируется проблема трудоустройства и занятости выпускников высших учебных заведений, их положение на рынке труда, гендерная сегрегация, выраженная в разных уровнях заработной платы у мужчин и женщин, а также в неравнозначных должностных позициях, предлагаемых работодателями. Особое внимание уделяется рассмотрению проблем неэффективного взаимодействия между системой образования и рынком труда, а также малой востребованности у молодежи направлений подготовки по техническим и производственным специальностям при выборе будущей профессии.

Ключевые слова: рабочая сила, выпускники, трудоустройство, рынок труда, гендерная сегрегация, работодатель, человеческий капитал, условия труда, система образования.

**UNIVERSITY GRADUATES EMPLOYABILITY:
GENDER ANALYSIS**

E. V. Krekhovets^{a, b}, L. A. Leonova^a

^a National Research University “Higher School of Economics” (Nizhny Novgorod),
Nizhny Novgorod, Russian Federation, Ekrkhovets@hse.ru

^b Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

The article analyzes the problem of Russian graduates employability. Young people make up a large part of the working-age population, are characterized by a high level of labor mobility, and also have a sufficient supply of human and social capital, and opportunities for their further accumulation. Young employees represent a special group at the labor market: low

© Креховец Е. В., Леонова Л. А., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 17-32-01084
«Роль социального капитала в трудоустройстве выпускников вуза».

level of experience makes young people vulnerable. Using the micro data of Federal State Statistics Service (results of a sample survey of the workforce, 2012—2015), a statistical analysis of employment and unemployment among young people is conducted. The paper investigates current situation of youth in the labor market and gender segregation. The results demonstrate different levels of wages for men and women, as well as distinction in job positions offered by employers. Particular attention is paid to the problem of ineffective interaction between the education system and the labor market. About half of the respondents believe that their place of work is directly related to the direction of their education. Technical and production specialties are in low demand among young people despite the advantages related to the professions.

Key words: labor force, graduates, work capacity, labor market, gender segregation, employer, human capital, working conditions, education system.

Введение

На протяжении более чем десяти лет российская система образования, в том числе высшего, переживает глубокие структурные реформы, которые привлекают внимание как научных и профессиональных кругов, так и общественности, в силу того что данный вопрос непосредственно затрагивает интересы практически каждого гражданина. Одна из причин серьезных изменений в системе высшего образования связана с отсутствием четкого взаимодействия между высшими учебными заведениями и рынком труда. В частности, выпускники вузов недостаточно соответствуют потребностям рынка труда, в результате чего возникает неудовлетворенный спрос на работников со стороны нанимателей и избыточное предложение труда в определенных специальностях. Такая ситуация ведет к росту безработицы среди молодежи и снижению эффективности функционирования рынка труда.

Доля молодежи в структуре занятого населения является принципиально важным элементом жизнедеятельности экономики. Продолжительный период трудоспособности значимо отличает молодежь от других демографических групп, представленных на рынке труда. В то же время молодые специалисты не обладают необходимым профессиональным опытом и навыками трудовой социализации. Таким образом, возраст, с одной стороны, является ключевым конкурентным преимуществом молодежи на рынке труда, а с другой — ее ахиллесовой пятой. В экономической социологии особое внимание уделяется вопросу трудоустройства выпускников высших учебных заведений. В данном направлении проделана большая теоретическая и практическая работа как отечественными, так и зарубежными авторами.

Положение молодежи на рынке труда зависит от многих факторов — внутренних, связанных с индивидуальными характеристиками работников, и внешних, экзогенных. Одним из существенных факторов, определяющих позицию индивида, является половая принадлежность. На рынке труда существует гендерная сегрегация, выраженная в разных уровнях заработной платы у мужчин и женщин, а также в неравнозначных должностных позициях, которые предлагаются работодателями.

Цель настоящего исследования — анализ положения молодых специалистов на рынке труда. На основе результатов выборочного обследования рабочей силы [Федеральная служба... , 2017] проводится анализ уровня занятости и безработицы среди выпускников высших учебных заведений, исследуется гендерная сегрегация на рынке труда молодежи.

Обзор литературы

Процесс трудоустройства молодых специалистов постоянно исследуется в работах российских и зарубежных авторов. Большой пласт публикаций посвящен выявлению проблем, с которыми сталкиваются молодые специалисты при трудоустройстве, поиску путей их решения, в частности методов помощи в трудоустройстве со стороны вузов (см., напр.: [Мусалимов, Изакова, 2010; Данакин, Хашаева, 2013; Даутбаева, 2015]). Ключевыми каналами поиска работы являются родственные и дружеские связи и интернет-ресурсы [Васильев и др., 2016]. В работе С. Рощина обсуждаются особенности перехода от учебы к работе в российской экономике, исследуется влияние уровня безработицы, региональной заработной платы, совмещения работы с учебой, семейных характеристик на вероятность занятости и уровень заработной платы [Рощин, 2006].

Для молодых специалистов существует проблема несоответствия между уровнем формального образования и уровнем выполняемой работы: имеет место массовое недоиспользование полученного образования [Гимпельсон и др., 2009, 2010]. В то же время наблюдается положительная отдача от образования, степень которой варьируется в зависимости от вуза, времени его окончания и региональных характеристик [Ощепков, 2010; Лукьянова, 2010].

Гендерная асимметрия проявляется в период выбора будущей профессии. В исследованиях О. А. Хасбулатовой отмечается, что женщины традиционно выбирают гуманитарные специальности, в то время как мужчины — технические [Хасбулатова, 2016]. Ретроспективный анализ показывает, что «уже на начальном этапе развития советской системы профессионального образования начала формироваться тенденция горизонтальной гендерной сегрегации в сфере вузовского образования» [Хасбулатова, 2015: 6].

При исследовании уровня занятости индивидов и процесса их трудоустройства, безусловно, возникает вопрос о существовании гендерных различий на рынке труда [Kosyakova et al., 2015; Fortin, 2005]. В экономической литературе, посвященной рассмотрению гендерного разрыва в оплате труда мужчин и женщин, выделяют несколько причин такого обстоятельства. Одной из них является различная структура распределения времени у мужчин и женщин: женщины больше времени уделяют ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей и, следовательно, меньшее его количество могут посвятить работе. Нагрузка, которую женщина испытывает при выполнении своих домашних обязанностей, может оказывать влияние на готовность к труду.

Более ранний возраст выхода на пенсию и наличие перерывов в стаже, обусловленных рождением детей, также могут объяснять особое положение женщин на рынке труда, если обратиться к подходу, связывающему стимулы к дополнительному развитию и ожидаемый выигрыш от них, который, в частности, определяется продолжительностью периода занятости. Женщины

для совершенствования своих навыков прикладывают меньше усилий даже при равной с мужчинами степени эффективности усвоения новой информации, что часто порождает различия в заработной плате и должностных обязанностях. Аналогичной точки зрения могут придерживаться работодатели. Компании иногда тратят меньше средств на инвестирование в человеческий капитал женщин, так как существует риск того, что эти инвестиции не окупят себя. Все это приводит к ситуации, в которой женщины накапливают меньше человеческого капитала и имеют меньшую заработную плату.

Другим фактором является преимущественная концентрация женщин в определенных отраслях экономики, профессиях и на определенных должностях, что также может быть объяснено с позиции теории человеческого капитала. Работодатели отмечают, что трудоустройство женщин сопряжено с более высокими прямыми и косвенными издержками, чем прием на работу мужчин. По данным исследований, женщины требовательнее к условиям труда, к социальному пакету, чаще опаздывают на работу, чаще просят об отгулах, чаще увольняются по собственному желанию, реже согласны работать сверхурочно [Anker, 1997]. Кроме того, если женщина уходит в декрет, работодатель обязан выплачивать ей пособие в течение определенного времени и сохранить за ней ее рабочее место, что влечет за собой дополнительные затраты.

Теория компенсирующих различий также объясняет неравномерное распределение мужчин и женщин по отраслям [Rosen, 1986]. Женщины сосредоточены в сферах, где физические нагрузки либо совсем не требуются, либо требуются в незначительной степени и где менее продолжительная рабочая неделя. При выборе отрасли и должности женщины обращают внимание на структуру социального пакета, компенсации, которые они будут получать при рождении ребенка, в случае болезни и т. д. С точки зрения теории компенсирующих различий неденежные особенности работы возмещают более низкую оплату труда женщин.

Сосредоточение мужчин и женщин в различных профессиональных отраслях на российском рынке труда можно связать с особенностями культурных норм, сформированных в результате государственной политики СССР и современной России, и процессом социализации мужчин и женщин [Хасбулатова, 2015]. Отличительной особенностью коммунистических стран, в частности СССР, являлась высокая доля участия женщин в рабочей силе, обусловленная развитой системой бесплатного общего дошкольного образования и государственной поддержкой материнства [Selezneva, 2011].

Дополнительный фактор горизонтальной гендерной сегрегации — различие в уровнях заработной платы. По данным Росстата за 2015 г., заработная плата женщин значительно отстает от заработной платы мужчин (38 605 руб. у мужчин против 28 021 руб. у женщин) [Федеральная служба..., 2017]. Отношение средней заработной платы женщин к средней заработной плате мужчин по видам экономической деятельности имеет разброс от 72 % в деятельности по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта до 94 % в сфере образования.

Таким образом, изучение рынка труда молодых работников, в частности положения на нем женщин, является актуальной задачей.

Анализ характеристик выпускников высших учебных заведений

Массовость и доступность высшего образования привели к повышенному спросу на него среди молодых людей. Как следствие, на рынке труда появляется все больше работников с дипломом о высшем образовании.

В 2004 г. система высшего образования в России претерпела серьезные изменения, связанные с присоединением России к Болонскому процессу. Одним из ключевых аспектов данного процесса является переход на многоуровневую систему высшего образования, что нашло отражение в формировании бакалавриата, специалитета и магистратуры в отечественной высшей школе.

Рассмотрим гендерный состав выпускников на основе данных Министерства образования и науки РФ. На рис. 1 представлено распределение выпускников по полу в 2014 и 2015 гг.

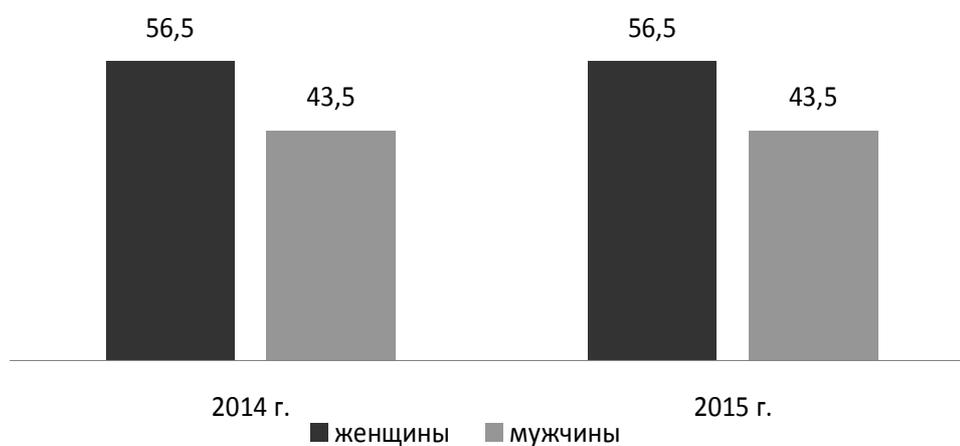

Рис. 1. Распределение выпускников высших учебных заведений по полу в 2014—2015 гг. *, %

Фиксируется стабильное соотношение между мужчинами и женщинами в структуре выпускников вузов. Женщин с дипломом о высшем образовании выпускается больше, и их доля в обоих годах составляет 56,5 %. Согласно данным о половозрастном составе населения России в эти годы, численность мужчин в возрасте выпускников вузов (20—24 года) превышает численность женщин примерно на 16 %, в то же время доля мужчин среди выпускников ниже, чем доля женщин. Такой результат может свидетельствовать о том, что женщины более мотивированы на получение высшего образования.

Перейдем к анализу распределения выпускников по полу и уровню полученного высшего образования (рис. 2).

Согласно представленным результатам, соотношение женщин и мужчин остается стабильным для всех уровней высшего образования. Среди выпускников с дипломом бакалавра доля женщин составляет 57 %, среди выпускников специалитета и магистратуры — 56 %. Динамических изменений в гендерной структуре практически не наблюдается.

* Здесь и далее гистограммы и табл. 1 построены по данным Министерства образования и науки РФ. URL: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения: 01.02.2017).

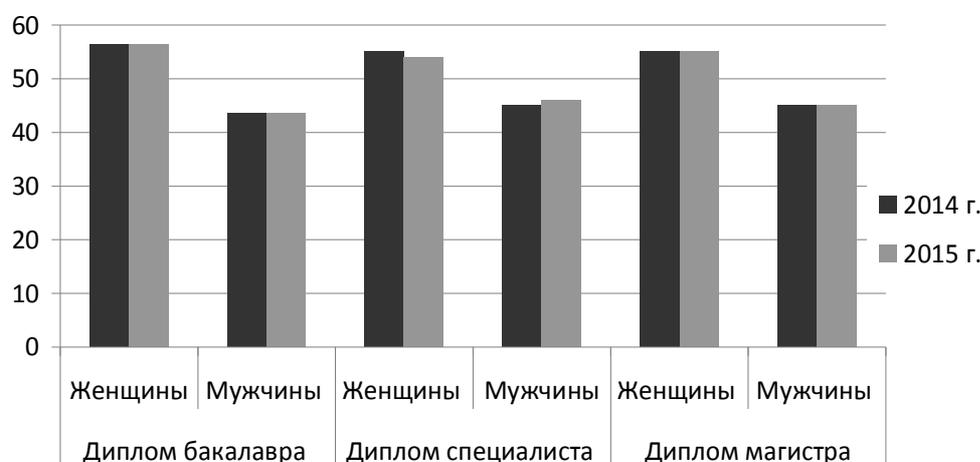

Рис. 2. Распределение выпускников по полу и уровню образования в 2014—2015 гг., %

Рассмотрим, какие направления подготовки в высшем образовании пользуются наибольшим спросом. Согласно общероссийскому классификатору специальностей по образованию, выделяется 28 направлений подготовки специалистов. На рис. 3 представлены 10 наиболее популярных направлений для выпускников всех уровней образования.

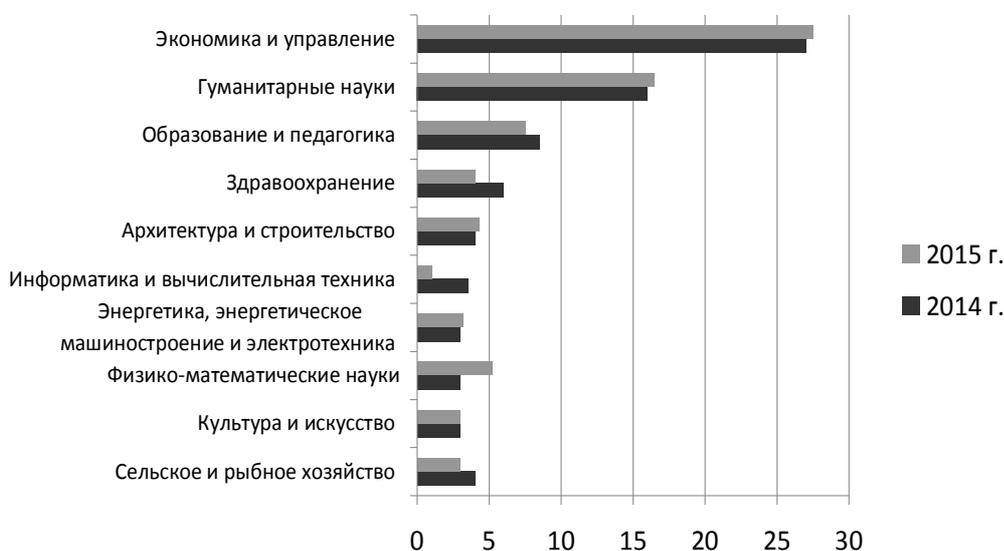

Рис. 3. Распределение выпускников вузов по направлениям подготовки в долях от общей численности выпускников в 2014—2015 гг., %

Как показывают результаты, представленные на графике, направление «Экономика и управление» пользуется наибольшим спросом молодых людей. Доля выпускников по данному направлению составляет около 27 %. Интересно отметить, что, несмотря на неоднократные заявления о перенасыщении рынка

труда специалистами в области экономики, это направление остается популярным и число выпускников по нему в 2015 г. выросло по сравнению с 2014 г. Второе и третье места занимают направления гуманитарных наук и образования и педагогики. Направление «Гуманитарные науки» включает в себя широкий спектр специальностей, таких как юриспруденция, психология, филология, реклама и т. д., что объясняет высокую долю выпускников по данному направлению. В целом за два года список наиболее популярных направлений обучения в высших учебных заведениях практически не изменился, за исключением значительного снижения интереса к направлению «Информатика и вычислительная техника», по которому доля выпускников сократилась более чем в два раза. Важно отметить, что более 3/4 всех выпускников заканчивают обучение по 10 представленным выше направлениям. В то же время, к сожалению, остаются маловостребованными такие направления профессиональной деятельности, как «Техника и технологии кораблестроения и водного транспорта», «Авиационная и ракетно-космическая техника», «Приборостроение», «Оптехника» и др.

Предпочтения направлений профессиональной подготовки в вузе во многом определяются гендерными различиями выпускников. В табл. 1 представлено гендерное распределение выпускников по десяти наиболее популярным направлениям подготовки в 2014 и 2015 гг.

Таблица 1

**Гендерное распределение выпускников
по наиболее популярным направлениям подготовки, %**

Направление подготовки	Женщины		Мужчины	
	2014 г.	2015 г.	2014 г.	2015 г.
Экономика и управление	66,1	66,4	33,9	33,6
Гуманитарные науки	65,4	63,2	34,6	36,8
Образование и педагогика	73,5	75,8	26,5	24,2
Здравоохранение	71,0	70,7	29,0	29,3
Архитектура и строительство	43,4	42,8	56,6	57,2
Информатика и вычислительная техника	25,9	26,4	74,1	73,6
Энергетика, энергетическое машиностроение и электротехника	20,2	19,5	79,8	80,5
Физико-математические науки	37,6	34,3	62,4	65,7
Культура и искусство	74,6	77,6	25,4	22,4
Сельское и рыбное хозяйство	44,2	45,0	55,8	55,0

Среди наиболее популярных направлений подготовки выпускников в высших учебных заведениях можно выделить типичные женские и типичные мужские. У женщин пользуются спросом такие направления, как «Культура и искусство», «Образование и педагогика», «Здравоохранение», по ним доля

женщин среди выпускников превышает 70 % за оба периода наблюдения. Популярностью у них пользуются также социально-гуманитарные направления обучения, в то время как технические специальности остаются маловостребованными. Интересно отметить высокую долю женщин (80 %), оканчивающих вуз по направлению «Социальные науки», которое не вошло в топ-10 популярных направлений по итогам 2014—2015 гг.

Выпускники высших учебных заведений на рынке труда

Молодые специалисты составляют значительную часть трудовых ресурсов экономики России. Согласно Федеральной службе статистики, около 30 % трудоспособного населения — это люди в возрасте от 16 до 29 лет. Доля молодых мужчин на рынке труда выше, чем доля молодых женщин, в среднем на 5 %.

Рассмотрим положение на рынке труда выпускников вузов. Для этого в выборке, составленной по результатам обследования рабочей силы [Федеральная служба..., 2017], оставлены респонденты, опрошенные в 2012—2015 гг., имеющие высшее образование и присутствующие на рынке труда после окончания вуза три года или менее. Более 80 % выпускников имеют работу, при этом процент безработного населения составляет около 8 %. Существует гендерная диспропорция среди экономически неактивного населения, т. е. среди тех, кто не работает и не ищет работу. Из 11 % такого населения абсолютное большинство составляют женщины (80,9 %). Данное распределение связано с традиционной ролью женщины в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей. В табл. 2 представлена динамика доли занятости и безработицы среди выпускников на основе данных авторского выборочного обследования рабочей силы. Можно отметить инвариантность во времени за рассматриваемый период доли занятых женщин (в общем числе женщин). При этом женщины демонстрируют большую востребованность на рынке труда по сравнению с мужчинами: доля занятости среди женщин стабильно выше доли занятости среди мужчин, в то время как доля безработных женщин незначительно ниже доли мужчин, не имеющих работы, но желающих ее найти.

Таблица 2

Уровень занятости и безработицы среди выпускников вузов в 2012—2015 гг. (N = 74 132 наблюдения)

Год	Доля занятости		Доля безработицы	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
2012	0,85	0,79	0,08	0,09
2013	0,87	0,78	0,07	0,08
2014	0,87	0,78	0,07	0,08
2015	0,86	0,77	0,08	0,10

При выявлении соотношения работы и полученной профессии можно выделить четыре возможных варианта: работа связана с полученной профессией, скорее связана, скорее не связана, работа не связана с полученным образованием.

В табл. 3 представлено распределение ответов мужчин и женщин на соответствующий вопрос в 2015 г. на основе данных авторского выборочного обследования рабочей силы.

Таблица 3

**Соотношение работы и полученной профессии в 2015 г.
(N = 74 132 наблюдения), %**

Вариант ответа	Женщины	Мужчины
Да	51,5	55,8
Скорее да	13,0	14,1
Скорее нет	6,6	6,2
Нет	28,9	23,9

Мужчины и женщины демонстрируют схожие профили оценок связи работы с полученной профессией. Половина респондентов считают, что место их работы непосредственно связано с направлением обучения. Однако около трети выпускников заняты в сфере, отличающейся от специализации вуза.

Заключение

Одной из целей реформирования системы высшего профессионального образования является усиление взаимодействия между высшими учебными заведениями и рынком труда. В настоящее время наблюдается несоответствие между спросом работодателей на труд и его предложением. Для каждого третьего выпускника работа не связана с полученной профессией. Одна из причин сложившейся ситуации — перенасыщение рынка труда молодыми людьми определенных специальностей. На протяжении нескольких лет востребованными остаются направления подготовки по экономическим, гуманитарным и педагогическим специальностям. В численности выпускников по наиболее популярным направлениям подготовки доля женщин значительно превышает долю мужчин. Исключение составляют технические специальности, а также специальности, связанные с производством.

Среди выпускников высших учебных заведений доля женщин превышает долю мужчин примерно на 7 % в бакалавриате и 6 % в специалитете и магистратуре. Однако после завершения обучения многие женщины не выходят на рынок труда и остаются в числе экономически неактивного населения, занимаясь ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей. Таким образом, на рынке труда отмечается больше мужчин, чем женщин. Тем не менее доля занятости среди женщин более чем на 8 % превышает долю занятости среди мужчин, в то время как показатель безработицы для женщин ниже аналогичного показателя для мужчин.

Гендерная сегрегация возникает в системе высшего профессионального образования и продолжается на рынке труда. Существование гендерных различий заметно в предпочтениях направлений подготовки, которые связаны с понятиями традиционно мужских и женских профессий. Одна из причин различного

трудового поведения женщин и мужчин заключается в том, что женщины при выборе профессии предполагают, что им придется совмещать работу и ведение домашнего хозяйства, в то время как мужчины могут полностью сосредоточиться на трудовой деятельности.

Библиографический список

- Васильев Д. С., Роцин С. Ю., Солнцев С. А. Эволюция технологий поиска работы на рынке труда в интернет-эпоху: препринт WP15/2016/02. М.: ГУ ВШЭ, 2016. 21 с. (Научные труды Лаборатории исследований рынка труда).
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Карабчук Т. С., Рыжикова З. А., Биляк Т. А. Выбор профессии: чему учились и гдегодились? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 13, № 2. С. 172—216.
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Лукьянова А. Л. Уровень образования российских работников: оптимальный, избыточный, недостаточный?: препринт WP3/2010/09. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 64 с. (Проблемы рынка труда).
- Данакин Н. С., Хашиаева С. В. Региональная система управления трудоустройства молодых специалистов: функциональный аспект // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (118). С. 212—217.
- Даутбаева Г. Р. Разработка эффективных методов содействия трудоустройству выпускников медицинского вуза в Восточно-Казахстанской области // Наука и здравоохранение. 2015. № 2. С. 103—112.
- Лукьянова А. Л. Отдача от образования: что показывает метаанализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14, № 3. С. 326—348.
- Мусалимов Т. К., Изакова А. Т. Анализ проблемы трудоустройства выпускников Казахских вузов, некоторые меры содействия трудоустройству // Вестник развития науки и образования. 2010. № 4. С. 111—114.
- Ощепков А. Ю. Отдача от высшего образования в российских регионах // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14, № 4. С. 468—491.
- Роцин С. Ю. Переход «учеба — работа»: омут или брод?: препринт WP3/2006/10. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 52 с. (Проблемы рынка труда).
- Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2017. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 03.02. 2017).
- Хасбулатова О. А. Профессиональное образование мужчин и женщин в России в 1978—2015 гг.: историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2015. № 3—4. С. 3—16.
- Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3—15.
- Anker R. Theories of occupational segregation by sex: an overview // International Labor Reviews. 1997. Vol. 136, № 3. P. 315—339.
- Fortin N. M. Gender role attitudes and the labour-market outcomes of women across OECD countries // Oxford Review of Economic Policy. 2005. Vol. 21, iss. 3. P. 416—438.
- Kosyakova Y., Kurakin D., Blossfeld H.-P. Horizontal and vertical gender segregation in Russia — changes upon labour market entry before and after the collapse of the Soviet regime // European Sociological Review. 2015 Vol. 31, iss. 5. P. 573—590.
- Rosen S. The Theory of equalizing differences. Chap. 12 // Handbook of Labor Economics / ed. by O. Ashenfelter, R. Layard. Amsterdam: Elsevier Science, 1986. Vol. 1. P. 641—692.
- Selezneva E. Surveying transitional experience and subjective well-being: Income, work, family // Economic System. 2011. Vol. 35, iss. 2. P. 139—157.

References

- Anker, R. (1997) Theories of occupational segregation by sex: an overview, *International Labor Reviews*, vol. 136, no. 3, pp. 315—339.
- Danakin, N. S., Khashaeva, S. V. (2013) Regional'naiia sistema upravleniia trudoustroïstva molodykh spetsialistov: funktsional'nyi aspekt [Regional system for managing the employment of young professionals: a functional aspect], *Vestnik Tambovskogo universiteta*, seriia Gumanitarnye nauki, no. 2 (118), pp. 212—217.
- Dautbaeva, G. R. (2015) Razrabotka éffektivnykh metodov sodeïstviia trudoustroïstvu vypusknikov meditsinskogo vuza v Vostochno-Kazakhstanskoï oblasti [Development of effective methods to promote the employment of graduates of a medical college in the East Kazakhstan region], *Nauka i zdavoookhranenie*, no. 2, pp. 103—112.
- Fortin, N. M. (2005) Gender role attitudes and the labour-market outcomes of women across OECD countries, *Oxford Review of Economic Policy*, vol. 21, iss. 3, pp. 416—438.
- Gimpel'son, V. E., Kapeliushnikov, R. I., Karabchuk, T. S., Ryzhikova, Z. A., Biliak, T. A. (2009) Vybor professii: chemu uchilis' i gde prigodilis'? [Choice of occupation: where have we studied and where are we working?], *Ékonomicheskii zhurnal Vyssheï shkoly ékonomiki*, vol. 13, no. 2, pp. 172—216.
- Gimpel'son, V. E., Kapeliushnikov, R. I., Luk'ianova, A. L. (2010) Uroven' obrazovaniia rossiïskikh rabotnikov: optimal'nyi, izbytochnyi, nedostatochnyi?: Preprint W13/2010/09 [Level of education of Russian workers: optimal, excessive, insufficient], Moscow: Gosudarstvennyi universitet "Vysshaia shkola ékonomiki".
- Khasbulatova, O. A. (2015) Professional'noe obrazovanie mužchîn i zhenshchîn v Rossii v 1918—2015 gg.: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Professional education of men and women in Russia: socio-historical analysis], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 3—16.
- Khasbulatova, O. A. (2016) Gendernye aspekty razvitiia STEM-obrazovaniia v Rossii [Gender aspects of STEM-education in Russia], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—15.
- Kosyakova, Y., Kurakin, D., Blossfeld, H.-P. (2015) Horizontal and vertical gender segregation in Russia — changes upon labour market entry before and after the collapse of the Soviet regime, *European Sociological Review*, vol. 31, iss. 5, pp. 573—590.
- Luk'ianova, A. L. (2010) Otdacha ot obrazovaniia: chto pokazyvaet metaanaliz [Return from education: what the meta-analysis shows], *Ékonomicheskii zhurnal Vyssheï shkoly ékonomiki*, vol. 14, no. 3, pp. 326—348.
- Musalimov, T. K., Izakova, A. T. (2010) Analiz problemy trudoustroïstva vypusknikov Kazakhstanskikh vuzov, nekotorye mery sodeïstviia trudoustroïstvu [Analysis of the problem of employment of graduates of Kazakh universities, some measures to promote employment], *Vestnik razvitiia nauki i obrazovaniia*, no. 4, pp. 111—114.
- Oshchepkov, A. Iu. (2010) Otdacha ot vysshego obrazovaniia v rossiïskikh regionakh [The return from higher education in the Russian regions], *Ékonomicheskii zhurnal Vyssheï shkoly ékonomiki*, vol. 14, no. 4, pp. 468—491.
- Rosen, S. (1987) The theory of equalizing differences, chap. 12, in: Ashenfelter, O., Layard, R. (eds), *Handbook of Labor Economics*, Amsterdam: Elsevier Science, vol. 1, pp. 641—692.
- Roshchin, S. Iu. (2006) Perekhod "uchëba — rabota": omut ili brod?: Preprint WP3/2006/10 [Transition "study — work": whirlpool or ford?], Moscow: Gosudarstvennyi universitet "Vysshaia shkola ékonomiki".
- Selezneva, E. (2011) Surveying transitional experience and subjective well-being: income, work, family, *Economic System*, vol. 35, iss. 2, pp. 139—157.

Vasil'ev, D. S., Roshchin, S. Iu., Solntsev, S. A. (2016) *Ėvoliutsiia tekhnologii poiska raboty na rynke truda v internet-epochu*. Preprint WP15/2016/02 [Evolution of labor market search technologies in the Internet era], Moscow: Gosudarstvennyi universitet "Vysshiaia shkola ekonomiki".

Статья поступила 18.04.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Креховец Екатерина Владимировна — старший преподаватель кафедры экономической теории и эконометрики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород); аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, Ekrehovets@hse.ru (Assistant Professor at the Economics and Econometrics Department, National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod); PhD student at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Леонова Людмила Аркадьевна — кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры математической экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород), Нижний Новгород, Россия, Lleonova@hse.ru (Cand. Sc. (Economics), Assistant Professor at the Mathematical Economics Department, National Research University "Higher School of Economics" (Nizhny Novgorod), Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 70—79
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.6

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 70—79
ББК 60.561.5
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.6

БАБУШКА В СИСТЕМЕ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А. В. Курамшев, Е. Е. Кутявина, С. А. Судьин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, kutyavina@gmail.com

На основании данных эмпирического исследования анализируется место и роль бабушек в системе внутрисемейных отношений в современной России. Выявлены обостренная потребность бабушек во внимании со стороны близких и их основная миссия, направленная на поддержание внутрисемейной гармонии нередко в ущерб собственным интересам. В 20 % случаев наблюдаются черты контролирующего поведения, тенденции к доминированию и переоценка значимости собственного опыта для последующих поколений. Подход с позиций ценности детей позволил выявить эмоционально-психологическую и утилитарную основу отношений между бабушками и внуками, преобладание альтруистических интенций в отношениях респонденток с собственными дочерьми, общую коллективистскую ориентацию во взаимодействии с социальным окружением.

Ключевые слова: бабушки, ценность детей, межпоколенные отношения в семье.

GRANDMOTHERS IN THE SYSTEM OF INTERGENERATIONAL RELATIONS IN THE FAMILY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

A. V. Kuramshev, E. E. Kutjavina, S. A. Sudjin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
kutyavina@gmail.com

Based on the data obtained through an empirical study, the paper analyses the place and role of grandmothers in the system of intra-family relations in modern Russia. This survey was a part of the international research project “The value of children and intergenerational relationships”, the Russian part of which was conducted by the team representing the Department of General Sociology and Social Work at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 100 maternal grandmothers with teenage grandchildren sharing the same households were interviewed. The average age of the respondents was 68 years.

The paper discovered that grandmothers badly needed being paid attention to by their relatives while their main mission was to maintain intra-family harmony, often at the cost

of their own interests. In 20 % of cases, they demonstrated features of controlling behavior, a tendency to dominate and overestimate the importance of their own experience for subsequent generations. The approach made it possible to reveal the emotional-psychological and utilitarian basis of relations between grandmothers and their grandchildren, the predominance of altruistic intentions in respondents-to-daughters relations, general collectivist orientation in their interaction with the social environment. The limitations in interpreting these data are caused by internal heterogeneity of grandmothers as a social group and the requirements imposed by the methodology used which affected the make-up of the sampling.

Key words: grandmothers, the value of children, intergenerational relations in the family.

Народная мудрость гласит: первый ребенок — это последняя игрушка, первый внук — это первый ребенок. В самом деле, именно общение с внуками дает женщине уникальный шанс еще раз актуализировать свой житейский и воспитательный опыт, ощутить себя по-настоящему нужной своим повзрослевшим детям, реализовать нерастроченный потенциал любви и нежности. Воспитание внуков зачастую более ответственно, поскольку прежний опыт материнства обычно подвергается критическому переосмыслению, учитываются прежние ошибки, прогнозируются и предупреждаются возможные проблемы. Межпоколенное общение — блестящий пример диалектической взаимосвязи, в которую включены представители разных возрастных групп с собственными установками и жизненным опытом. Неизбежно возникающий конфликт в конечном итоге обеспечивает социализацию и преемственность поколений.

Третий возраст — время потерь. Уходят из жизни мужа, друзья, взрослеют дети. В этой ситуации значимость общения с внуками невозможно переоценить. Чаще всего бабушки готовы платить за это немалую цену: отходят на второй план собственные потребности и интересы, под внуков выстраивается распорядок всей жизни, участие в их воспитании нередко превосходит родительское. Чем же платят им внуки за такую поддержку и внимание? Обыденное сознание при слове «бабушка» рисует нам образ немолодой заботливой женщины, полностью посвящающей себя детям и внукам. Реклама, кино, средства массовой коммуникации активно культивируют этот образ и еще больше укореняют его в сознании. С другой стороны, после открытия «железного занавеса», когда в страну начали приезжать иностранные туристы, оказалось, что огромную долю среди них составляют люди пенсионного возраста, которые не видят ничего плохого в том, чтобы тратить деньги на себя, проживать свою собственную жизнь, а не растрачивать всех себя на внуков.

В данной статье мы не сможем привести сравнительный анализ социально-психологического и социально-ролевого портретов бабушек в разных странах, поскольку мы не располагаем соответствующей информацией. Мы ограничимся тем, что проанализируем основные данные, показывающие отношение бабушек к проблемам ценности детей и планирования семьи, ценностных ориентаций и собственного Я.

Даже поверхностный анализ этой социальной группы позволяет увидеть ее внутреннее разнообразие, в основе которого лежит множество социально-психологических факторов. Среди них особо выделяется возраст приобретения статуса бабушки. Если это происходит в 40—45 лет, то помощь в воспитании появившегося внука или внучки нередко рассматривается молодой бабушкой

скорее как помеха находящейся на пике профессиональной карьере. Напротив, появление внука в более позднем возрасте может оказаться для нее почти спасительным вариантом развития событий, позволяющим вновь ощутить свою нужность и востребованность.

Постановка проблемы

В последнее время можно наблюдать активизацию дискуссии по вопросам занятости пожилых, о эйджизме при приеме на работу и фактическом исключении пожилых из многих сфер занятости [Григорьева и др., 2015]. Сохранение у индивида достаточного количества сил, энергии и желания работать в возрасте официального выхода на пенсию становится весомым аргументом в пользу внесемейной занятости лиц третьего возраста. В нашей статье речь пойдет о бабушках подростков, т. е. детей 13—16 лет. Если представить, что своих первых внуков бабушки получили в возрасте 45—50 лет, то к моменту проведения исследования даже самые молодые из них в большинстве своем завершили трудовую деятельность. Вне зависимости от причин этого решения (болезни, невозможность найти подходящую работу, дезактуализация экономической целесообразности дальнейшей занятости) возвращение пожилой женщины в семью является для нее наиболее положительной альтернативой.

Эмпирическую основу работы составили результаты международного исследовательского проекта «Ценность детей и межпоколенные отношения», в рамках которого в Нижнем Новгороде и области был проведен опрос бабушек-респонденток по материнской линии, проживающих под одной крышей со своими дочерьми и внуками и составляющих с ними единое домохозяйство. Несмотря на то что исследование было осуществлено в 2006—2007 гг., нам не удалось обнаружить более поздних работ, посвященных тематике старшего поколения в семье, что свидетельствует о ценности полученных данных и перспективах сравнительных исследований в контексте динамики населения России.

Общая характеристика выборки

Было опрошено 100 бабушек, средний возраст которых составил 68 лет. Поскольку бабушка могла иметь несколько внуков, разница в возрасте которых значительна, разброс был достаточно большой: старейшая бабушка родилась в 1915 г., самая молодая — в 1956 г.

71 % опрошенных указали на высокую значимость религии в их жизни, и лишь 3 % отнесли себя к атеисткам. Интересен тот факт, что показатели религиозности в целом заметно ниже, чем у представительниц последующего поколения, что говорит о воздействии атеистических установок советского периода. Влияние религии на репродуктивные установки и поведение не являлось определяющим.

34 % респонденток имели начальное образование, к этой категории мы относили всех женщин в случае отсутствия у них аттестата о полном среднем образовании. 46 % имели средний уровень образования, включая среднее специальное. Высшее образование, в том числе незаконченное, стало реальностью для 16 % опрошенных бабушек.

Поскольку бабушки интересовали нас именно в этой социальной роли, важен был вопрос о количестве внуков. Лишь 20 % респонденток имели одного внука, 31 % — двоих, 16 % опрошенных — троих внуков, 11 % — четверых. Пять, семь и восемь внуков имели по 6 % бабушек. Несмотря на то что у основной массы опрошенных было по двое внуков, из-за высоких крайних значений среднее количество внуков составило 3,33. Как и можно было бы предположить, большее в среднем количество внуков имели бабушки старших возрастных групп.

Тезис о третьем возрасте как времени потерь подтверждается тем, что 65 % бабушек уже овдовели, 5 % — находились в разводе. При этом почти четверть опрошенных (23 %) жили в первом браке, а 4 % смогли создать семью заново во втором и последующих браках. Одиночество для нашей выборки было все же относительным, поскольку бабушки живут под одной крышей с детьми и внуками.

Концепция ценности детей как теоретическая основа интерпретации данных

Вопрос о количестве детей как индикаторе их ценности особенно интересен в контексте его динамики и сравнении с репродуктивным поведением последующих поколений. Подход с позиций ценности детей, развитый в работах Ч. Каитчибаши [Kagitcibasi, 2015], Б. Наука [Nauck, 2007; Балабанов и др., 2009], Г. Троммсдорфа [Klug et al., 2009], предполагает, что дети являются не только источниками утилитарно-экономических, эмоциональных и социально-нормативных ценностей, но и представляют собой объект для крупных финансовых и нефинансовых вложений. Если во взаимозависимых семейных системах, характерных для простых аграрных обществ, вектор помощи направлен от детей к родителям, то в современных обществах господствует независимая семейная модель, где дети являются объектом долгосрочных инвестиций. В этом случае дети рассматриваются в большей степени как источники положительных эмоций, нежели как помощники по хозяйству, что типично для аграрных обществ. Поэтому по мере модернизации российского общества количество детей в семьях должно уменьшаться в силу падения значимости утилитарно-экономического измерения их ценности.

Данные и измерения

Анализ ценности детей для различных поколений можно провести сравнивая представления бабушек и их дочерей о количестве детей в различных типах семей. Трактовка понятий «большая семья», «маленькая семья», «идеальная семья» сильно зависит от социокультурного контекста, который, в свою очередь, является отражением более глубоких исторических, политических и экономических условий. В таблице приведен сравнительный анализ представлений бабушек и их дочерей о количестве детей в маленьких, больших и идеальных, с их точек зрения, семьях.

Как свидетельствуют результаты анализа, бабушки в целом ориентированы на большие семьи. 7 % бабушек считают маленькими даже те семьи, в которых воспитывается три ребенка, в то время как поколение их дочерей рассматривает такие семьи как большие. Чуть больше половины бабушек (51 %) полагают, что признак идеальной семьи — наличие двоих детей, а среди представительниц последующего поколения таковых оказалось 74 %. Почти для трети

респонденток старшего возраста (31 %) идеальной является семья с тремя детьми. Аналогичный показатель среди их дочерей составил 20 %. Интересными кажутся данные относительно характеристик маленькой семьи, в которых наблюдается обратная зависимость. 80 % представительниц младшего поколения считают маленькой семью с одним ребенком, в то время как среди бабушек такого мнения придерживаются 64 %.

Представления бабушек (N = 100) и их дочерей (N = 100) о количестве детей в разных типах семей, %

Тип семьи	Количество детей в семье						Итого
	Ни одного	Один	Два	Три	Четыре	Пять и более	
Маленькая	4 (7)	64 (80)	25 (13)	7 (–)	–	–	100
Большая	–	– (1)	– (3)	23 (44)	24 (19)	43 (34)	100
Идеальная	–	– (2)	51 (74)	31 (20)	9 (4)	9 (–)	100

Примечание. В скобках указаны данные, отражающие представления дочерей.

Еще одним важным фактором, оказывающим влияние на значимость детей, является степень приверженности семейным ценностям, которая была измерена с помощью пятибалльной шкалы, включающей в себя следующие утверждения: 1) следует поддерживать хорошие отношения с родственниками; 2) родители не должны вмешиваться в личную жизнь своих женатых детей; 3) дети обязаны заботиться о своих родителях, когда последние будут пожилыми; 4) семейные проблемы должны решаться внутри семьи; 5) мы должны чтить и защищать семейную репутацию; 6) родители должны оказывать материальную помощь детям, когда они нуждаются в ней (даже когда дети взрослые); 7) дети должны слушаться родителей. Как показали результаты исследования, бабушки по сравнению с собственными дочерьми имеют менее категоричные установки относительно семейных ценностей.

Опрошенные бабушки оказались не очень готовыми предоставить своим взрослым детям право самостоятельно распоряжаться собственной жизнью: учет мнения старшего поколения кажется респонденткам необходимым условием гармоничного сосуществования и успешной жизни. Возможно, это связано со спецификой выборки, в которую были включены бабушки, проживающие под одной крышей со своими детьми и внуками и критически оценивающие образ жизни своих потомков, которые, напротив, высказались за большую независимость замужних и женатых детей от их взрослых родителей. Достаточно интересным кажется разброс по вопросу о родительской помощи взрослым детям. В обоих случаях средняя по ответам составила 3,8, но их внутренняя наполненность разная: взрослые дочери были более категоричными в суждениях на обоих полюсах шкалы.

Очень важным и перспективным с точки зрения последующих сравнений может стать анализ измерения «коллективизм — индивидуализм», также оказывающего влияние на представления о ценности детей у российских бабушек и готовность посвятить себя воспитанию и заботе. Гипотеза о большем уровне коллективизма у российских бабушек, чем у их дочерей, может быть обусловлена особенностями идеологии и приоритетностью общественных целей в советскую эпоху и относительным раскрепощением молодого поколения в годы

перестройки и демократических реформ. Измерение коллективизма и индивидуализма производилось при помощи пятибалльной шкалы, включающей в себя их индикаторы. Даже поверхностный анализ позволяет подтвердить выдвинутую ранее гипотезу. Явно индивидуалистическая ценность — стремление к насыщенной жизни — является важной для 66 % бабушек и 90 % их дочерей. 88 % представительниц младшего поколения стремятся к получению удовольствий и удовлетворению желаний, в то время как среди бабушек важность данной ценности отметили лишь 68 % опрошенных. Стремление к разнообразию в жизни характерно для 83 % матерей и 54 % бабушек. Интересным является и то, что на общем достаточно скромном индивидуалистском фоне такая ценность, как независимость, важна едва ли не для 90 % бабушек. Думается, что под данной категорией ими понимается максимально долгое сохранение способности к самообслуживанию и необременение близких дополнительной заботой, желание оставаться нужной.

Следует отметить, что представительницы различных поколений продемонстрировали редкое единодушие в отношении ценностей, касающихся индивидуальных и общечеловеческих аспектов. Так, 98 % опрошенных бабушек и их дочерей указали на важность взаимоуважения, 95 % назвали в числе приоритетных ценностей вежливость, столько же — послушание. Данные индикаторы коллективизма — скорее проявление общечеловеческих ценностей, над которыми не властен ни политический, ни экономический контекст.

И все же коллективистские установки российских бабушек очевидны. Это выражается не только в меньших показателях индивидуалистических качеств (творчество, риск), но и в большей значимости коллективистских. Например, для 100 % бабушек абсолютную важность имеет такая ценность, как национальная безопасность и защита страны от врагов. Военное и послевоенное время оставило слишком яркий след в памяти не одного поколения, а для значительной части респонденток, чей средний возраст на момент проведения исследования, напомним, составлял 68 лет, и вовсе не было историей.

Если говорить об аспектах ценности детей (утилитарно-экономическом, эмоциональном и социально-нормативном), то представление российских бабушек о детях находится все-таки в эмоциональной плоскости. Почти 100 % опрошенных бабушек среди причин необходимости иметь детей отметили индикаторы эмоциональной составляющей как приоритетные: «...доставляет удовольствие смотреть, как ребенок растет» (91 %), «...благодаря детям продолжается жизнь» (91 %), «...по причине особой любви, которая развивается между родителями» (90 %). Между тем стоит обратить внимание на выраженную утилитарно-экономическую составляющую, проявляющуюся в значимых показателях, например, такой причины, как «дети будут помогать в старости» (79 %). Имеющееся отставание в развитии социальной сферы и фактическое отсутствие приемлемых институциональных форм призрения в старости делает родственную поддержку едва ли не единственной альтернативой в случае неспособности обслуживать себя, а преклонный возраст респонденток обуславливает чрезвычайную актуальность этого вопроса.

Причины нежелания иметь детей лежат преимущественно в области объективных факторов. 71 % опрошенных в качестве вероятных причин нежелания иметь детей называют физическую невозможность деторождения, возраст и общее

состояние здоровья. 62 % бабушек сказали, что имеют столько детей, сколько хотели. Для 55 % опрошенных актуальным является отсутствие достаточных жилищных условий. 45 % бабушек обеспокоены будущим детей.

Основными качествами, которые бабушки ожидают увидеть у своих внуков-подростков, являются следующие. Все бабушки надеются, что их внуки будут хорошими людьми — об этом говорят 100 % опрошенных. Как и в случае с любыми другими абстрактными ценностями, содержание категории «хороший человек» не совсем понятно и зависит от индивидуальных интерпретаций, но, судя по всему, отражает полный набор социально одобряемых качеств. 94 % респонденток хотят, чтобы их внуки хорошо учились в школе, столько же бабушек ждут уважительного отношения к родителям и самим себе. Видимо, начинает сказываться недостаток внимания уже не только со стороны собственных детей, но и внуков-подростков, переключившихся на общение с внешним окружением. Популярности, публичности и известности хотят для своих внуков лишь 35 % бабушек. Надо сказать, что эти данные практически не отличаются от данных, полученных в результате опроса матерей детей-подростков.

Отношения между бабушками и внуками можно охарактеризовать как отдаленно-приятельские: в них не прослеживается особой близости, при этом воспринимаются они как сами собой разумеющиеся. Лишь 33 % бабушек часто делятся с внуками своими мыслями, при этом только 19 % респонденток могут похвастаться бесконфликтными отношениями со своими потомками. 35 % бабушек доверяют внукам свои секреты, 67 % респонденток считают, что их дела находят одобрение и поддержку у внуков. Однако до конца доверительными эти отношения назвать нельзя: лишь 26 % бабушек разговаривают с внуками на темы, которые нежелательно было бы обсуждать с другими собеседниками. Но все же 56 % опрошенных чувствуют, что внуки и внучки гордятся ими, только 8 % бабушек не ощущают подобного отношения к себе.

Тем не менее российские бабушки готовы идти на немалые жертвы. 46 % бабушек согласны терпеть финансовые сложности, чтобы помочь своим внукам, столько же — трудности в контактах с социальным окружением. 41 % бабушек готовы смириться с недостатком времени для выполнения других обязанностей. 37 % опрошенных согласны жить в условиях эмоционального стресса, а 34 % — отказаться от намеченных планов. Много это или мало? Конечно же, стопроцентного самопожертвования мы здесь не наблюдаем (в прямом и переносном смысле), но что мы получим в результате сравнения? Данные исследования на выборке представительниц более молодого поколения показывают значительно большую готовность терпеть вышеперечисленные трудности для того, чтобы помочь своим родителям. Похожие данные характерны для матерей подростков и в отношении собственных детей. Однако следует заметить, что наибольшие показатели материнской готовности помочь родителям и детям находились в «умеренной» области, т. е. особого рвения они не демонстрировали, в то время как данные по бабушкам отличаются очень высокой степенью готовности помочь и перенести сопутствующие трудности.

Мотивация на подобную помощь носит у бабушек комплексный характер и сочетает в себе и просоциальные (внутренне обусловленные), и нормативные (внешне обусловленные) элементы. Так, 87 % бабушек в качестве мотива помощи отметили, что участие в судьбе внуков пойдет им на пользу. 84 % респонденток

надеются, что их помощь будет подспорьем в приращении благосостояния внуков, и столько же ожидают от них благодарности. Нормативная мотивация выражается в том, что 77 % бабушек считают помощь внукам своей обязанностью, а 74 % ожидают с их стороны каких-либо ответных действий. Для 60 % респонденток помощь внукам является средством поддержания хороших отношений с ними, 54 % чувствовали бы себя виноватыми, если бы не оказывали подобной поддержки. В 36 % случаев бабушки опасаются непонимания со стороны окружающих, если не будут помогать своим внукам. Однако просоциальная мотивация на помощь внукам выражена в целом сильнее. Например, в 72 % случаев помощь оказывается в ответ на подаренную внуками любовь и в стольких же случаях помощь бабушек является превентивной мерой, предупреждающей сложные жизненные ситуации.

В заключении количественного анализа нам хотелось бы остановиться на данных, иллюстрирующих установки бабушек относительно самих себя, т. е. в конечном итоге на том, что лежит в основе их поведения. Даже поверхностный взгляд на распределение значений по отдельным параметрам заставляет вспомнить упомянутый выше образ бабушки в массовом сознании с ее отрешенностью от собственных проблем и направленностью вовне. Важность уважения семейных решений бабушки отметили в 96 % случаев, а свое личное счастье видят в благополучии семьи 95 %. Для 93 % опрошенных миссией проживания внутри семьи является поддержание гармонии в ней, почти столько же (92 %) готовы забыть о собственных интересах, если это пойдет на пользу семье. 69 % бабушек заявили, что для них очень важно как можно дольше сохранить силы, чтобы быть способными к самообслуживанию. С этими цифрами коррелирует тот факт, что самой важной ценностью для 51 % опрошенных является собственное здоровье. Это обусловлено и возрастом, в котором проблемы подобного плана становятся приоритетными для большинства, и необходимостью оставаться в силе, поскольку рассчитывать в случае болезни, может быть, и не на кого. Лишь 19 % опрошенных высоко оценили значимость собственной идентичности и независимости от семьи, и только 16 % наслаждаются своей уникальностью и непохожестью на других членов семьи.

Ждут ли бабушки благодарности за свой альтруизм и самоотречение или это является чисто внутренним порывом, не подкрепленным расчетом на ответные действия? Отношения бабушек со своими домочадцами можно охарактеризовать как реципрокно-альтруистические: 80 % опрошенных уверены, что близкие будут доступны в тот момент, когда возникает необходимость в их помощи, лишь 8 % бабушек сетуют на то, что люди никогда не бывают рядом, когда в них нуждаются. 32 % респонденток боятся, что близкие люди могут покинуть их, только 10 % чувствуют себя комфортно находясь в зависимости от других. 18 % бабушек, напротив, испытывают чувство комфорта, когда от них зависят близкие.

Почти 90 % респонденток отвечают взаимностью при попытках сблизиться с ними, завязать дружеские контакты, лишь 20 % чувствуют себя дискомфортно находясь в близких отношениях с другими людьми. Потери в социальном и семейном окружении, характерные для третьего возраста, заставляют больше ценить оставшиеся связи и контакты и по-другому смотреть на новые. Только 12 % респондентов опасаются изменения отношения к себе со стороны старых друзей, и только 8 % нервничают при попытках новых людей сблизиться с ними.

В качестве некоторых итогов

Совершенно очевидно, что российские бабушки, насколько позволяет судить данная выборка, действительно не так эгоистичны, чтобы видеть смысл собственной жизни лишь в самореализации и потреблении помощи со стороны ближайшего окружения. Напротив, для большинства опрошенных характерны жертвенные установки, которые, правда, не лишены надежд на какие-либо ответные действия, о чем свидетельствует достаточно четко выраженная значимость утилитарно-экономического аспекта ценности детей, например как помощников в старости. С этим связаны также представления о необходимости большего количества детей в семье, нежели у поколения их дочерей.

Многие данные свидетельствуют о потребности бабушек во внимании со стороны близких, недостаток которого ощущается ими достаточно остро, несмотря на то что живут они под одной крышей с ними. Это обуславливает то обстоятельство, что основная миссия бабушек в семье направлена на поддержание внутрисемейной гармонии и сохранение целостности семейной ячейки общества подчас в ущерб собственным интересам.

Методологические ограничения

Поскольку опрос бабушек был частью масштабного международного проекта «Ценность детей и межпоколенные отношения», мы действовали в рамках, строго заданных международной командой исследователей. В связи с этим полученные данные имеют ряд ограничений, не позволяющих распространить результаты на всех бабушек. Резюмируя статью, отметим ограничения, которые кажутся нам наиболее важными.

1. В ходе исследования были опрошены бабушки со стороны матерей; логично предположить, что бабушки со стороны отцов продемонстрировали бы иные установки.

2. Проживание в одном домохозяйстве формирует специфический тип межпоколенных внутрисемейных отношений, создающих более комфортные условия для оказания помощи и поддержки в быту и воспитании детей. Мнения и установки бабушек, проживающих отдельно, в рамках данного исследования не изучались.

3. Высокая внутренняя гетерогенность бабушек в совокупности с концепцией исследования и требованиями к выборке обусловили необходимость выделения ограниченного контингента респондентов.

Несмотря на кажущуюся односторонность данного подхода, полученные результаты представляют собой основу для дальнейших исследований, а использование концепции ценности детей и межпоколенных отношений открывает широкие перспективы для кросс-культурных исследований внутрисемейной динамики.

Библиографический список

- Балабанов С. С., Наук Б., Саралиева З. Х.* Типология мотивов иметь или не иметь детей // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 129—136.
- Григорьева И. А., Видясова Л. А., Дмитриева А. В., Сергеева О. В.* Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. СПб.: Алетей, 2015. 336 с.

- Kagitcibasi C. Value of children, family change, and implications for the care of the elderly // *Cross-Cultural Research*. 2015. Vol. 49, iss. 4. P. 374—392.
- Klug T., Mayer B., Sudjin S., Trommsdorff G. Intergenerationale Unterstützung // *Zeitschrift für Soziologie der Erziehung und Sozialisation*. 2009. № 1. S. 45—58.
- Nauck B. Value of children and the framing of fertility: results from a cross-cultural comparative survey in 10 societies // *European Sociological Review*. 2007. Vol. 23, iss. 5. P. 615—629.

References

- Balabanov, S. S., Nauck, B., Saralieva, Z. Kh. (2009) Tipologija motivov imet' ili ne imet' detei [Typology of motives to have or not to have children], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 129—136.
- Grigor'eva, I. A., Vidiasova, L. A., Dmitrieva, A. V., Sergeeva, O. V. (2015) *Pozhilye v sovremennoi Rossii: mezhdz zaniatost'iu, obrazovaniem i zdorov'em* [Aged people in modern Russia: between employment, education and health], St. Petersburg, Aleteia.
- Kagitcibasi, C. (2015) Value of children, family change, and implications for the care of the elderly, *Cross-Cultural Research*, vol. 49, iss. 4, pp. 374—392.
- Klug, T., Mayer, B., Sudjin, S., Trommsdorff, G. (2009) Intergenerationale Unterstützung, *Zeitschrift für Soziologie der Erziehung und Sozialisation*, Nr. 1, S. 45—58.
- Nauck, B. (2007) Value of children and the framing of fertility: results from a cross-cultural comparative survey in 10 societies, *European Sociological Review*, vol. 23, iss. 5, pp. 615—629.

Статья поступила 12.05.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Курамшев Александр Васильевич — ассистент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, kuramschew@rambler.ru (Assistant at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Кутявина Елена Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, kutyavina@gmail.com (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Судьин Сергей Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, sudjin@mail.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 80—92
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.7

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 80—92
ББК 63.3(2)6-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.7

В. Д. ЗАПОРОЖСКАЯ — УЧЕНЫЙ-СИБИРЕВЕД: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ

Е. А. Окладникова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, okladnikova-ea@yandex.ru

Предметом исследования является гендерный аспект личной истории выдающегося, но пока еще недостаточно известного сибиреведа, археолога, талантливому художника В. Д. Запорожской (1914—1985). Цель статьи — на основании анализа материалов устной истории проследить не столько важнейшие вехи ее жизненного пути, сколько динамику рефлексии этим незаурядным человеком социальных «тектонических сдвигов» в контексте событий российской истории (1914—1980-е гг.). Анализ текстов бесед с В. Д. Запорожской показал: 1) вписанность ее личной истории в исторический контекст нескольких эпох, где латентно, но неизменно господствовал примат мужского доминирования; 2) женскую доминанту ее ментальности, ориентированной главным образом на обстоятельства и эмоциональное переживание последствий событий своей судьбы; 3) выраженную связь между стабильностью/мобильностью социальной структуры в разные исторические периоды и реальностью ее индивидуальных начинаний, которые в ущерб себе она постоянно направляла на организационно-научную помощь мужу. Поэтому история жизни этой образованной женщины, прошедшей испытание революциями, войнами, сменами политических режимов, с позиций гендерной теории определялась не столько природой, сколько культурой российского общества конкретной исторической эпохи.

Ключевые слова: устная история, женщина-ученый, история России (1914—1981), гендерные стереотипы.

**V. D. ZAPOROZHSKAYA — A SPECIALIST IN SIBERIAN STUDIES:
THE GENDER ASPECT OF THE PERSONAL HISTORY***E. A. Okladnikova*Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
okladnikova-ea@yandex.ru

V. D. Zaporozhskaya (1914—1985) is a bright representative of a large social group of Russian society — educated women. The subject of our research is the gender dimension of her personal history (based on oral history of outstanding, but not well-enough known specialist in Siberian studies, an archaeologist and a talented artist V. D. Zaporozhskaya. The aim of this article is to trace the major milestones of her life as well as to analyze the dynamics of this extraordinary woman's introspection of social "tectonic shifts" in the context of the events of Russian history (1914—1980-s). The analysis of transcripts of conversations with V. D. Zaporozhskaya showed to us: 1) the inclusion of her personal story in the historical context of several epochs, where the primacy of male dominance was latent, but always present; 2) the dominant femininity of her mentality, focused not so much on purpose, but on the circumstances and emotional experience of the consequences of the events of her life; 3) correlation between stability/mobility of the social structure in different historical periods and reality of her individual endeavors that she constantly directed on organizational and scientific assistance to her husband. Therefore, the story of the life of this educated Russian woman, who passed the test of revolutions, wars, changes of political regimes, from the standpoint of gender theory, is determined not so much by Nature as it is by culture of the Russian society of specific historical periods.

Key words: oral history, a female scientist, history of Russia (1914—1981), gender stereotypes.

Даже на страницах специальных гендерных изданий анализу устных историй выдающихся женщин как представительниц крупных социальных групп (политические деятели, феминистки, ткачихи, медсестры и др.) уделяется не очень много внимания, хотя есть и весьма интересные публикации (см., напр.: [Бояринова, 2016; Карабанова, 2005]). Эмпирические гендерные исследования, как правило, носят микросоциологический характер, так как осуществляются в небольших коллективах и на уровне микрогрупп. Они направлены на выявление статусных отношений между представителями двух крупных общностей: мужской и женской. Выводы этих исследований имеют «сигнальный характер» [Силласте, 2004: 80]. В истории общества такие темы, как «Девияция», «Тюрьма», «Женщина», тем более «Образованная женщина», «Женщина-ученый», долгие столетия оставались периферийными. Несмотря на ряд важных для нашей работы публикаций, даже беглое знакомство с их содержанием дает представление о том, что современная наука имеет мужское лицо. Основные выводы, к которым пришли исследователи темы «Женщина-ученый», следующие: 1) на фоне дискриминации женщин-ученых происходит феминизация кадрового состава науки в России [Агамова, Аллахвердян, 2000]; 2) общественное мнение отводит им непривлекательную роль обслуживающего персонала в научном

сообществе [Пушкарева, 2013], при этом наделяя их образы такими качествами, как увлеченность наукой, нестяжательство, женственность, воля и твердость характера [Любчанская, 2011; Емельянова, Щавелева]; 3) несмотря на то что закрепленные законодательством равные права с мужчинами, казалось бы, обеспечивают возможности карьерного роста женщин в науке, гендерная асимметрия и недостаток «нормальной семьи», в которой муж обязательно доминирует, блокируют их творческую инициативу [Пушкарева, 2004, 2010, 2014].

Методика исследования

Вместе с интересом к прикладным аспектам гендерной теории, например к устной истории женщин, в социологии постепенно обретают признание качественные социологические методики: биографический метод и метод нарративного интервью. Эти методики обладают высоким аналитическим потенциалом, так как позволяют: 1) описать элементы изучаемого явления; 2) выявить причины, которые лежат в их основе; 3) проявить степень устойчивости, распространенности и изменчивости данного явления. Сбор материалов для статьи проводился методом нарративного интервью* с использованием биографических методик (метод устной истории, анализ самоописания респондентом личной истории). Обработка результатов исследования осуществлена на основании типологической методики и работы с документами, которые хранятся в архиве Института истории материальной культуры (например, личное дело А. П. Окладникова), научными публикациями В. Д. Запорожской, материалами Архива РАН (собрание рисунков В. Д. Запорожской). Типологический анализ предполагает определение категориального аппарата, позволяющего не только описать содержание высказываний респондента, но и выявить их символическую нагрузку. Система категорий, раскрывающих идейную нагрузку рефлексии респондентки по поводу гендерного аспекта ее личной истории, как нам представляется, укладывается в аналитическую схему гендерных теорий, которые разрабатывались на Западе теоретиками феминизма (Н. Ходоров, К. Гиллиган, Г. Рубин, К. Миллет и др.).

Выбранная нами методика нарративного интервью позволила: 1) выявить социальную идентификацию респондентки на разных этапах становления ее как личности; 2) определить способ осмысления и преодоления ею кризисных ситуаций своей жизни; 3) услышать мнение В. Д. Запорожской о значении важных исторических событий, оказавших влияние на ее судьбу в науке; 4) узнать не только то, чем бы хотела она заниматься, но и ее мнение о своей деятельности; 5) узнать о ее желаниях, работе ее воображения, личных способах осмысления и конструирования социальной реальности. Такой метод открывает для исследователя возможности не простой фиксации и описания фактов, но более глубокого их понимания с учетом личного опыта Другого, т. е. нашей респондентки как представительницы большой социальной группы — образованных женщин России. Исходя из постулатов типологического анализа [Татарова, 1998], в настоящей статье мы руководствовались не столько принципами истории женщин,

* В архиве автора хранятся 54 транскрипта глубинных интервью с В. Д. Запорожской, сделанных в 1980-х гг. в Ленинграде, а также воспоминания о ней сестры А. П. Окладникова З. П. Окладниковой.

предполагающими создание исторического портрета женщины-ученого, сколько требованиями учета исторического контекста, на фоне которого рассматривали представления В. Д. Запорожской о соотношении социальной и гендерной иерархий, социальной и гендерной мифологии, наконец, о ее личной гендерной истории. На основании видения нашей респонденткой ее личной истории мы сконструировали следующие *аналитические категории*: 1) гендер и его социально-пространственные рамки (расселение участников гендерного контракта, социальная иерархия); 2) счет родства; 3) гендерный принцип организации жизненных приоритетов; 4) характер властных отношений в семейной жизни и работе (включая экономические отношения, поведенческие запреты); 5) социально-психологические характеристики респондентки.

Эволюция взглядов нашей респондентки укладывается в историческую схему потестарно-гендерных отношений (отношения доминирования/подчинения) в России, которая представлена в работе О. А. Хасбулатовой [Хасбулатова, 2001].

Краткая научная биография

В. Д. Запорожская родилась в Чите (30 сентября 1914 г.), детство и юность провела в Иркутске. После окончания средней школы она поступила в Иркутское художественное училище, которым в то время руководил известный в Сибири художник и педагог И. Л. Копылов, первым отметивший ее художественный талант. Еще в годы обучения в училище Вера Дмитриевна чувствовала: ее призвание — стать театральным художником. Работать она устроилась в Иркутский краеведческий музей, где трудился стекольщиком ее отец. В музее она проработала с 1930 по 1934 г. Именно там она встретила талантливого археолога, заведующего отделом палеолита А. П. Окладникова. Их свадьба состоялась в июне 1932 г. Матери, тогда гостившей у родственников в Донецке, Вера Дмитриевна послала короткую телеграмму: «Замужем, благослови, Вера» (архив автора). В 1934 г. она приезжает в Ленинград вместе с мужем, поступившим в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) по направлению «История докапиталистических обществ». Она многое успевает в эти годы: поступает в Академию художеств, затем проходит школу лаборантской работы в Государственном Эрмитаже под руководством выдающегося археолога М. П. Грязнова, работает лаборантом в ГАИМК. При ГАИМК Вера Дмитриевна заканчивает курсы счетоводов и бухгалтеров, постигает искусство документальной фотографии. Все весенне-летне-осенние сезоны в 1930-х гг. она с мужем проводит в экспедициях, организуемых сначала Иркутским краеведческим музеем, а затем ГАИМК. Материалы этих исследований легли в основу работ по археологическому изучению районов будущих новостроек: Ангарской, Усть-Илимской, Братской ГЭС. Полученные археологические материалы фундировали книги, которые написали потом В. Д. Запорожская и А. П. Окладников. В 1939 г. она вместе с мужем открывает ныне всемирно известную стоянку Буреть. Там ими было найдено уникальное изображение палеолитической Венеры — костяной антропоморфной фигурки в меховом комбинезоне. Именно Вера Дмитриевна зарисовывала находки в Бурети, чертила планы жилищ, вела фотофиксацию этого уникального палеолитического памятника.

В. Д. Запорожская принимала активное участие в полевых работах по изучению неолитических и энеолитических погребений в Ангарском регионе, т. е. в поисках «первого американца», как об этом потом написал американский антрополог А. Хрдличка, встречавшийся с В. Д. Запорожской и А. П. Окладниковым на Ангаре в 1939 г. Вот где пригодился художественный талант Веры Дмитриевны и ее тонкая научная интуиция. В эти годы она виртуозно выполнила ныне классическую, вошедшую во все учебники истории культуры народов Сибири реконструкцию одежды людей эпохи ангарского неолита. Ее реконструкция — блестящий пример комплексного историко-художественного исследования: в костюме представлены украшения из нефрита, клыков марала, перламутра, передан покроем одежды, сочетавший «тунгусский фрак» и тунгусский передник.

Полевые сезоны 1938 г., а затем и сезоны первых послевоенных лет В. Д. Запорожская проводит в Средней Азии, в археологическом отряде мужа. Целью работ этого отряда комплексной археологической экспедиции М. Е. Массона было изучение каменного века. Именно в той экспедиции Запорожской и Окладниковым было открыто погребение мальчика-неандертальца. Публикация находки стала звездным часом в научной карьере А. П. Окладникова. В послевоенные годы В. Д. Запорожская принимает участие в археологическом изучении Туркменских пустынь, в открытии мезолитического погребения около пещеры Кайлю, неолитической «ювелирной мастерской» около горы Куба-Сенгир, раскопках в пещере Дам-Дам Чемше.

В 40-х гг. полевые исследования В. Д. Запорожской и А. П. Окладникова проходили в Арктике. В экспедициях на реке Лена она провела шесть лет. Эта хрупкая женщина «с классической фигурой и длинной косой» (архив автора) прошла на веслах тысячи километров, т. е. весь путь от села Качуга на Верхней Лене до острова Тийт-Ары на Нижней Лене. Она научилась управлять парусом, чувствовать течение великой сибирской реки, противостоять непогоде и «низовке» — коварному ветру, который тащит лодку не вниз, а, наоборот, вверх по реке. Она вложила много духовных и интеллектуальных сил в капитальный труд своего мужа «История Якутии»: чертила, рисовала, фотографировала, делала планы раскопов, вела полевые дневники. Вдвоем с мужем они изучали зимовку первых русских мореходов на мысе Баранова (Таймыр, 1948 г.), где она, как обычно, вела расчистку на раскопе, занималась фотофиксацией находок, под постоянным наблюдением голодных белых медведей бесстрашно осуществляла полевую обработку находок. Она проводила археологические исследования на Колыме и в Таджикистане (1948), снова возвращалась на Ангару и Лену (1951), работала в Забайкалье (1947—1951). До последних дней жизни В. Д. Запорожская была погружена в подготовку к печати крупных, ставших ныне классическими исследований по наскальному искусству Сибири и Дальнего Востока — «Петроглифов Средней Лены», «Петроглифов Нижнего Амура», «Петроглифов Забайкалья». В 1970—1980-х гг. она стала одним из ведущих организаторов музея истории и культуры народов Сибири Института истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН СССР.

Молодые годы

Юность В. Д. Запорожской (конец 1920-х — 1930-е гг.) пришлась на период российской истории, когда уже начал конструироваться социальный стереотип советской женщины, официально равноправной с мужчиной.

Таблица 1

Категории анализа: молодые годы жизни респондента

Единица анализа	Смыслы описания своего гендерного статуса респондентом
Гендер и его социально-пространственные рамки (расселение участников гендерного контракта, пространственные рамки социальной иерархии)	После свадьбы молодые поселяются в Иркутске в маленьком домике родителей В. Д. Запорожской (далее: В. Д.), куда затем из деревни приезжает мать А. П. Окладникова (далее: А. П.), Анна Аверьяновна, и его сестра. В Ленинграде они сменили несколько адресов проживания, но жилплощадь во всех случаях получал муж, начиная с комнаты в аспирантском общежитии, комнаты на Финляндском проспекте (д. 4/15) [Архив ИИМК]. Пространственные рамки социальной иерархии В. Д. в этот период полностью укладываются в парадигму «женщина — организатор труда и быта мужчины» при господстве легко читаемого через социальные ритуалы примата мужского доминирования
Счет родства по мужской линии	У В. Д. было желание взять фамилию мужа, но это желание не осуществилось в силу случайности. Как рассказывала сама В. Д., когда в ЗАГСе Иркутска происходила регистрация брака, на вопрос зав. ЗАГСом: «Как ваша фамилия, невеста?» — В. Д., не подумав, что речь идет о ее будущей фамилии, машинально ответила: «Запорожская», что и было зафиксировано в документах (архив автора). В тот день на эту деталь молодые не обратили никакого внимания
Гендерный принцип организации жизненных и карьерных приоритетов	В. Д. активно училась (Академия художеств, курсы счетоводов и бухгалтеров, самообразование в области фотографирования), но в экспедициях она числилась в скромной должности старшего лаборанта. На практике же сфера ее ответственности распространялась на замещение должности заместителя начальника отряда по организационным вопросам, художника, топографа, бухгалтера и т. п.
Характер властных отношений в семейной жизни и работе (включая экономические отношения, поведенческие запреты)	А. П. искренне любил жену, но это не помешало ему настоять на том, чтобы она ушла со второго курса Академии художеств, так как ее студенческая жизнь не стыковалась с графиком работы в экспедиции. Скромными финансами в семье ведала В. Д., зарабатывали они вместе, все деньги тратились на еду и книги. Тем не менее когда однажды В. Д. сделала макияж (накрасила губы), муж сурово предупредил: «Если еще раз увижу, вытру половой тряпкой» (архив автора)
Социально-психологические характеристики респондентки	В те годы В. Д. отличали следующие качества: отсутствие стремления сделать свою карьеру, полная солидарность с устремлениями и работой мужа, постоянный душевный подъем, рабочий энтузиазм, глубокая заинтересованность в поисковой деятельности, интуитивная солидарность с программными заявлениями партии о полном решении «женского вопроса»

Первым фактором, который еще в юности оказал влияние на личность В. Д. Запорожской, была мировоззренческая революция как следствие Октябрьской революции. Роль женщин в Советской России, с точки зрения взявших власть большевиков, должна была разительно измениться по сравнению с их ролью, определенной предписаниями «Домостроя» [Домострой, 1994]. *Вторым фактором*, повлиявшим на формирование системы ценностей и психологические установки В. Д. Запорожской, стал быт ее семьи. Отец Веры Дмитриевны был предприимчивым деловым человеком. Происходил он из богатой купеческой семьи. Но его мать все имущество и финансы передала старшим, как она говорила, непутевым сыновьям. Дмитрий же, по ее мысли, человек умный и дельный, сам всего в жизни мог добиться. И младший сын оправдал ее ожидания: в качестве приданого жены он получил два доходных дома в Иркутске. Отец Веры Дмитриевны был предан своей супруге Надежде, в молодости работавшей златошвейкой. Вместе они подняли на ноги четверых детей. Их младшая дочь, Вера Дмитриевна, была воспитана в духе традиционной русской семьи. Именно этот дух, отраженный в «Домострое», негласно поддерживался общественным мнением и ментальными стереотипами социальной среды России вплоть до конца 1980-х гг. Конечно, женщина после 1917 г. получила доступ к образованию, политике (выборы и участие в органах управления), тем не менее характерные черты повседневной жизни явно указывали на мужское доминирование на всех уровнях социальных отношений в обществе.

Оба этих фактора — мировоззренческая революция и семейные традиции — окрашивали смыслы гендерного статуса, латентно присутствующие в описании Верой Дмитриевной дней своей молодости (табл. 1).

Таким образом, в 1920-х гг. Вера Дмитриевна уже ощутила, что в России закончилась короткая эпоха «советского феминизма». В 1930-х гг. практика самостоятельного женского движения была решительно прекращена директивами «сверху» и государственная политика в отношении женщин начала формироваться без их влияния на процесс принятия решений. Женщина в обществе нового мира, считали взявшие власть в России большевики, — это помощник мужчины. Советская социальная идеология до Великой Отечественной войны руководствовалась положениями, сформулированными Сталиным в Отчетном докладе XVII съезду ВКП (б). Поэтому неудивительно, что уже в молодости В. Д. Запорожская, с одной стороны, испытывала влияние веяний новой идеологии, позволявшей женщине учиться и работать, но, с другой стороны, понимала: это возможно только при условии выполнения ею роли организатора тыла мужчин. В результате в своей жизни она стала следовать стереотипу «персоны научного обслуживания».

Средний период жизни

Конец 1930-х — 1950-е были самыми напряженными годами жизни В. Д. Запорожской с точки зрения полевых археологических исследований. Географический и климатический диапазон экспедиций, в которых работала Вера Дмитриевна только в один полевой сезон, просто потрясает: от Арктики до Туркменской пустыни. Такие нагрузки, перепады температур, помноженные на организационные заботы, груз ответственности могут вынести не всякие закаленные мужчины. При этом стоит помнить, что напряженная научная жизнь проходила для Веры Дмитриевны в противоречивых социальных условиях.

Латентным фактором, оказывающим влияние на жизненные установки В. Д. Запорожской в 1940—1960-е гг., было официальное замалчивание примата норм патриархатного общества. Разумеется, в наших беседах Вера Дмитриевна не описывала события своей личной истории этого периода в категориях гендерной теории. Но смыслы ее высказываний, оценок, мнений об этих событиях явно указывали на влияние норм патриархатного общества. Именно они негласно превалировали в советском государстве (табл. 2).

Таблица 2

Категории анализа: средний период жизни респондента

Единица анализа	Смыслы описания своего гендерного статуса респондентом
Гендер и его социально-пространственные рамки (расселение участников гендерного контракта, пространственные рамки социальной иерархии)	Жилье по-прежнему числилось за мужем. Это были сначала две, а потом три комнаты в коммунальной квартире на Невском (д. 22, кв. 165), квартира на ул. Ульяны Громовой. В. Д. продолжала помогать мужу в подготовке к изданию книг по археологии и наскальному искусству Сибири, но после рождения дочери уже не выезжала систематически с ним в экспедиции. В конце 1950-х вся семья начала выезжать на раскопки на полуострове Песчаном (Владивосток), на Ангару и в другие регионы Сибири
Счет родства по мужской линии	Когда родилась дочь, она получила фамилию отца — Окладникова
Гендерный принцип организации жизненных и карьерных приоритетов	В. Д. в начале 1950-х продолжает занятия вольнослушателем на курсах при Ленинградской организации Союза художников. Активно помогает мужу в работе. Мыслей о самостоятельной научной карьере у нее нет
Характер властных отношений в семейной жизни и работе (включая экономические отношения, поведенческие запреты)	В это время начинается недолгий период раздельного проживания супругов, обусловленный необходимостью воспитания дочери. В начале 1960-х А. П. по приглашению М. А. Лаврентьева уезжает в Новосибирск и занимается организацией ИИФиФ СО АН СР. Он постоянно приезжает в Ленинград в зимние месяцы. Летом В. Д. с дочерью приезжают к нему в Академгородок
Социально-психологические характеристики респондентки	В. Д. постоянно ведет активную поисковую работу в научных библиотеках. Творческий энтузиазм продолжает поддерживать ее жизненную активность. Тем не менее появляются мысли о том, что живут они с мужем «как-то не так», не так, как «нормальные обыватели», без мещанского уюта и комфорта. Она чувствует, что живет в вечной спешке, как-то наспех, не так обустроено, как другие, в постоянных ограничениях, посвящая все свое время делу, которому служит муж, т. е. науке

Таким образом, несмотря на формальную свободу и возможность проявления своих талантов, В. Д. Запорожская, будучи очень сильной и незаурядной личностью (муж, уважая твердость ее характера, ум и волю, ласково говорил о ней: «Наша мамочка — кремь»; архив автора), предпочитала оставаться в рамках женского поведения, воспроизводя социальный конструкт феминности. Это не означало, что воссоздание его норм тяготило ее. На уровне подсознания

она, скорее, стремилась к идеалу вечной женственности. Например, Вера Дмитриевна жаловалась, что все годы, проведенные в экспедициях с мужем, время которых приходилось на весенне-летний сезон, ей так ни разу и не удалось надеть легкое крепдешинное платье, босоножки, изящную шляпку. Кирзовые сапоги, парусиновые брюки и «ватный трус», телогрейки, накомарники — вот ее рабочая повседневная одежда с ранней весны до поздней осени. Тем не менее изящные шляпки все же были, но и они ею приспособивались для работы: элегантными полями она закрывала глаза от солнечных лучей.

С 1930-х гг. в Советской России установился негласный порядок, который предписывал настоящим мужчинам быть полностью вовлеченными в дело, которому они служат («...первым делом, первым делом самолеты, ну, а девушки, а девушки потом»). Предполагалось, что политические лидеры женаты на государстве. Если же их жены начинали вести активную общественную жизнь, это для них могло окончиться печально (ссылка, лагерь). Жены — организаторы тыла своих мужей поощрялись общественным мнением. К таким женщинам (домохозяйки, матери-героини) было подчеркнуто уважительное отношение. Как рассказывала Вера Дмитриевна, супруг не хотел отпускать жену из рамок договора по «обслуживанию мужа». Он был предан делу науки целиком, и вопросы репродукции волновали его гораздо меньше, чем археология. Вера Дмитриевна же не могла принести себя в жертву исключительно науке. Репродуктивный возраст подходил к концу, необходимо было принимать важное жизненное решение. И она приняла его в пользу рождения дочери.

Зрелый период жизни

Осознание того, что почти ничего, по сути, не изменилось в системе гендерного контракта между миром мужчин и миром женщин и в эпоху Н. С. Хрущёва, возникло у В. Д. Запорожской во второй половине 1950-х гг. Общественное мнение освобождало человека работающего (т. е. мужчину) от ответственности за репродуктивную сферу. В. Д. Запорожская регулярно слышала в свой адрес критику от знакомых. Многие из них возмущались, когда ее муж без нее уезжал в поле или отправлялся поднимать Институт истории в Академгородке под Новосибирском, а она воспитывала дочь в Ленинграде: ведь супруги *не должны* проживать отдельно. Когда в семье в их ленинградской коммунальной квартире появлялась домработница, знакомые дамы в один голос утверждали, что дом *должна* вести только жена. А. П. Окладников не вмешивался в рутинные домашние дела, но при этом ни в чем по хозяйству не упрекал супругу. Впереди всегда было столько грандиозных дел, а в ее профессиональных навыках, таланте художника, внимательности исследователя, жизненной мудрости он нуждался постоянно. Поэтому помощь домработницы была кстати. Никогда он не занимался тем, что так часто встречается в отношениях между супругами: реализацией техник мягкого насилия (перенесение конфликта в психику жены, страховка от отказа женщины быть полезной, открытого столкновения и т. п.), цель которых — занять привилегированное положение в отношениях.

Так же как и в молодости, в эти годы Вера Дмитриевна собственной карьеры в мире науки не сделала, в отличие от таких учениц А. П. Окладникова, как выдающиеся ныне женщины-археологи Е. И. Деревянко, З. А. Абрамова или О. В. Дьякова. Но она морально и в деловом плане поддерживала учениц мужа,

восхищалась их достижениями. Оглядывая мысленным взором личную историю, В. Д. Запорожская в конце жизни с горечью думала о том, что все свое время она посвящала тому, к чему призывал ее нравственный долг, т. е. служению научной деятельности мужа, а не воплощению своей мечты — искусству театрального художника (табл. 3).

Таблица 3

Категории анализа: зрелый период жизни респондента

Единица анализа	Смыслы описания своего гендерного статуса респондентом
Гендер и его социально-пространственные рамки (расселение участников гендерного контракта, пространственные рамки социальной иерархии)	В Академгородке под Новосибирском В. Д. жила в квартире мужа на Морском проспекте, в коттедже в Золотой долине, и это она считала нормальным. В 1970-х гг. В. Д. получает персональную пенсию как заслуженный работник науки. В конце 1960-х гг. она переезжает в Новосибирск, где продолжает работать в ИИФиФ СО АН СССР, помогая мужу в научной деятельности
Счет родства по мужской линии	Внук В. Д., Алексей, после развода родителей также получил фамилию Окладников
Гендерный принцип организации жизненных и карьерных приоритетов	Официальной карьеры в научном мире В. Д. не сделала, да и не стремилась она к этому никогда. Но она обладала большим негласным авторитетом среди сотрудников мужа. Она направляла и контролировала работу лаборантов, организовывала быт и вела домашнее хозяйство. Деловое окружение А. П. слушалось ее, как Бога
Характер властных отношений в семейной жизни и работе (включая экономические отношения, поведенческие запреты)	До конца дней В. Д. и А. П. сохранили нежные чувства друг к другу. Если и были какие-то поведенческие запреты, то их рамки определялись ценностными ориентирами В. Д., психологическими и социальными установками, которые, с одной стороны, были созвучны времени, а с другой — сформированы установками семьи ее родителей (они вели родовую из среды польского дворянства)
Социально-психологические характеристики респондентки	Оглядываясь назад, В. Д. в конце жизни очень сожалела, что ее социальный статус был ограничен системой научного обслуживания, в то время как именно она внесла неоценимый вклад в полевую, а затем и научную работу А. П. В последние годы жизни она часто задавала себе вопрос: почему она не стремилась завоевать ведущие в административном плане позиции в науке, которой посвятила более 50 лет своей жизни? И действительно, она никогда не сетовала, что не руководит, например, отделом в институте мужа-академика, не имеет научной степени. Но она искренне сожалела, что не стала театральным художником. Она так и не смогла заняться тем, что было для нее эмоционально значимым с точки зрения ее природных талантов и личных интересов. Ее муж относился к ней с глубочайшим уважением и настоящей любовью. Он ценил твердость ее характера, силу воли, житейскую мудрость, глубокий, пронизательный ум и тонкий художественный вкус, деловые и профессиональные навыки

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Женская устная история — это феминистический диалог, даже если собеседница не феминистка. В. Д. Запорожская феминисткой никогда не была. Но история жизни этой выдающейся женщины-ученого — яркое свидетельство становления одного из прогрессивных типов советской женщины. Ее жизненный путь является утверждением женской сути. Беседы с Верой Дмитриевной для нас — это документ общения между женщинами разных поколений. Ее мысли, жизненные установки дали автору статьи многое для познания собственных корней и понимания места женщины в современном мире.

Устная история и ее гендерный аспект оставляют в стороне требования статистики и принцип массовости. Тем не менее именно с помощью устной истории по фрагментам повседневности нам удалось выстроить картину отражения в сознании незаурядного члена советского общества — В. Д. Запорожской — ряда важных, социально и культурно маркированных ситуаций: 1) провозглашения значимости женщины как полноправного члена общества; 2) господства патриархальной идеологии, удерживающей саму структуру нашего общества; 3) тенденции смягчения норм патриархатных социальных ритуалов и ценностей; 4) вербализации понимания урона, который наносит патриархат развитию личности женщины. В свете устной истории В. Д. Запорожская предстает не просто конкретным носителем социально-демографических данных, но и частью истории больших семей как частей больших социальных групп: сначала истории своей родительской семьи, а затем семьи своего мужа, ставшего лауреатом престижных премий, героем социалистического труда, академиком. Устная история Веры Дмитриевны наглядно проявляет вписанность ее самой и ее окружения (родители, родственники, сотрудники) в общий исторический контекст жизни страны, где латентно господствовал и господствует примат мужского доминирования.

Анализ текстов бесед с В. Д. Запорожской подтверждает наблюдения социологов о том, что женщины в своих интервью обращают внимание не на жизненные цели, а на обстоятельства и последствия событий, явлений и процессов своей жизни. Неудивительно, что за описанным Верой Дмитриевной как случай, сила судьбы, обстоятельства и следовавшими за ними добровольными решениями высвечивались «патриархатно» организованные социальные начала бытия. Структура общественных отношений в годы ее жизни становилась все более мобильной, тем самым открывались все большие возможности для смены ею своего социального статуса. Но она так и не решалась его сменить. Вере Дмитриевне много раз в жизни приходилось решать проблему связи между стабильностью социальной структуры и реальностью индивидуальных начинаний. Но каждый раз, и в молодости, когда перед ней была дилемма: Академия художеств или экспедиции с мужем, и в зрелые годы, когда она могла спокойно вести образ жизни обеспеченного человека на пенсии, она выбирала активную деятельность, направленную на организационно-научную помощь мужу.

Тем не менее, несмотря на горечь сожалений В. Д. Запорожской в конце жизни о неосуществленной реализации своего художественного таланта, мы можем и должны учиться у нее «жить решительно». Главное, чем наполнены смыслы ее высказываний, — это призыв к пробуждению женского социального сознания.

Библиографический список

- Агамова Н. С., Аллахвердян А. Г. Российские женщины в науке и высшей школе: историко-научные и науковедческие аспекты // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 141—153.
- Архив ИИМК (архив Института материальной истории). Ф. 22. Оп. 35. Д. 221.
- Бояринова П. А. Надежда Дурова: феномен гендерного беспокойства в России в первой половине XIX в. // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 57—68.
- Домострой. СПб.: Наука, 1994. 134 с.
- Емельянова Т. П., Щавелева М. А. Социальные представления о женщине — научном работнике. URL: <http://geniemarina.narod.ru/stat/stat2.html> (дата обращения: 12.03.2017).
- Карабанова А. М. А. В. Тыркова — женщина-лидер кадетской партии: особенности социализации и политической карьеры // Женщина в российском обществе. 2005. № 3—4. С. 60—72.
- Любчанская Т. В. Женщина-археолог глазами современных студентов-историков // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). С. 161—165.
- Пушкарева Н. Л. Женщины в российской науке: два столетия дискриминации // Женщина плюс... 2004. № 3 (31). С. 46—54.
- Пушкарева Н. Л. Женщины в российской науке конца XX — начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 24—35.
- Пушкарева Н. Л. «Ума не надо»: социальные представления о женщине — научной работнице в постсоветском обществе // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 89—98.
- Пушкарева Н. Л. «Нелегко говорить об этом»: женщины-ученые о влиянии научных занятий // Вестник Тверского государственного университета. 2014. № 3. С. 105—119.
- Силласте Г. Г. Гендерная социология: состояние, противоречия, перспективы // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 77—86.
- Татарова Г. Г. Типологический анализ в социологии: методологические предпосылки и эмпирическая интерпретация: дис. ... д-ра социол. наук. М., 1998. 87 с.
- Хасбулатова О. А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001. № 3—4. С. 34—53.

References

- Agamova, N. S., Allakhverdian, A. G. (2000) Rossiiskie zhenshchiny v nauke i vyssheĭ shkole: istoriko-nauchnye i naukovedcheskie aspekty [Russian women in science and higher education: historical and scientific aspects], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 1, pp. 141—153.
- Boiarinova, P. A. (2016) Nadezhda Durova: fenomen gendernogo bespokoĭstva v Rossii v pervoi polovine XIX v. [Nadezhda Durova: phenomenon of gender trouble in Russia in the first half of the XIX c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 57—68.
- Domostroĭ* (1994) St. Petersburg: Nauka.
- Emel'ianova, T. P., Shchhaveleva, M. A. *Sotsial'nye predstavleniia o zhenshchine — nauchnom rabotnike* [Social ideas about a woman scientist], available from <http://geniemarina.narod.ru/stat/stat2.html> (accessed 12.03.2017).

- Karabanova, A. M. (2005) A. V. Tyrkova — zhenshchina-lider kadetskoї partii: osobennosti sotsializatsii i politicheskoi kar'ery [A. V. Tyrkova — female leader of the Cadet Party: features of socialization and political career], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 60—72.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: the specifics of the Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 34—53.
- Liubchanskaia, T. V. (2011) Zhenshchina-arkheolog glazami sovremennykh studentov-istorikov [Woman-archaeologist through the eyes of modern students-historians], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (216), pp. 161—165.
- Pushkareva, N. L. (2004) Zhenshchiny v rossiiskoi nauke: dva stoletii diskriminatsii [Women in Russian science: two centuries of discrimination], *Zhenshchina plus...*, no. 3 (31), pp. 46—54.
- Pushkareva, N. L. (2010) Zhenshchiny v rossiiskoi nauke kontsa XX — nachala XXI veka: obobshchenie kolichestvennykh kharakteristik [Women in Russian science at the end of the XX and beginning of the XIX century: a compilation of quantitative characteristics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 24—35.
- Pushkareva, N. L. (2013) “Uma ne nado”: sotsial'nye predstavleniia o zhenshchine — nauchnoi rabotnitse v postsovetskom obshchestve [“Mind is not necessary”: social ideas about a woman — a scientific worker in the Post-Soviet society], *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 4, pp. 89—98.
- Pushkareva, N. L. (2014) “Nelegko govorit' ob etom”: zhenshchiny-uchēnye o vliianii nauchnykh zaniatii [“It's not easy to talk about this”: women scientists about the impact of scientific studies], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 105—119.
- Sillaste, G. G. (2004) Gendernaia sotsiologiia: sostoianie, protivorechiia, perspektivy [Gender sociology: state, contradictions, perspectives], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 9, pp. 77—86.
- Tatarova, G. G. (1998) *Tipologicheskiĭ analiz v sotsiologii: metodologicheskie predposylki i ėmpiricheskaia interpretatsiia*: Dis. ... d-ra sotsiol. nauk [Typological analysis in sociology: methodological prerequisites and empirical interpretation: Diss. (Dr. Sc.)], Moscow.

Статья поступила 16.04.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Окладникова Елена Алексеевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, okladnikova-ea@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 93—102
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.8

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 93—102
ББК 63.3(2).534-68-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.8

ДАМСКИЕ КОМИТЕТЫ ТОМСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (По материалам газеты «Сибирская жизнь»)

О. М. Долидович

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, dolidovich@mail.ru

Статья посвящена деятельности дамских комитетов Томска в годы Первой мировой войны. На основе материалов ежедневной газеты «Сибирская жизнь» выявлены численность, виды, направления работы городских дамских комитетов и кружков. Показано, что периодическая печать играет важную роль при изучении истории женских благотворительных организаций в сибирских губерниях из-за фрагментарности и разрозненности архивных документов по теме, а также наличия определенной специфики в деятельности самих дамских комитетов.

Ключевые слова: дамский комитет, Первая мировая война, периодическая печать, «Сибирская жизнь», Томск.

THE LADIES COMMITTEES OF TOMSK DURING THE FIRST WORLD WAR (Based on “Sibirskaya zhizn” newspaper materials)

O. M. Dolidovich

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation,
dolidovich@mail.ru

The article is devoted to activities of ladies committees of the city of Tomsk in the years of the First World War. It is shown that the periodical press plays an important role in the study of the history of women’s charity organizations in the Siberian provinces of the war period because of the fragmentation and oddness of archival materials on the subject, as well as the presence of a certain specificity in the activities of ladies committees.

The study is based on materials of the newspaper “Sibirskaya zhizn”, which in the war years was the leading organ of the periodical press in the Tomsk province. Identified is the information on 12 ladies clubs and committees. Analysis of the newspaper materials allows us to follow the work of women’s committees amid rising socio-economic difficulties in the Siberian city life during the war, to see how the citizens perceived and evaluated philanthropy ladies. It also allows us to follow the interaction between various ladies committees as well as their cooperation with other charitable organizations, with local authorities.

The ladies committees in Tomsk were created by the initiative of the city and the provincial administration, the church, charities that provided financial and organizational support; however, they also supervised the committees work. The organization and supervision of the activities of the ladies committees by officials and power structures demonstrates their loyalty to the authorities.

Ladies committees were created to collect donations, to organize works on sewing clothes for the wounded, and to assist the mobilized refugees' families. The committees worked wives of officials, merchants, honorable citizens, doctors, professors, teachers, priests, burghers, faithful parishioners. Citizens assessed the work of women's committees positively, responded to their calls for help, and willingly made donations of money, clothes and food.

Historical research of various forms of women's public activity in Siberia allows us to see how in the beginning of the XX c. the state and society began to use the civil potential of women. This, in turn, changed public views about their role and purpose, influenced the character of the social and cultural processes in the region.

Key words: ladies' committee, the First World War, periodicals, "Sibirskaya zhizn", Tomsk.

Постановка задачи

В сибирских городах в годы Первой мировой войны большую работу по оказанию помощи различным категориям населения, пострадавшего от военных действий, вели женские благотворительные организации [Долидович, 2014, 2016]. Важнейшим историческим источником при изучении численности и типов дамских комитетов, способов их взаимодействия с местными властными структурами, оценке их влияния на социально-культурную среду городов являются материалы местных журналов и газет.

Дамские комитеты и кружки чаще всего создавались и работали в качестве вспомогательных структур, например, при местных отделах и комитетах Российского общества Красного Креста, Всероссийского союза городов, городских управах, а не как самостоятельные организации. По этой причине у них не было необходимости проходить процедуру регистрации, они отчитывались на заседаниях правления благотворительного общества, при котором работали. Кроме того, в финансовом отношении дамские комитеты часто не могли позволить себе печатать отчеты отдельными тиражами и ограничивались краткими сведениями о собранных суммах и проведенных мероприятиях на страницах местных газет. Временные благотворительные дамские кружки, которые создавались, к примеру, для сбора средств на рождественские подарки солдатам, отчитывались таким же образом.

Документы о деятельности женских ассоциаций в архивных и музейных хранилищах сибирских городов в основном представлены объявлениями и отчетами о проведении благотворительных мероприятий, как правило рассредоточенными по разным фондам. В то же время местные периодические издания уделяли большое внимание мотивам благотворительной и меценатской деятельности, писали о размерах пожертвований, публиковали очерки об образе жизни дарителей и получателей помощи, статьи о скандалах, связанных с благотворительностью, отклики местной общественности и т. д. На основании этих материалов возможно установить общую численность дамских комитетов в том

или ином городе, время и обстоятельства их создания, направления работы, отзывы получателей благотворительной помощи, сведения о скандалах, связанных с деятельностью данных организаций, и т. д.

Материалы и методы

По оценкам современных исследователей, ежедневная газета «Сибирская жизнь» занимала ведущее место среди периодических изданий Томской губернии в дореволюционный период [Жилякова, 2009]. Она была основана в 1894 г. предпринимателем и просветителем П. И. Макушиным, выпускалась до 1919 г. Во время Первой мировой войны ее тираж достигал 25 тыс. экземпляров. «Сибирская жизнь» публиковала официальные сообщения, сводки с западного и восточного фронтов, обзоры русской и зарубежной печати, хронику общесибирских и томских событий, корреспонденцию, статьи местных профессоров, учителей, врачей, чиновников. Как и все периодические издания того времени, газета подвергалась цензуре. Дополнить и уточнить сведения, освещенные в «Сибирской жизни», позволяют публикации других местных изданий, например «Томских епархиальных ведомостей».

В работе применялись нарративный, историко-генетический, сравнительный методы исторического исследования.

Результаты исследования

В начале XX в., накануне Первой мировой войны, Томск был крупнейшим в Сибири торгово-промышленным и культурным центром. В городе работали мужские и женские гимназии, Томский университет, Томский технологический институт, народный университет П. И. Макушина, Сибирские высшие женские курсы. Здесь проживали чиновники, купцы, юристы, врачи, священники, учителя, преподаватели и студенты, действовали политические общества и партии, издавались газеты и журналы [Дмитриенко, 2000].

Сразу же после начала войны в городе стали создаваться дамские комитеты. Одним из первых был организован благотворительный Кружок дам духовного звания под покровительством епископа Томского и Алтайского Анатолия. Он же утвердил устав кружка. Первое собрание состоялось 31 августа 1914 г. Все работы и сбор пожертвований осуществлялись в помещении Архиерейского дома. Кружок объединил жен местных священников, послушниц и монахинь женских монастырей, верующих прихожанок. Его возглавила жена профессора богословия М. С. Галахова. Первое пожертвование (100 руб.) сделал сам владыка Анатолий. Средства поступали от кружечных сборов в церквях, отчислений от жалованья учителей церковно-приходских школ, благотворительных концертов и базаров. Ревизионная комиссия ежемесячно контролировала расходование средств. Отчеты о своей деятельности кружок публиковал в «Томских епархиальных ведомостях» и «Сибирской жизни»¹.

¹ Годовой отчет [материальный и денежный] кружка с 8 сентября 1914 г. по 8 сентября 1915 г. // Томские епархиальные ведомости. 1915. 15 ноября. С. 729—731; Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск: Тип. губ. упр., 1915.

С 1 сентября по 31 декабря 1914 г. кружок собрал 10 374 руб. Деньги расходовались на приобретение материалов для изготовления белья и подарков для госпиталей и солдат, на выплату пособия раненым. Кроме того, Кружок дам духовного звания оказывал помощь семьям призванных. Летом 1915 г. для детей наиболее нуждавшихся семей воинов был открыт детский очаг на 30 мест. Комитет считал необходимым повсеместное создание яслей для детей призванных, чтобы солдатки в летнее время могли работать в поле. Однако средств для этого он не имел и поэтому обращался с просьбой к священникам и учительницам церковно-приходских школ открывать такие ясли в селах на местные средства².

Перед праздниками Рождества и Пасхи комитет организовывал прием пожертвований продуктами — чаем, сахаром, сдобными сухарями и т. п., которые затем отправляли в действующую армию в виде подарков. Дежурные дамы ежедневно принимали, описывали, сортировали пожертвования, кроили и шили белье. К работе привлекали жен нижних чинов, призванных на войну. Вещи и подарки пересылались в действующую армию через местный отдел Российского общества Красного Креста. Железная дорога не несла ответственности за сохранность грузов и не страховала их, это означало необходимость дополнительных расходов на специального уполномоченного для сопровождения посылок, поэтому комитет не осуществлял их самостоятельной отправки.

В марте 1915 г. Кружок дам духовного звания перечислил средства на открытие своих кружков-патронатов в Барнауле, Новониколаевске, Бийске и Боготоле, а затем и в более отдаленных от линии железной дороги пунктах (Камень, Нарым, село Покровское Барнаульского уезда, село Маслянинское Бийского уезда). На открытие каждого кружка-патроната делался первый взнос в размере 100 руб. Задачей таких кружков было оказание помощи больным и раненым воинам, возвращающимся с фронта на родину, снабжение их одеждой, обувью и деньгами, а также содействие семьям воинов³.

В адрес Кружка дам духовного звания в Томске приходило много благодарственных писем с фронта. Обер-прокурор святейшего синода статс-секретарь В. К. Саблер также выражал признательность дамам за работу: «Считаю непрерывным и приятным долгом принести кружку дам духовного звания г<орода> Томска глубокую благодарность за пожертвованные вещи на усиление синодального лазарета имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Осмотр вещей показал, с какою любовью и тщанием они были заготовлены и какими высоко патриотическими чувствами проникнуты лица, входящие в состав кружка»⁴.

На заседаниях кружка не только заслушивались отчеты о работе, но и проводились информационно-просветительские мероприятия, посвященные участию Российской империи в Первой мировой войне. Так, на общем собрании 4 мая 1915 г. одна из дам, А. Полетаева, выступала с докладом «Роль женщины

² Кружок дам духовного звания Томска // Сибирская жизнь. 1915. 17 января. С. 2; В комитете дам духовного звания // Сибирская жизнь. 1915. 6 июня. С. 2; Комитет дам духовного звания // Сибирская жизнь. 1915. 6 февраля. С. 2; Кружок дам духовного звания Томска // Сибирская жизнь. 1915. 7 июля. С. 3.

³ Кружки-патронаты // Сибирская жизнь. 1915. 4 марта. С. 2.

⁴ В благотворительном кружке дам духовного звания // Сибирская жизнь. 1915. 15 января. С. 8.

в военное время». Затем священник И. Россов рассказал о своей поездке с пасхальными подарками в действующую армию в качестве уполномоченного Новониколаевского отдела Сибирского общества помощи больным и раненым воинам. 10 марта 1915 г. он выехал из Новониколаевска, его обязанностью было сопровождение шести вагонов с подарками. В пути Россов следил за целостностью пломб и замков, представлял проверяющим сопроводительные документы на груз. Ему удалось вручить часть подарков солдатам в Гомеле, часть в Варшаве, побывать на передовой. Россов описал бомбардировку немецкими самолетами передовых позиций российской армии, впечатления от тех разрушений, которые произвела война в западных регионах страны. Лишь 29 марта он попал в один из сибирских полков, смог передать подарки, письма и вести с родины⁵.

За первый год работы (с 8 сентября 1914 г. по 8 сентября 1915 г.) сумма собранных кружком пожертвований составила 30 816 руб. 53 коп. За этот же период было израсходовано на благотворительные мероприятия 19 665 руб. 41 коп. За второй год (с 8 сентября 1915 г. по 8 сентября 1916 г.) удалось собрать 35 521 руб. 58 коп., было израсходовано 28 099 руб. 63 коп.⁶

При Томской городской думе был образован еще один дамский комитет. В нем работали женщины из семей гласных думы и членов городской управы, в число которых входили купцы, почетные граждане, учителя, врачи, чиновники [Грибовский, 2014: 19]. Основными направлениями деятельности дамского комитета стала заготовка белья для солдат, организация швейной мастерской для жен призванных, содержание детского очага. Зимой 1914—1915 гг. в швейную мастерскую поступили заказы от общественных и казенных учреждений, обеспечивавших женщин более или менее постоянной работой. Но к лету 1915 г. при увеличении числа солдаток, нуждавшихся в заработке, заказы значительно сократились из-за нарастания экономических трудностей (дороговизна и дефицит продовольственных и промышленных товаров)⁷.

К весне 1915 г. благотворительная активность жен чиновников снизилась. Члены дамского комитета при городской думе перестали посещать заседания. В швейной мастерской и детском очаге не хватало сотрудников. Руководство дамского комитета приняло решение расширить его состав за счет всех желающих. В «Сибирской жизни» было размещено объявление: «Необходим приток в организацию свежих сил. Дамский комитет обращается ко всем желающим быть полезными в учреждениях по оказанию помощи семьям воинов с просьбой вступить в комитет»⁸.

⁵ Поездка с пасхальными подарками в действующую армию по полномочию Новониколаевского отдела Сибирского общества // Томские епархиальные ведомости. 1915. 15 июня. С. 514—522.

⁶ Годовой отчет [материальный и денежный] кружка с 8 сентября 1914 г. по 8 сентября 1915 г. // Томские епархиальные ведомости. 1915. 15 ноября. С. 729—731; Доклад о деятельности кружка дам духовного звания в Томске за время с 8 сентября 1915 г. по 8 сентября 1916 г. // Томские епархиальные ведомости. 1916. 15 декабря. С. 689—711.

⁷ В дамском комитете при правлении Томской думы // Сибирская жизнь. 1915. 22 января. С. 2; О швейной мастерской городского дамского комитета // Сибирская жизнь. 1915. 29 августа. С. 3.

⁸ В городском дамском комитете // Сибирская жизнь. 1915. 17 апреля. С. 3.

Еще несколько дамских комитетов Томска были образованы женами чиновников и служащих. К их числу можно отнести Дамский кружок при благотворительном комитете судебных деятелей, а также Дамский комитет при управлении Томской железной дороги⁹. Оба комитета занимались заготовкой белья, подарков для солдат, но в работе второго была определенная специфика: он заготавливал белье для поездов-бань. Поезда-бани существовали на позициях с конца 1914 г. В состав подобных поездов входили цистерны на 2000 ведер воды, вагоны с электрическими станциями, мастерские для починки одежды и сапог, вагоны-раздевальни, вагоны для грязного белья, вагоны собственно бани, дезинфекционные камеры, склады чистого белья, вагоны для персонала и администрации. Белья для подобных поездов требовалось много. Так, заведующий поездом-баней имени императрицы Александры Федоровны А. К. Смигельский обращался к дамским комитетам страны в феврале 1915 г.: «Наша работа, слава богу, наладилась. Если до сих пор вымывали по 1100—1200 человек в день, то теперь будем вымывать по 1600. В месяц свыше 40 тысяч солдат. Одна беда — белья мало. А не дай после бани чистого белья — это наполовину уменьшит и пользу, и смысл бани. Мне необходимо иметь, чтобы успешно работать, 40 тысяч комплектов белья в месяц. Очень прошу вас обратить на это, через посредство вашей газеты, внимание общества»¹⁰.

В январе 1915 г. на страницах «Сибирской жизни» Дамский комитет Томской железной дороги отчитывался об отправке для поезда-бани очередной партии вещей, в которую входили: 2000 комплектов белья (каждый комплект состоял из пары портянок или полотенца, сорочки, кальсон, куса мыла и мочалки), 100 веников, простыни, наволочки, хирургические сорочки, кальсоны, подушки, плюс к этому папиросы и табак, сахар, чай¹¹.

Управление железной дороги оказывало посильную помощь дамским комитетам, в которых работали жены железнодорожных служащих. Так, по предложению главного комитета при ведомстве пассажирского сообщения в пассажирских поездах организовывались кружечные сборы для обеспечения поездов-бань возможно большим запасом белья. На Томской железной дороге в вагонах почтовых поездов прямого сообщения Иннокентьевская — Челябинск было установлено 125 кружек¹².

Университетская общественность Томска не осталась в стороне от организации помощи воинам и раненым, самостоятельные дамские комитеты были образованы при Императорском Томском университете, при Технологическом институте, при Сибирских высших женских курсах.

Дамский комитет Императорского Томского университета работал в его главном здании ежедневно в вечернее время. Председательницей была избрана супруга ректора А. А. Попова. В пользу кружка поступали процентные отчисления

⁹ Дамский кружок при благотворительном комитете судебных деятелей // Сибирская жизнь. 1915. 19 марта. С. 2.

¹⁰ О поезде-бане № 2 имени императрицы Александры Федоровны // Сибирская жизнь. 1915. 10 февраля. С. 5.

¹¹ Для поезда-бани // Сибирская жизнь. 1915. 27 января. С. 3.

¹² О поезде-бане № 2 имени императрицы Александры Федоровны // Сибирская жизнь. 1915. 10 февраля. С. 5.

от жалования служащих университета, пожертвования, средства от кружечных сборов. Дамы организовывали культурно-развлекательные мероприятия: кинематографические сеансы в местном кинотеатре «Фурор», оперные спектакли, экскурсии по университету и др.¹³

В летний период деятельность комитета приостанавливалась в связи с наступлением дачного и отпускного сезона. Ежегодно правление дамского комитета извещало дам о том, что текущие работы по изготовлению белья продолжались до 20 мая. Горожане стремились уехать за город, общественная жизнь в городе затихала, приток пожертвований во все благотворительные организации заметно сокращался. В летнее время работа осуществлялась на дому. Раз в неделю дамы собирались в помещении зала совета университета для получения материалов¹⁴.

В 1915 г. Дамский комитет Императорского Томского университета организовал очаг для детей призванных. Но на содержание очага средств не хватало, поэтому через газету «Сибирская жизнь» дамы обращались за помощью к населению¹⁵. Регулярную поддержку комитету оказывал П. И. Макушин.

Дамский академический кружок высших учебных заведений Томска возглавила жена профессора Томского технологического института М. И. Потебня¹⁶. Так же как и Дамский комитет при Сибирских высших женских курсах, он занимался сбором пожертвований на подарки солдатам и изготовлением белья¹⁷.

Во второй половине 1915 г. в Томск начали прибывать беженцы. В городе были организованы Дамский комитет для оказания помощи пострадавшим от военных действий и Дамский комитет помощи беженцам без различия национальности. В октябре первый устроил лотерею-аллегри, на вырученные средства от которой была приобретена одежда и обувь для беженцев. Второй комитет начал прием пожертвований на базарной площади, здесь же у населения скупали ношенные вещи и сразу же раздавали их беженцам¹⁸.

Кроме перечисленных комитетов, в Томске действовали Дамский благотворительный кружок по оказанию помощи пострадавшему от военных действий населению в царстве Польском без различия национальностей (председательница — жена помощника начальника Томского округа путей сообщения С. А. Орлова), Дамский комитет помощи раненым и нуждам военного времени,

¹³ Кружок дам служащих учебного ведомства // Сибирская жизнь. 1915. 7 февраля. С. 2; Благотворительный кружок дам при университете // Сибирская жизнь. 1915. 13 февраля. С. 2; В благотворительном кружке дам учебного ведомства при университете // Сибирская жизнь. 1915. 27 февраля. С. 3; Кружечный сбор // Сибирская жизнь. 1915. 6 марта. С. 3.

¹⁴ В благотворительном кружке дам учебного ведомства при университете // Сибирская жизнь. 1915. 18 апреля. С. 2.

¹⁵ Детский очаг в «Доме науки» // Сибирская жизнь. 1915. 12 февраля. С. 2.

¹⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск: Тип. губ. упр., 1915. С. 135.

¹⁷ Дамский комитет при Сибирских высших женских курсах // Сибирская жизнь. 1915. 15 февраля. С. 3; День «красного яичка» // Сибирская жизнь. 1915. 18 февраля. С. 2; Подарки солдатам // Сибирская жизнь. 1915. 20 февраля. С. 2.

¹⁸ Благотворительная лотерея-аллегри // Сибирская жизнь. 1915. 18 октября. С. 3; Дамский комитет помощи беженцам без различия национальности // Сибирская жизнь. 1915. 9 октября. С. 2.

Дамский комитет, состоящий при томском отделении благотворительного комитета Великой княгини Елизаветы Федоровны¹⁹.

Многие томичи с удивлением смотрели на такую широкую женскую благотворительную деятельность. Об этом свидетельствует полемика, развернувшаяся на страницах «Сибирской жизни» весной 1915 г. В номере за 1 марта «Сибирская жизнь» опубликовала заметку о местных дамах: «Они как бы самой судьбой поставлены господствовать, слегка скучать от безделья, придумывать себе развлечения, всегда быть чем-либо недовольными, а главное, не прикасаться ни к какой работе, кроме брезгливого притрагиванья к какому-либо запыленному предмету, когда явится необходимость пораспечь прислугу. Это особое сословие, которое будет здравствовать всегда, пока существует буржуазия и бюрократия. И вот необыкновенное происходит теперь в среде дам, не только тех, которые принимают деятельное участие непосредственно в различных дамских комитетах или благотворительных организациях, но и тех, которые сидят дома и терпеливо шьют солдатские рубахи и штаны, кроят портянки, придумывают, что бы положить в солдатские кисеты, жадно хватаясь при этом за всякую свежую телеграмму, за всякое известие о текущих событиях. Что же касается дам, продающих флажки, значки, открытки, объезжающих на ломовых санях город, распродающих билеты на концерты и вечера, хлопочущих с устройством детских очагов, публичных лекций, благотворительных базаров, лотерей, кинематографических сеансов и т. д. и т. д., то эти решительно преобразились, стряхнули с себя равнодушие к чужим страданиям, нищете и горю. Это совсем не то, что в предыдущие войны, когда вся деятельность дам заключалась в щипании корпии и почти безучастном созерцании народного горя. Что же все это значит? Уж не репетиция ли это перед большим участием в общественной работе? <...> Уж не экзамен ли это на звание сознательных и деятельных горожанок?»²⁰

Снисходительно-удивленный тон заметки возмутил сотрудниц дамских комитетов. Уже в следующем номере газеты был опубликован ответ на нее за подписью «одна из многих»: «Пора, давно пора перестать иронизировать над “дамами”, в настоящий момент их нет, совершенно нет, и перечисленные фамилии участниц благотвор<ительного> базара вовсе не подходят под эту квалификацию. Большинство из них — жены служащих, лиц, получающих жалованье, значит, далеко не обеспеченных людей, и им приходится делать гораздо больше, чем “брезгливо притрагиваться мизинчиком к какому-либо запыленному предмету”, гораздо больше! Кто же не знает, что все благотворительные учреждения существуют только благодаря “этим дамам”, т. е. говоря человеческим языком, благодаря отзывчивости души женщины. Да, все “дамы” работали и сделали кто что умел и успел, совершенно не думая услышать похвалу или попасть “на страницу истории”. Работали просто: надо помочь»²¹.

Вопрос о возросшей гражданской активности женщин в годы Первой мировой войны активно дискутировался и на страницах центральной печати. Точка зрения дам из Томска совпадала с позицией «Журнала для хозяек», который опубликовал следующие строки в августе 1915 г.: «Мы, женщины, думаем,

¹⁹ Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Томск: Тип. губ. упр., 1915.

²⁰ О дамской работе // Сибирская жизнь. 1915. 1 марта. С. 5.

²¹ Письмо // Сибирская жизнь. 1915. 3 марта. С. 5.

что вообще никаких героических поступков нет, а есть лишь точное исполнение обязанностей пред законом государства и законом личной совести. Если же некоторые мужчины думают иначе и возводят в героизм долг, то это не наша вина и не наше дело обижаться; мы можем только улыбнуться такой непоследовательности в мужчинах, раз женщину порицающих, а в другой — воспевающих ей гимны»²².

Начиная со второй половины 1915 г. все благотворительные организации Томска, и дамские комитеты в том числе, испытывали серьезные сложности с притоком пожертвований. Дамские комитеты давали объявление в «Сибирскую жизнь» об очередной благотворительной акции, а затем отменяли мероприятие из-за того, что не было желающих участвовать в его проведении. Причина заключалась в общем ухудшении экономической жизни в сибирских городах, дороговизне товаров. Быстро росли цены на сахар, дрова, мыло и другие товары первой необходимости. Кроме того, расходы благотворительных обществ существенно возросли, поскольку увеличивалась численность раненых, беженцев, военнопленных. В помощи нуждались семьи воинов, дети призванных и погибших.

Тем не менее в 1916—1917 гг. дамские комитеты Томска продолжали работу. Они откликались на все проблемы и вызовы военного времени, не ограничивали свою деятельность одним направлением, оказывали помощь самым разным категориям нуждавшихся.

Заключение

Материалы газеты «Сибирская жизнь» дают возможность выявить сведения о деятельности 12 дамских комитетов и кружков Томска в период Первой мировой войны. Историческое исследование различных форм женской общественной активности в Сибири позволяет увидеть, как в начале XX в. государство и общество начали использовать гражданский потенциал женщин. Это, в свою очередь, меняло общественные взгляды на их роль и предназначение, оказывало влияние на характер социальных и культурных процессов в регионе.

Библиографический список

- Грибовский М. В. Профессора Томского университета — гласные городской думы (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2014. № 2 (28). С. 18—23.
- Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 280 с.
- Долидович О. М. «Уж не репетиция ли это перед большим участием в общественной работе?»: дамские комитеты Енисейской губернии в войнах начала XX века // Былые годы: российский исторический журнал. 2014. № 31 (1). С. 32—37.
- Долидович О. М. Деятельность женских благотворительных обществ Барнаула в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 12 (177). С. 151—157.
- Жилякова Н. В. Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2009. № 3. С. 102—115.

²² Письма читательниц // Журнал для хозяек. 1915. 15 августа. С. 25—27.

References

- Dmitrienko, N. M. (2000) *Sibirskii gorod Tomsk v XIX — pervoi treti XX veka: upravlenie, ekonomika, naselenie* [Siberian city of Tomsk in the XIX — first third of the XX century: management, economy, population], Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Dolidovich, O. M. (2014) "Uzh ne repetitsiia li èto pered bol'shim uchastiem v obshchestvennoi rabote?": damskie komitety Eniseiskoi gubernii v voïnakh nachala XX veka ["Can it be a rehearsal before a wider participation in the social activities?": women's committees of the Yenisey Province in wars of the early XX century], *Bylye gody: Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, no. 31 (1), pp. 32—37.
- Dolidovich, O. M. (2016) Deiatel'nost' zhenskikh blagotvoritel'nykh obshchestv Barnaula v gody Pervoï mirovoi voïny [Activities of women's charitable societies in Barnaul during the First World War], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 12 (177), pp. 151—157.
- Gribovskii, M. V. (2014) Professora Tomskogo universiteta — glasnye gorodskoi dумы (konets XIX — nachalo XX v.) [Professors of Tomsk University — deputies of the City Duma (late XIX — early XX c.)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Istoriiia, no. 2 (28), pp. 18—23.
- Zhiliakova, N. V. (2009) Tsenzurnaia istoriia gazety "Sibirskaiia zhizn'" [Censorship history of the newspaper "Sibirskaya zhizn'"], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Filologiia, no. 3, pp. 102—115.

Статья поступила 16.11.2016 г.

Информация об авторе / Information about the author

Долидович Олеся Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры современных образовательных технологий, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, dolidovich@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Modern Educational Technologies, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 103—109
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.9

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 103—109
ББК 74.03(2)5-422
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.9

**ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНОГО
И СРЕДНЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(На примере Орловской губернии)**

Е. Н. Хабалева^{a, b}

^a Орловский государственный университет экономики и торговли, г. Орел, Россия,
katya.e2011@yandex.ru

^b Орловский государственный университет, г. Орел, Россия

Анализируется эволюция системы женского начального и среднего образования в Орловской губернии во второй половине XIX — начале XX в. Выявляются особенности организации учебного процесса, содержание курса училищ и гимназий, подведомственных Министерству народного просвещения. Общероссийские тенденции развития начального и гимназического женского образования рассматриваются на примере конкретного региона — Орловской губернии. Приводятся данные архивных материалов, которые позволяют судить о количестве и состоянии училищ и гимназий в губернии.

Ключевые слова: начальное и среднее образование в Российской империи, Министерство народного просвещения, женские училища первого и второго разряда, Орловская губерния.

**THE EVOLUTION OF THE SYSTEM OF PRIMARY
AND SECONDARY EDUCATION FOR WOMEN IN RUSSIAN
EMPIRE IN SECOND HALF XIX — BEGINNING OF XX c.
(On the example of the Orel province)**

E. N. Khabaleva^{a, b}

^a Orel State University of Economics and Trade, Orel, Russian Federation,
katya.e2011@yandex.ru

^b Orel State University, Orel, Russian Federation

The article analyzes the evolution of the system of female primary and secondary education in the Orel province in the second half of XIX — early XX c. The peculiarities of educational process organization, the maintenance of schools and gymnasiums subordinated

to the Ministry of Education are uncovered. The novelty of the research is determined by the fact that in addition to all-Russian tendencies of development of primary and gymnasium education for women, the author analyzes the state of these educational levels in a particular region of the Orel province. The article presents the data of archival materials, which allow to judge about the number and condition of schools and high schools in the province of Orel.

Key words: primary and secondary education in the Russian Empire, Ministry of Education, women's schools of the first and second category, Orel province.

Введение

Женское и мужское образование в Российской империи долгое время находились в неравном положении. Безусловно, такая ситуация была вызвана разными требованиями, предъявляемыми обществом к мужчинам и женщинам. Последним отводилась роль матерей, жен и хранительниц домашнего очага. Трудовая деятельность, требующая определенного уровня образования, была прерогативой мужчин, а для женщин доступ в эту сферу был закрыт. Переломным моментом, после которого подобное неравенство начало постепенно преодолеваться, стала реформаторская деятельность императора Александра II, открывшего дорогу для женского начального, среднего и высшего образования под эгидой Министерства народного просвещения.

Назревшая к середине XIX в. необходимость крупномасштабных преобразований дала толчок «великим реформам» Александра II, затронувшим многие сферы жизни общества, в том числе и образование, востребованность которого стала очевидна по факту реформирования основ государственной системы, изменений в экономическом развитии страны. Необходимость широкого распространения грамотности осознавалась как представителями общественности, так и правительственными кругами: вовлечение огромных масс населения в сферу капиталистических социально-экономических отношений требовало придания образованию статуса неременного атрибута повседневной жизни.

В условиях модернизации государства постепенно менялось и представление о роли женщины в обществе: все чаще ей приходилось работать, а не только заботиться о благополучии семьи. Предъявляемые к женщинам качественно иные требования — владение теоретическими и практическими навыками, позволяющее им обеспечить себя средствами к существованию, — выходили за рамки задач образовательных учреждений для женщин, действовавших в тот период.

Положение женских училищ в системе светского образования

Началом преобразований в указанной сфере стал доклад министра народного просвещения А. С. Норова от 5 марта 1856 г., в котором он изложил основные недостатки существующей системы образования. В числе прочего им была отмечена необходимость широкого распространения женского образования, обеспечения равных условий для обучения обоих полов [Рождественский, 1902: 372].

Этот доклад был одобрен императором Александром II, после чего началась постепенная реализация поставленных в нем задач. Первый шаг на пути создания женских образовательных учреждений был сделан 10 мая 1860 г., когда приняли Положение о женских училищах ведомства Министерства народного

просвещения [Высочайше утвержденное... , 1862], которое регламентировало правовую процедуру формирования и деятельности таких учебных заведений, управления ими. Женские училища состояли в главном ведении попечителей учебных округов и учреждались с их разрешения. Они создавались за счет общественных или частных средств во всех городах, где была такая возможность. Иными словами, правительство практически полностью перекладывало с себя обязанности по финансированию министерских женских училищ. Управление ими осуществлял губернатор, который являлся почетным попечителем всех женских учебных заведений, находящихся в губернии. На нем лежала обязанность содействовать открытию новых училищ и поддерживать развитие уже существующих. Непосредственным управлением при каждом женском училище занимались два совета. Попечительный совет создавался для содействия успешному развитию училища со стороны общества, педагогический — для разрешения вопросов, относящихся к учебной и воспитательной части [там же: 533].

По курсу преподаваемых дисциплин различались училища первого и второго разрядов. Полный курс обучения в училищах первого разряда составлял шесть лет, в училищах второго разряда три года [там же: 535]. Предметы, преподаваемые в них, разделялись на обязательные и необязательные.

Обязательными в училищах первого разряда являлись: Закон Божий, русский язык, грамматика и словесность, арифметика и понятие об измерениях, география всеобщая и русская, история всеобщая и русская, начальные знания естествознания и физики, чистописание и рукоделие. В училищах второго разряда это были: Закон Божий, русская грамматика, русская история и география в сокращенном объеме, первые четыре правила арифметики, чистописание и рукоделие. К числу необязательных предметов относили французский и немецкий языки, рисование, музыку, пение и танцы. За обучение необязательным предметам вносилась дополнительная плата, размер которой определялся попечительным советом училища.

Особенность этих образовательных учреждений состояла в том, что наряду с гуманитарными, естественными и математическими науками в них прививали навыки исконно женских занятий. Таким образом, главная цель женского образования продолжала оставаться прежней. В училищах первого и второго разряда ученицы должны были получить основы религиозного и «умственного» образования, которое необходимо каждой женщине, в особенности будущей супруге и матери семейства.

После принятия вышеуказанного Положения во многих уездных и губернских городах были созданы женские училища. На основе анализа отчета попечительного совета Орловского женского училища второго разряда за 1860/61 учебный год можно сделать некоторые выводы о работе данных учебных заведений.

Орловское женское училище второго разряда начало работу 26 сентября 1860 г. В год открытия было образовано два первых класса. На 1861/62 учебный год планировалось сформировать третий класс. Местное управление в училище осуществлялось в соответствии с Положением 1860 г.: главная роль была отдана попечительному и педагогическому советам.

В первый год работы училища в нем обучалось 28 девочек: 21 человек — в первом классе, 7 — во втором. Если проанализировать социальный состав учениц, то станет очевидно, что данный вид образования был доступен в основном

представительницам высших сословий. В отчете приведена следующая статистика: среди учениц училища из семей потомственного дворянства было 3 человека, из семей личного дворянства — 11, из семей духовенства — 1, купечества — 3, мещан — 8 [ГАОО, ф. 580, ст. 2, д. 1489, л. 117].

В последующие два года количество учениц не превышало 25 человек. Данное учебное заведение не пользовалось большой популярностью, поскольку малый объем учебного курса, который едва превышал объем приходского училища, не служил его преимуществом. Училище не удовлетворяло потребности некоторых сословий, прежде всего дворян и купечества, так как в нем не преподавали искусство, музыку, танцы и языки, а знания именно в этих областях считались для женщин приоритетными. К тому же конкуренцию Орловскому училищу второго разряда составляли два частных женских пансиона. Все эти факты в совокупности привели к преобразованию последнего в училище первого разряда с полным гимназическим курсом (за исключением изучения древних языков), которое было открыто 13 октября 1863 г.

В первый учебный год начали действовать три низших класса, следующие три предполагалось открыть в течение трех лет. Таким образом, первый выпуск по окончании полного курса планировался в 1867 г. Местное управление училищем осталось за попечительным советом, учрежденным в связи с созданием в 1860 г. Орловского женского училища второго разряда. Заведование учебной и воспитательной частью сохранилось за педагогическим советом. Состав попечительного совета не изменился. В него по-прежнему входили пять постоянных членов и двое выборных, педагогический же совет составляли директор училища (на правах председателя) и преподаватели.

В течение первого учебного года в первом классе обучалась 31 девочка, во втором — 27, в третьем — 9, всего — 67 девочек. Анализируя социальный состав учениц, можно отметить существенный рост количества девочек дворянского сословия. Как показывает статистика, приведенная в отчете, 59 учениц были детьми потомственных и личных дворян, 3 — священников, 4 — купцов, 1 — дочь офицера [там же, л. 157].

Плата за обучение определялась попечительным советом и утверждалась попечителем Харьковского учебного округа. За слушание обязательных предметов (Закон Божий, русский язык, математика, физика, естественная история, география, чистописание и рукоделие) взималась плата 25 руб. За слушание обязательных и необязательных предметов (немецкого, французского языков и рисования) — 50 руб.; за обучение музыке, пению, танцам — 25 руб., одним танцам — 10 руб. [там же, л. 158]. В течение года учениц, слушавших одни обязательные предметы, было 9, обязательные и необязательные — 58, обучающихся музыке и танцам — 34, одним танцам — 6 [там же, л. 158].

В апреле 1864 г. Орловское училище первого разряда было переименовано в Николаевское в честь посещения этого учебного заведения цесаревичем Николаем в октябре 1863 г. Таким образом, на 1869 г. в Орловской губернии действовали три женских училища второго разряда, в которых обучались 132 ученицы (преимущественно городского сословия), и одно училище первого разряда (Николаевское), в нем количество учениц составляло 86 человек (преимущественно дворянского сословия) [ГАОО, ф. 78, оп. 1, д. 2474, л. 30 об.].

Гимназическое образование: специфика развития

Существенным недостатком образования в Российской империи долгое время являлось отсутствие женских гимназий ведомства Министерства народного просвещения. Фактически женское образование ограничивалось начальной ступенью обучения, и хотя курс училищ первого разряда был близок к гимназическому, официально в систему среднего образования они не входили.

Положение о женских гимназиях и прогимназиях было принято 24 мая 1870 г. [Высочайше утвержденное... , 1874: 701—705]. В данном Положении, действовавшем без существенных изменений вплоть до 1917 г., определялись правовые основы организации женских гимназий. В соответствии с документом в стране учреждались трехклассные женские прогимназии, обучение в которых соответствовало обучению в младших классах гимназий. Полный гимназический курс длился семь лет. Программы обучения во всех гимназиях и прогимназиях практически не различались. Новым было создание в женских гимназиях восьмого, педагогического класса, закончив который, можно было заниматься преподавательской деятельностью. Постановка преподавания во всех женских средних школах вначале отличалась поверхностностью, а учебные курсы — краткостью и бессодержательностью. Но с тех пор как в стране начало развиваться высшее женское образование и усилилось стремление женщин к труду, обучение в женских гимназиях стало серьезней.

В Орловской губернии первая женская гимназия появилась сразу же после принятия Положения на базе существовавшего Николаевского училища первого разряда. После переименования учебного заведения курс обучения не подвергся серьезной корректировке: продолжало существовать деление на обязательные и необязательные предметы. Особенность женских гимназий состояла в том, что в них не обучали древним языкам — латинскому и греческому, как в мужских, изучение французского и немецкого языков входило в число необязательных предметов и осуществлялось за дополнительную плату. Большое внимание в женском гимназическом курсе отводилось приобретению навыков ведения домашнего хозяйства, соблюдения гигиены, рукоделия, игры на музыкальных инструментах, пения, танца, рисования, т. е. традиционных женских занятий.

Открывшаяся для девочек возможность учиться в начальных школах, некоторое расширение их сети потребовали подготовки учителей-женщин. В связи с этим правительство вынуждено было разрешить женщинам вести педагогическую работу. Положение 1870 г. предусматривало выдачу девушкам, окончившим семь классов, аттестата на звание учительницы начальной школы, а окончившим восемь классов — на звание домашней учительницы; девушки, получившие медали, имели право быть домашними наставницами.

После принятия Положения 1870 г. женские гимназии стали открываться не только в Орле, но и в уездных городах губернии, чаще всего на базе существовавших ранее училищ. Так, Елецкая женская гимназия была создана вскоре после реформы, в 1874 г., на базе действовавшей с 1871 г. прогимназии, а последняя, в свою очередь, была преобразована из училища второго разряда [ГАЛО, д. 608, л. 17]. Женские гимназии не сразу завоевали популярность среди населения Российской империи, но по мере развития среднего образования их востребованность постепенно возрастала. На примере Елецкой женской

гимназии можно проследить устойчивую динамику роста числа учениц на протяжении второй половины XIX — в начале XX в.: если в год открытия (1874) в гимназии обучалась только 81 девочка, то в конце столетия (1899 г.) их число возросло до 556 человек, а в начале века (1914 г.) их стало уже 745 [ГАЛО, д. 608, л. 28; д. 3, л. 2; д. 128, л. 44]. Такая положительная тенденция, безусловно, свидетельствует о росте популярности женских гимназий на рубеже столетий. Хотя гимназическое образование и провозглашалось сословным, анализ социального состава свидетельствует о явном преобладании одних сословий над другими. В Елецкой женской гимназии в 1899 г. из 556 учениц дети дворян и чиновников составляли 153 человека (27,5 % от общего числа учащихся); дети лиц духовного звания — 35 (6,3 %); мещан, купцов, разночинцев — 320 (57,6 %); крестьян — 48 (8,6 %) [ГАЛО, д. 128, л. 44]. Похожая картина сохранялась и в начале XX столетия. Таким образом, опираясь на статистические данные, можно сделать вывод о преимущественном обучении дочерей городских обывателей в провинциальных гимназиях, где их в процентном соотношении было больше половины. Меньшей популярностью среднее образование пользовалось у крестьян и священнослужителей. Данные сословия занимали незначительное место в социальной структуре учащихся Елецкой женской гимназии.

Подобная ситуация — обучение девочек преимущественно из городской среды — объяснима особенностями финансирования: деньги на содержание женских гимназий поступали чаще всего от местных городских и сельских обществ, а Елецкой гимназии средства предоставлялись именно городским обществом, отсюда и преобладание этого сословия в стенах учебного заведения.

Гимназическое образование в Российской империи было платным, за право обучения родители девочек должны были ежегодно вносить определенную сумму. При этом его стоимость не была унифицирована, плата взималась отдельно за обучение обязательным и необязательным предметам. Наибольшей популярностью у учениц Елецкой гимназии пользовались уроки рисования и черчения, гимнастики и танцев, а также французского и немецкого языков.

Заключение

Долгое время в Российской империи женскому образованию придавалось второстепенное значение и фактически не было системы государственных образовательных учреждений, охватывающих все ступени обучения — от начального до высшего. В годы осуществления «великих реформ» эта ситуация стала меняться, поскольку задача развития женского образования составила одно из направлений деятельности Министерства народного просвещения. Во второй половине XIX в. в стране появились специальные женские училища с программами обучения, рассчитанными на три и шесть лет, было принято Положение о женских гимназиях, что дало девушкам возможность осваивать среднюю ступень обучения и заниматься преподавательской деятельностью в дальнейшем. Все это, безусловно, свидетельствует о распространении женского образования и росте доступности его получения в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в.

Однако если обратиться к направленности обучения в женских образовательных учреждениях как начальной, так и средней ступени, то можно проследить его общую цель — подготовка к выполнению роли хорошей матери и супруги,

т. е. фактически полученные знания и умения большинство женщин не могли использовать для самореализации в профессиональной сфере, а должны были их применять сугубо в семейной жизни. Таким образом, цель женского образования предопределялась местом и статусом женщины в обществе.

В целом, несмотря на несомненно положительную тенденцию развития женского образования во второй половине XIX в., оно продолжало отставать от мужского. Подтверждением тому служат данные переписи населения 1897 г. Общий показатель грамотности всего населения Российской империи по состоянию на 1897 г. был равен 21,1 %, грамотных среди мужчин насчитывалось 29,3 %, что как минимум в два раза больше, чем среди женщин (13,1 %). При этом уровень грамотности населения Орловской губернии был несколько ниже общероссийского. Из общего числа жителей (2 033 798 человек) грамотных было 281 797 мужчин и 78 980 женщин, т. е. лишь 17,6 % всего населения. Фактически почти 2/3 мужчин и 13/14 женщин оставались в Орловской губернии безграмотными [Первая... , 1904: 18].

Библиографический список

- Высочайше утвержденное Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения от 10 мая 1860 года // Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. СПб.: Тип. II Отд-ния собст. Е. В. канцелярии, 1862. Т. 35. С. 532—535.
- Высочайше утвержденное Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения от 24 мая 1870 года // Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. СПб., 1874. Т. 45. С. 701—705.
- ГАЛО (Государственный архив Липецкой области). Ф. 42. Оп. 1.
- ГАОО (Государственный архив Орловской области).
- Памяти Константина Дмитриевича Ушинского. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1896. 212 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Орловская губерния / Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. [Вып.] 29. 284 с.
- Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802—1902 / М-во нар. просвещения. СПб., 1902. 785 с.

Статья поступила 23.11.2016 г.

Информация об авторе / Information about the author

Хабалева Екатерина Николаевна — старший преподаватель кафедры истории, философии, рекламы и связей с общественностью, Орловский государственный университет экономики и торговли; аспирантка кафедры истории России, Орловский государственный университет, г. Орел, Россия, katya.e2011@yandex.ru (Senior Lecturer at the Department of History, Philosophy, Advertising and Public Relations, Orel State University of Economics and Trade; PhD student at the Department of History of Russia, Orel State University, Orel, Russian Federation).

РЕЦЕНЗИИ

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 110—115
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.10

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 110—115
ББК 60.542.2
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.10

КОМУ, ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ НУЖНЫ «ГЕНДЕРНЫЕ НОРМЫ...»?

Рец. на кн.: *Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен*. М.: Проспект, 2017. 144 с.

М. А. Кашина

Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru

WHO, WHAT FOR AND WHY ONE NEEDS “GENDER NORMS...”?

Review to: *Klecina T. S., Ioffe E. V. Gender norm as a socio-psychological phenomenon*. Moscow: Prospekt, 2017. 144 p.

M. A. Kashina

North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation, Kashina_soc@inbox.ru

В наше время научная литература редко выходит большими тиражами, поэтому вопрос, вынесенный в заголовок, вполне оправдан. Ответ на него будет следующим. «Гендерные нормы...» нужны всем, потому что они определяют особенности поведения мужчин и женщин. Зная их, можно выстроить более продуктивные отношения с близкими и коллегами по работе. Понимание природы и характера гендерных норм позволяет всем нам избежать множества межличностных и внутриличностных конфликтов, лучше разобраться в себе и определить оптимальную жизненную стратегию.

Успех любой книги по психологии обусловлен простым и понятным желанием людей лучше познать себя и окружающих. Однако гендерной

психологии в этом отношении не очень повезло. Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина в «Гендере для “чайников” — 2» саркастично пишут: «По всей видимости, именно на традиционные взгляды рассчитаны многочисленные пособия “по эксплуатации мужчин” и “эротическому манипулированию”, пособия “как найти богатого мужа”, “по стервологии” и пр. В них признается, что женщинам, чтобы добиться определенных позиций в жизни, нужно, во-первых, использовать самые разнообразные ресурсы — от мудрости и профессионального опыта до способности обольщать, а во-вторых, досконально освоить методику “дрессировки” мужчин и манипуляции ими» [Здравомыслова, Темкина, 2009: 41].

Подобная литература пользуется коммерческим успехом, но имеет очень мало отношения к настоящим исследованиям психологии женщин и мужчин. Рецензируемая монография И. С. Клещиной и Е. В. Иоффе представляет собой счастливое исключение из правил, потому что это сугубо научная работа, основанная на большом количестве данных социологических и психологических исследований, как отечественных, так и зарубежных, и, что самое главное, знакомящая читателя с апробированной и доказавшей свою валидность психологической методикой изучения и оценки этих самых гендерных норм. Читатель в рамках познания себя и своих близких, пользуясь предлагаемыми методиками, может узнать, какими гендерными нормами он руководствуется в своей жизни (текст методик, ключи к оценке результатов и основные направления интерпретации этих результатов — все это представлено в четвертой главе монографии «Психодиагностические методики изучения гендерных норм»). Хотя выводы ему предстоит делать самому.

Для того чтобы читателю было проще понять результаты, авторы начинают свою работу с рассмотрения теоретических основ изучения гендерных норм — содержания понятия «гендерные нормы» и истории их изучения в социальной психологии. Показывается, что только появление гендерного подхода в общественных науках и теория социального конструирования гендера позволили поставить вопрос о научном изучении данного феномена, а также анализируется взаимосвязь понятий «маскулинность»/«фемининность» и гендерных норм.

Прочитав первую главу, даже совсем неподготовленный читатель поймет, что между нормой фемининности и задачей «дрессировки мужчин» существует довольно большая разница, как, впрочем, и между маскулинностью и образом «крутого парня», хотя нельзя утверждать, что здесь вообще нет никакой связи.

Вторая глава монографии посвящена анализу норм мужского поведения традиционалистского и эгалитарного типов. Третья глава рассматривает нормы женского поведения, и тоже обоих типов: традиционалистского и эгалитарного.

На самом деле данная монография полезна не только рядовому читателю, но и научному сообществу, занимающемуся анализом гендерных проблем. Как справедливо отмечают авторы монографии во введении, в отечественной литературе «практически не изучены нормы мужского и женского поведения (гендерные нормы), хотя исследователи нередко обращаются к изучению гендерных стереотипов, гендерных установок, гендерных представлений» [Клещина, Иоффе, 2017: 4—5], но данные социально-психологические характеристики играют существенно меньшую роль в контроле поведения личности в сравнении

с гендерными нормами. Это лишний раз актуализирует проблематику, рассматриваемую в рецензируемой монографии.

Добавлю от себя как социолога. В своих рассуждениях мы довольно часто оперируем понятием «гендерные стереотипы», подразумевая под ними традиционные, патриархатные образы мужских и женских ролей, качеств, типов поведения и т. п. Но мне еще ни разу не встретилось в научной литературе словосочетание «эгалитарный стереотип». Вряд ли это означает, что эгалитарные образы и отношения не могут быть стереотипными, скорее мы не готовы назвать их таковыми. Предлагаемая петербургскими психологами И. С. Клециной и Е. В. Иоффе теоретическая конструкция, включающая в себя четыре вида гендерных норм, не считая огромного количества их индивидуальных вариаций, позволяет приступить к решению этой проблемы. Существование гендерных норм традиционалистского и эгалитарного типов делает возможным развертывание всей совокупности психологической терминологии, связанной с регулированием поведения людей по указанным двум линиям (представления, стереотипы, установки, ожидания и др.). Думается, что это дает хорошую теоретико-методологическую базу для проведения новых исследований и по социальной психологии, и по социологии.

Приведем несколько цитат для того, чтобы охарактеризовать мужские и женские нормы эгалитарного типа. Говорить о традиционалистских нормах смысла нет: они очень хорошо изучены; важнее понять, что означает эгалитарность в гендерных отношениях. Во-первых, «новые или “обновленные” мужчины и женщины демонстрируют новые типы и модели отношений друг с другом, в соответствии с которыми принцип доминирования и главенства в супружеских отношениях сменяется ориентациями на партнерство и паритет» [там же: 45]. Во-вторых, «компетентность мужчин в сфере межличностных отношений в семье, и в частности в детско-родительских отношениях, выступает важной составляющей модернизированной модели маскулинности» [там же: 53]. В-третьих, «менее жесткая модель новой, модернизированной маскулинности, на которую ориентируются в своем поведении современные мужчины, позволяет мужчинам проявлять больше гибкости и вариативности в своем поведении, что улучшает их психологическое самочувствие» [там же]. В-четвертых, «эгалитарные нормы женского поведения представляют собой не столько антипод традиционалистских норм, сколько свободу от эталонной модели фемининности и такое сочетание маскулинных и фемининных характеристик и качеств, которое способствует самореализации личности» [там же: 78].

При этом «по сравнению с женщинами, мужчины менее ориентированы на эгалитарные нормы поведения и более зависимы от традиционной модели маскулинности. Они ощущают на себе выраженное давление норм полоспецифичного поведения, поэтому они в большей мере, чем женщины, стремятся им соответствовать. Поведение женщин более индивидуализировано и менее зависимо от норм полоспецифичного поведения» [там же: 78—79].

Я бы позволила себе сделать более широкое обобщение: если для женщин переход к эгалитарным нормам поведения является побегом из «добровольного рабства в “уютном концлагере” семейной жизни» (Б. Фридан), то куда придут мужчины в результате этого перехода, для многих из них не очевидно. Такая

черта эгалитарной маскулинности, как большая вовлеченность в семейные дела и воспитание детей, является желаемым типом поведения пока еще для очень ограниченного круга российских мужчин, хотя число этих мужчин в последние годы, безусловно, растёт.

Теперь несколько слов о самом интересном — об авторских методиках исследования гендерных норм. Опросник «Нормы мужского поведения» включает 39 утверждений. Теоретическая модель опросника репрезентирует взгляды традиционной маскулинной идеологии, в соответствии с которыми «стандарт» мужского поведения можно описать через пять ролевых норм: 1) способность к проявлению физической и эмоциональной силы, жесткости, твердости; 2) ориентацию на автономию и опору на собственные силы в принятии и реализации решений; 3) ориентацию на профессиональную самореализацию и достижение высокого материального положения; 4) ориентацию в поведении на «настоящих» мужчин; 5) принятие обезличенной сексуальности. Содержание этих норм отражено в пяти субшкалах опросника. В соответствии со значениями итоговой суммарной шкалы определяется приверженность к традиционалистскому, смешанному или эгалитарному типу гендерных норм.

Опросник «Нормы женского поведения» включает утверждения, через которые раскрывается система убеждений и установок по поводу поведения женщин как исполнительниц социальных ролей. Содержание этих норм отражено в следующих субшкалах опросника: 1) установка на замужество и материнство, 2) стремление быть хорошей хозяйкой, 3) значимость привлекательной внешности, 4) готовность заботиться о семье и близких людях, 4) мягкость, чувствительность, 5) зависимость/самодостаточность в отношениях с мужчинами. Итоговая суммарная шкала — «Приверженность традиционалистской модели феминности». Преобладание консервативных или современных взглядов на нормы женского поведения позволяет определить приверженность традиционалистской или эгалитарной модели феминности.

Как отмечают авторы монографии, «эти методики расширяют возможности сравнительного анализа ценностно-нормативной системы представителей разных поколений, этносов, субкультур по уровню приверженности нормативной модели традиционной маскулинности или феминности и по распространенности приверженности эгалитарному и смешанному типам гендерных норм» [там же: 130]. С этим утверждением нельзя не согласиться.

Добавлю от себя, что данная монография продолжает целый ряд научных работ и учебно-практических пособий по гендерной психологии, подготовленных авторами при участии их коллег. Одна из самых известных книг — это «Практикум по гендерной психологии», выдержавший уже два издания (2003 и 2009 г.) и вышедший общим тиражом в 5,5 тыс. экземпляров [Практикум... , 2003; Гендерная психология, 2009]. Цель этого практикума, как и монографии «Гендерные нормы как социально-психологический феномен», состоит в гендерном просвещении жителей нашей страны, формировании у них гендерной компетентности. На самом деле очень горько сознавать, что «предубеждения против женщин-лидеров оборачиваются для них недостатком власти и заставляют прибегать к таким защитным стратегиям, как сверхфункционирование на работе (женщины больше времени проводят на рабочем месте по сравнению

с мужчинами); использование специфически женских способов деловых переговоров с мужчинами (кокетство, лесть, принижение своих способностей), чтобы заставить мужчин работать; применение “маски”: женщины скрывают свою эмоциональную и личную жизнь, избегая говорить о детях, чтобы не получить ярлык менее эффективного работника». Авторы, как и многие исследователи, считают, что такое поведение может составлять угрозу психическому здоровью женщин [Клецина, Иоффе, 2017: 86].

И. С. Клецина и Е. В. Иоффе анализируют в своей работе три типа гендерных внутриличностных конфликтов женщин: ролевой конфликт работающей женщины, конфликт боязни успеха, экзистенциально-гендерный конфликт. Последний представляется наиболее серьезным, поскольку нарушение привычного хода жизни, дезорганизация или даже невозможность обычной жизнедеятельности «требуют от женщины переосмысления своей жизни и ее наиболее существенных составляющих, переоценки своих жизненных целей, отношений с окружающими, образа жизни, т. е. трансформации старых и формирования новых нормативных образцов гендерного поведения» [там же: 74—75]. И далеко не всем женщинам удастся выйти из этого конфликта конструктивно.

Говоря о кризисе традиционной маскулинности, авторы отмечают, что «если рассматривать приверженность эгалитарным нормам мужского поведения с позиции возможностей для поддержания психологического благополучия личности, то здесь предоставляется более широкий репертуар возможных проявлений, который позволяет выбрать мужчине ту стратегию поведения, какую он считает наиболее соответствующей своим личностным особенностям» [там же: 52].

Другими словами, распространение в обществе эгалитарных норм позволяет более успешно преодолевать внутриличностные конфликты как мужчинам, так и женщинам, улучшает их психологическое самочувствие.

В заключение обычно требуется сказать о недостатках и о перспективах работы в избранном направлении. Но сначала о достоинствах. Рецензируемая монография написана хорошим научным языком, изложение материала логично и структурировано, авторам в полном объеме удалось достичь поставленных целей. Что касается недостатков, я бы отметила их в четвертой главе. В целом монография, как уже говорилось, ориентирована на широкого читателя и решает, в числе прочих, задачу гендерного просвещения. Однако ряд сюжетов четвертой главы, связанных с проверкой валидности методик, мерами центральной тенденции и квартилями на разных выборках, доступен для понимания только специалистам. Этот материал был бы очень органичен в специализированном журнале по психологии, где его оценили бы по достоинству; в монографии, адресованной всем интересующимся гендерными проблемами, он представляется излишним.

Теперь о перспективах. Авторы их уже наметили в своем заключении, но я думаю, было бы крайне актуальным изучение динамики гендерных норм у разных поселенческих, профессиональных, этнических и религиозных групп населения. Это особенно важно в условиях продолжающегося в России «патриархатного ренессанса» (А. Посадская).

Библиографический список

- Гендерная психология: практикум / под ред. И. С. Клециной. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Ушел ли в прошлое патриархат? Специфическая власть «слабого пола» // Гендер для «чайников» — 2: сборник статей / отв. ред. и сост. И. Н. Тартаковская. М.: Звенья, 2009. С. 25—41.
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: М.: Проспект, 2017. 144 с.
- Практикум по гендерной психологии / под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2003. 480 с.

References

- Kletsina, I. S. (ed.) (2003) *Praktikum po gendernoĭ psikhologii* [Gender psychology practicum], St. Petersburg: Piter.
- Kletsina, I. S. (ed.) (2009) *Gendernaia psikhologĭia: Praktikum* [Gender psychology: Practicum], St. Petersburg: Piter.
- Kletsina, I. S., Ioffe, E. V. (2017) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskiĭ fenomen* [Gender norms as socio-psychological phenomenon], Moscow: Prospekt.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2009) Ushel li v proshloe patriarkhat? Spetsificheskaiia vlast' "slabogo pola" [Has the patriarchy become a thing of the past? Specific power of the "weak sex"], in: Gender dlia "chaĭnikov" — 2: Sbornik stateĭ, Moscow: Zven'ia, pp. 25—41.

Материал поступил 10.05.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Кашина Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, Kashina_soc@inbox.ru (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Social Technologies, North-West Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

- Воронина О. А.** «Гендерные» праздники: трансформация символических значений 3
- Рябова Т. Б., Рябов Д. О.** Семейные и религиозные ценности как ресурс «мягкой силы» России: дискуссии в современных российских и западных СМИ 17

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А.** STEM: профессиональные траектории молодежи (Гендерный аспект) 33
- Саралиева З. Х.-М., Захарова Л. Н.** Женщины как персонал современного предприятия: ценностный аспект 45
- Креховец Е. В., Леонова Л. А.** Трудоустройство выпускников высших учебных заведений: гендерный анализ 58

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- Курамшев А. В., Кутявина Е. Е., Судьин С. А.** Бабушка в системе внутрисемейных отношений: социологический анализ 70

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

- Окладникова Е. А.** В. Д. Запорожская — ученый-сибиревед: гендерный аспект личной истории 80
- Долидович О. М.** Дамские комитеты Томска в годы Первой мировой войны (По материалам газеты «Сибирская жизнь») 93
- Хабалева Е. Н.** Эволюция системы начального и среднего женского образования в Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. (На примере Орловской губернии) 103

РЕЦЕНЗИИ

- Кашина М. А.** Кому, зачем и почему нужны «Гендерные нормы...»? Рец. на кн.: *Клецина И. С., Иоффе Е. В.* Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М., 2017 110
- Информация для авторов* 116

CONTENTS

POLITOLOGY

GENDER POLITOLOGY

- Voronina O. A.** “Gender” holidays: the transformation of symbolic meanings 3
- Riabova T. B., Riabov D. O.** Family and religious values as a “soft power”
resource: discussions in contemporary Russian and Western mass media 17

SOCIAL SCIENCES

HUMAN CAPITAL

- Savostina E. A., Smirnova I. N., Khasbulatova O. A.** STEM: professional
trajectories of the youth (Gender aspect) 33
- Saraliev Z. H.-M., Zakharova L. N.** Women as personnel of a modern
enterprise: the value aspect 45
- Krekhovets E. V., Leonova L. A.** University graduates employability:
gender analysis 58

SOCIOLOGY OF FAMILY

- Kuramshev A. V., Kutjavina E. E., Sudjin S. A.** Grandmothers in the system
of intergenerational relations in the family: sociological analysis 70

HISTORY AND ARCHEOLOGY

WOMAN'S HISTORY

- Okladnikova E. A.** V. D. Zaporozhskaya — a specialist in Siberian studies:
the gender aspect of the personal history 80
- Dolidovich O. M.** The ladies committees of Tomsk during the First World War
(Based on “Sibirskaya zhizn” newspaper materials) 93
- Khabaleva E. N.** The evolution of the system of primary and secondary
education for women in Russian Empire in second half XIX —
beginning of XX c. (On the example of the Orel province)..... 103

REVIEWS

- Kashina M. A.** Who, what for and why one needs “Gender norms...”?
Review to: *Klecina T. S., Ioffe E. V.* Gender norm as a socio-psychological
phenomenon. Moscow: Prospekt, 2017 110

- Information for the authors* 116

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 3 (84) — 2017

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 18.09.2017 г. Формат 70 x 108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 100 экз.
Заказ № 182. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

